

О Л Е Г Г О Р

ПРОСВЕТЛЕННЫЕ НЕ ХОДЯТ НА РАБОТУ

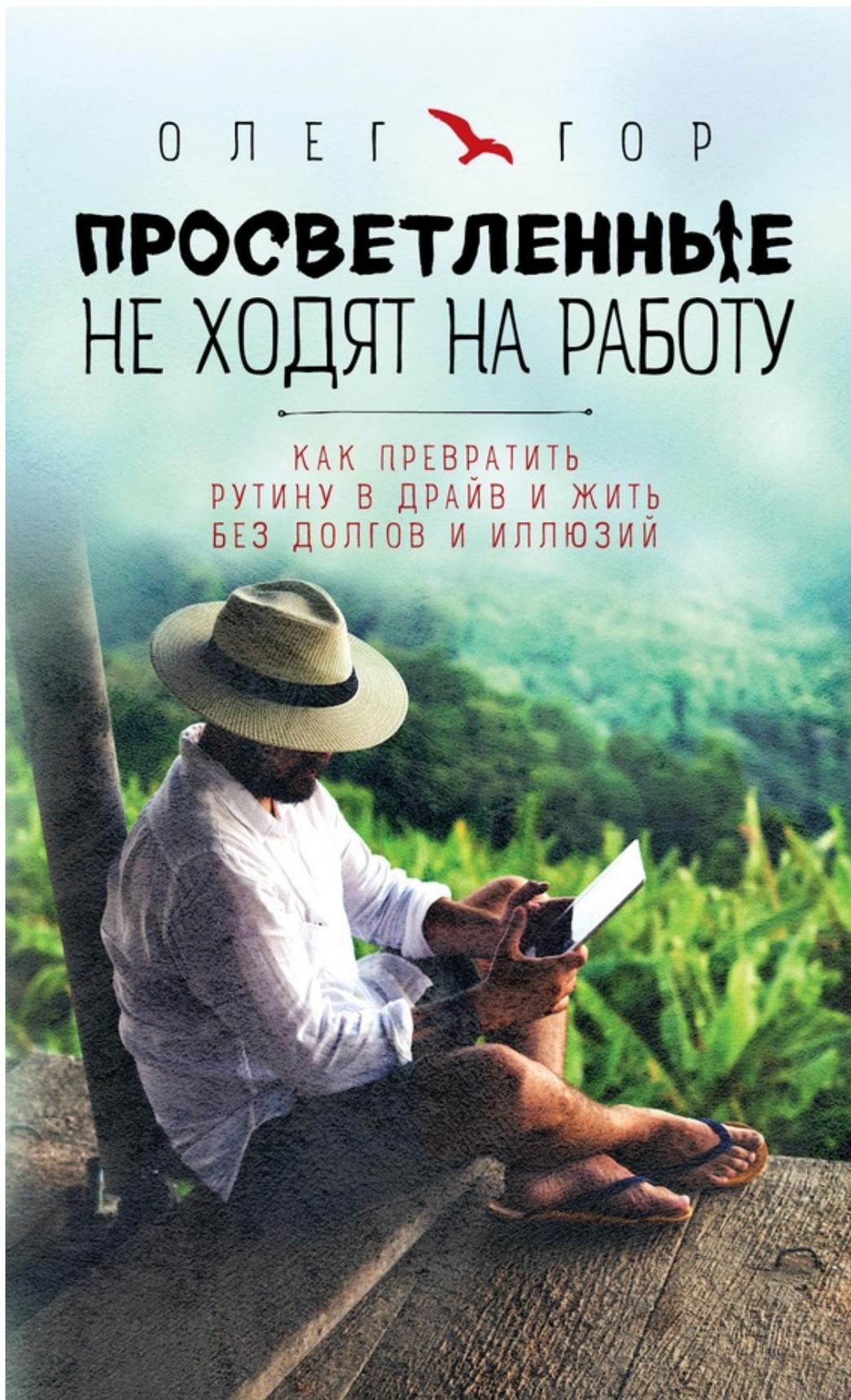
КАК ПРЕВРАТИТЬ
РУТИНУ В ДРАЙВ И ЖИТЬ
БЕЗ ДОЛГОВ И ИЛЛЮЗИЙ

О Л Е Г Г О Р

ПРОСВЕТЛЕННЫЕ НЕ ХОДЯТ НА РАБОТУ

КАК ПРЕВРАТИТЬ
РУТИНУ В ДРАЙВ И ЖИТЬ
БЕЗ ДОЛГОВ И ИЛЛЮЗИЙ

Олег Гор

Просветленные не ходят на работу

t.me/marketologmanager

© Гор О. Н., текст, 2017

© Гаркуша Н., иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие

Много десятилетий я жил как обычный человек — в окружении проблем, тревог, неуверенности и прочих «радостей», которыми мы в изобилии одариваем себя сами. Никогда не подозревал, что это состояние можно изменить, причем кардинально и в лучшую сторону.

Чтобы сделать решительный шаг к свободе, мне понадобилось всего несколько месяцев.

У каждого есть шанс повторить то, что проделал я, выбраться из болота трудностей на дорогу, что не подведет никогда. Для этого нет необходимости запирается в монастыре, потребуются лишь осознание, сила воли и знание о том, куда и как двигаться.

Первое и второе другому человеку не передашь, знанием же я готов поделиться.

Глава 1. Неправильный монах

В городке Нонгкхай, что на севере Таиланда, я оказался, как и многие сотни иностранцев до и после меня, проездом, по дороге в столицу Лаоса, где проще всего оформить тайскую визу.

Автобус из Паттайи опоздал на полтора часа, и я выбрался из него, кипя от раздражения: мало того, что не выспался, ночь просидел в неудобном кресле, отчего все тело ноет, так еще и рискую пропустить «интернешнл бас» до Вьентьяна, а следующего ждать неведомо сколько!

Не глядя по сторонам и не обращая внимания на назойливых таксистов, я ринулся в сторону касс.

И налетел на монаха в потрепанном коричневом одеянии.

Открыл рот, чтобы высказать все о субъектах, что лезут под ноги в самый неудачный момент, но вовремя прикусил язык. Оскорбить служителя Будды прилюдно — верное средство сделать так, чтобы улыбочивые тайцы перестали быть улыбочивыми и кинулись бить нечестивцу морду.

— Прошу извинить... — пропыхтел я на английском, нервно оглядываясь.

Как бы кто не решил, что я обидел монаха!

Сам же обладатель бурой туники смотрел на меня без гнева, даже с легким интересом, темные глаза мерцали. Странно выглядело то, что на голове его имелись волосы, настоящая черная грива, заплетенная в сотни косичек — ведь тем, кто ушел от мира, в буддизме положено бриться наголо.

А затем монах заговорил, и я мигом забыл о его чудной прическе.

— Ничего страшного, — сказал он. — Столкновение пойдет нам на пользу. Обоим.

Язык Шекспира и Черчилля из его уст звучал четко и ясно, без тяжелого акцента, который делает английский среднего тайца неразборчивым до полной абракадабры. Мелькнула мысль, что это должно быть фаранг, чужак, много лет проживший в Стране улыбок и лишь похожий на местного.

— В следующий раз, когда будешь в этих местах, обязательно разыщи меня, — продолжил монах. — Мое имя — брат Пон, и обретаюсь я обычно в вате Тхам Пу, что на берегу Меконга. И я бы на твоём месте не

откладывал визит в наши края. Ты переполнен. До опасной степени.

Протянув руку, он осторожно тронул мое предплечье, и от этого прикосновения меня слегка тряхнуло.

— Э, спасибо... — промямлил я, не вникая в смысл того, что мне сказал странный монах. После чего, обогнув его, заторопился туда, где мои соседи по автобусу штурмовали кассу «интернешнл баса».

Сам автобус пока стоял у платформы, но если не поспешить, то он уедет или места закончатся.

Билет мне достался последний и, шлепнувшись на жесткое сиденье, я вздохнул с облегчением. Когда автобус сдвинулся с места, я выглянул в окно, высматривая брата Пона, но его уже и след простыл.

Интересно, что имел в виду этот тип, сказав: «Ты переполнен. До опасной степени»?

Но тут начали раздавать миграционные карточки, и я выкинул монаха из головы.

Про встречу в Нонгкхаве я забыл на следующий день — мало ли с кем столкнешься на дорогах Таиланда?

А вспомнил через три месяца, когда жизнь моя неожиданно покатила под откос. Для начала я расстался с женщиной, с которой прожил несколько лет и даже называл женой, причем разошлись мы со скандалом, обвиняя друг друга во всех смертных грехах и чуть ли не швыряя в стену тарелки.

Затем на ровном месте возникла ссора с родней в России, докатившаяся до почти полного разрыва, и неприятности делового толка, в результате которых я оказался у разбитого корыта. Люди, которым я доверял, оказались пустыми и ненадежными, а тот бизнес, что кормил меня с прошлого века, что позволил мне перебраться на ПМЖ в Таиланд, обрушился, точно карточный домик, и самые отчаянные усилия не помогли его спасти.

И тут я вспомнил брата Пона, а также то, что он говорил о нависшей надо мной опасности.

Пару дней колебался, а затем купил билет на автобус.

Я вспомнил, что брат Пон
вроде упоминал храм, при
котором его можно найти.

В Нонгкхае я сразу же отправился в ближайший ват, то есть храм, и попытался расспросить, где можно отыскать обладателя коричневой мантии по имени Пон. Первый монах, к которому я обратился, посмотрел на меня с равнодушной улыбкой и пожал плечами, намекая, что по-английски не понимает, второй же, услышав мой вопрос, вытаращил глаза и сбежал.

В другом храме мне без особого буддийского дружелюбия объяснили, что не стоит тратить зря время занятых людей.

Имелся шанс, что нонгкхайские монахи и вправду не знали, о ком я говорю, что наводило на мысли о розыгрыше или безумии того типа, с которым меня свела судьба три месяца назад... Но более вероятным казалось, что они просто не хотят о нем говорить, и тем более с белым иностранцем, с фарангом.

Съев тарелку том-яма в кафешке на набережной, я поскрипел мозгами и вспомнил, что брат Пон вроде упоминал храм, при котором его можно найти... Точно, ват Тхам Пу! И я зашагал в сторону автостанции, вокруг которой гнездятся тук-тукеры, местные таксисты, что должны знать в окрестностях каждый дом.

При виде потенциального клиента обладатели зеленых жилеток с номерами заулыбались, наперебой загалдели, предлагая отвезти меня на границу, в ближайший торговый центр или в «массажный салон» с девочками.

Куда еще может поехать фаранг?

— Ват Тхам Пу! — сказал я, и гвалт стих.

Взгляды, обращенные на меня, наполнило удивление и даже опаска.

— Ват Тхам Пу, — повторил я.

Тук-тукеры загалдели вновь, замахали руками, а потом вновь смолкли, и заговорил самый старший, круглолицый и морщинистый.

— Плохо, — сказал он. — Место плохое. Ехать в другое... да?

И он заискивающе улыбнулся.

— Ват Тхам Пу, — сказал я в третий раз. — Монахи?

— Да... — с неохотой признал таксист. — Но... неправильные...

талапоин...

Последнего слова я не знал, поэтому только пожал плечами.

Тук-тукер посозерцал меня пару минут, а потом, видимо, убедившись, что я от своей затеи не откажусь, назвал цену.

— За эти деньги я доеду до Бангкока! — возмутился я.

— Да, — подтвердил таксист. — И до ват Тхам Пу. Да, нет?

Я попытался торговаться и ухитрился сбить цену на сто бат, после чего мой собеседник уперся намертво.

Тук-тук у него был раскрашен так ярко, что болели глаза, с крыши свисала бахрома разноцветных ленточек, всюду болтались колокольчики, совсем крохотные и в кулак размером. Тарахтела эта конструкция громче самолетного двигателя, да еще и скрипела, угрожая развалиться на первой же кочке.

Особенно жутко стало, когда мы выехали за пределы города и покатали по проселку. Меконг оказался справа, и потянулись настоящие джунгли без малейшего признака жилья.

Ехали мы чуть больше часа, а остановились на неприметной прогалине.

— Ват Тхам Пу, — объявил мой возница, оборачиваясь, а поскольку имел дело с тупым чужеземцем, еще и показал в ту сторону, куда уходила тропинка.

— Правда? — уточнил я. — Не ошибка?

— Монахи. Талапоин, — вновь повторил он неведомое слово. — Давай-давай. Идти.

Таксист явно ощущал себя не в своей тарелке и хотел убраться отсюда как можно быстрее. Выглядело это странно, учитывая то, с каким почтением и любовью простые тайцы относятся к служителям Будды.

Я пожал плечами и выбрался из тук-тука.

Едва успел забрать с лавки рюкзак, как таксист дал газу и, заложив лихой разворот, укатил прочь.

Вот здорово будет, если он доставил меня не туда, и возвращаться придется пешком...

Минут через десять ходьбы стало ясно, что впереди над зарослями поднимается треугольная крыша храма. Я приободрился и зашагал быстрее — туктукер не обманул, привез к вату, вот только к тому ли, что мне нужен?

Тропинка вывела к откосу, что спускался к реке, и отсюда я увидел больше подробностей: лента узкого навеса с медными колоколами под ним, главное святилище, спускающаяся к реке тропка, мостки. Но в следующий момент я про все это забыл, поскольку дорогу мне загородил

брат Пон.

Откуда он взялся, я не понял — справа обрыв, слева непролазные заросли, вперед дорога просматривается метров на сорок. Невысокий крепыш с гривой косичек, облаченный в коричневую тунику, будто сгустился из пустоты.

— А, торопыга с автостанции, — сказал он, разглядывая меня без особого удивления. — Приехал.

— Добрый день, — отозвался я. — А вы что, ждали меня?

— Конечно. С того дня, как Дхарма столкнула нас, я знал, что ты появишься здесь. Пойдем, поделишь с нами трапезу. Разговоры — потом.

И он, развернувшись, зашагал в сторону храма.

Мне ничего не оставалось, как потащиться следом.

Кормили в вате Тхам Пу скромно, вполне аскетически — рисом с вареными овощами. Ели мы под навесом, который располагался позади храма, в тени деревьев, и помимо меня и брата Пона вилками орудовали двое монахов лет тридцати, обритых наголо и похожих друг на друга, словно братья.

Трапеза прошла в полном молчании.

— Не суетись, — сказал брат Пон, когда я вслед за соседями сделал движение встать. — Пока ты гость, и посуду за тебя помнут...

Я благодарно склонил голову.

— Ты же приехал не просто так, — продолжил монах, изучая меня пронзительными черными глазами, в которых мерцали искорки. — Говори, какая нужда привела тебя сюда.

— Вы мне поможете? — спросил я. — Вы тогда... помню... ну, про опасность... полнота еще... и у меня все пошло... ну, наперекосяк... везде, и в личной, и в бизнесе... везде, короче...

Сам понимал, что говорю бессвязно, но язык мой, обычно послушный, в этот раз подводит хозяина.

И неудивительно!

Последние месяцы выдались адски тяжелыми, ведь рухнуло то, что казалось вечным раем, стало ясно, что стабильность и благополучие — всего лишь хрупкая иллюзия, построенная на самообмане.

Кормили в вате Тхам Пу
скромно, аскетически — ри-
сом с вареными овощами.

— Страхи, неуверенность, тревоги, надежды, раздражение на то, что идет не так, — полный ворох тех глупостей, которыми наполняет свою жизнь обычный человек, — сказал брат Пон со смешком. — Я могу изменить твою жизнь, но для этого ты должен перестать быть просто гостем.

— То есть?

— Тебе придется остаться здесь. Провести у нас месяц-другой.

— Но я не могу! — воскликнул я. — У меня дела! Я обещал! И вообще...

— Да, ты набит под горлышко разным мусором, — брат Пон более не улыбался, он смотрел на меня почти свирепо. — И этот мусор, который ты принимаешь за сокровища, удушит тебя, превратит твою жизнь в пытку... Чего ты ждал от меня? Мгновенного чуда? Заклинаний?

— Ну, я не знаю... — я смешался.

Впервые задумался, чего я на самом деле хотел от визита в окрестности Нонгкхая — наставления, скорее всего, как мне направить жизнь в нужное русло, действенных молитв или, может быть, каких-то особых буддийских ритуалов, которые помогут мне выбраться из жизненной ямы... не просто так, а в обмен на щедрое подношение.

— Денег твоих мне не надо, — сказал брат Пон, и я вздрогнул.

Он что, читает мысли?

— Возможность ступить на путь к свободе дается один раз в жизни, — продолжил монах, и его голос прозвучал настойчиво. — Ты должен решить до завтрашнего утра, остаешься или нет. Второго шанса ты не получишь. Даже если ты найдешь дорогу к вату, то меня здесь уже не будет.

— То есть как? Вы уедете? Или откажетесь со мной говорить?

Брат Пон не обратил на вопросы внимания.

— Но если ты согласишься принять меня в качестве наставника, пути назад не будет. Отпущу я тебя только тогда, когда сочту нужным, и любой мой приказ станет для тебя законом.

— Но... — попытался возразить я, дать выход поднимающемуся в душе возмущению: грязный хиппи, облачившийся в монашеское одеяние, хочет

сделать из меня посмешище, ручную обезьянку?

Брат Пон наклонился и взял меня за запястье.

И вновь, как на автостанции, меня тряхнуло, словно через мускулы пробежал слабый разряд тока. В этот раз я осознал, что мне нравится это ощущение, что на миг я ощутил необыкновенную легкость в теле и голове, будто сбросил груз, который, сам того не замечая, таскаю на себе постоянно.

— Нет времени на споры, — сказал брат Пон. — Лишь на то, чтобы принять решение. Пустота вызывает в тебе отклик, и это значит, что ты небезнадежен. Гуляй где хочешь. Размышляй. Завтра на рассвете мне нужен ответ. Ты уходишь совсем либо ты мой ученик.

Он легко поднялся и утопал прочь, оставив меня, онемевшего, в плену мучительных сомнений.

— Что это? — осведомился я, разглядывая аккуратный сверток бурой ткани, поверх которого стояли плетеные сандалии.

Брат Пон вручил мне это все с крайне торжественным видом.

— Твоя одежда. Антаравасака и все прочее.

— Так вы все же хотите сделать меня монахом? — я сдвинул сандалии в сторону и обнаружил, что сверток состоит из нескольких кусков ткани разного размера, формы и оттенка.

— Ни в коем случае. Но на послушника ты походить должен. Иначе будут вопросы — кто ты такой и что здесь делаешь.

— Но кто их будет задавать?

— Не в такой уж глуши находится наш ват, — брат Пон покачал головой. — Переодевайся.

— Но... вы же не хотите, чтобы я поверил в Будду и все такое? — спросил я с беспокойством.

— Меня не интересует, во что ты веришь. Меня волнует, о чем ты думаешь и что делаешь.

Откровенно говоря, не хотелось вылезать из привычных шорт и рубахи,

облачатся непонятно во что. Кроме того, терзало подозрение, что, поддавшись на уговоры, я предаю религию предков, хотя я в церковь не ходил ни разу в жизни, да и родители там не бывали.

— Меня не интересует, во что ты веришь. Меня волнует, о чем ты думаешь и что делаешь.

— Но вера горами двигает!

— Настоящая — да. Только часто ли ты ее встречал?

Я пожал плечами.

Ну да, я знал православных, которые блюдут пост, держат дома иконы и ходят на исповедь, но способны ради прибыли в сто рублей удавить ближнего. Видел мусульман, цитирующих по памяти Коран на арабском, но пьющих по-черному, сталкивался с типами, что гордо рассуждали о своей духовности, но бегали за каждой юбкой, попавшейся им на глаза.

Верил ли кто из моих знакомых искренне? Не знаю...

— То, что называет верой обычный человек, на самом деле нелепое скопление предрассудков. Дурацкая привычка, способ описывать себя, картинка, одна из граней иллюзии. Давай, переодевайся... ты же согласился остаться, а значит, должен исполнять мои приказы, — добавил брат Пон с улыбкой.

На это возразить было нечего, и я потянул с себя рубаху.

— Мне не нужно слепое подчинение, — продолжил монах, наблюдая, как я разоблачаюсь. — Смысл каждого действия будет тебе объяснен, только иногда не сразу. Сегодня ты должен отказаться от всего, что принес с собой, от того, что символизирует старую жизнь.

— От всего? — спросил я, чувствуя, как в душе закопошились когтистые подозрения.

— Давай, покажу, как это носить... — брат Пон легко вскочил и жестом велел мне встать.

Я поднялся, чувствуя себя дурак дураком, поеживаясь и морщась.

Тот навес, под которым меня кормили вчера, служил обитателям вата столовой и гостиной. Жилые «строения» располагались неподалеку — крохотные сарайчики со щелястыми стенами и матрасами на полу, вполне годные для того, чтобы защитить от капризов мягкой тайской погоды.

Один из них выделили для меня, и я провел бессонную ночь, ворочаясь на непривычном ложе и вслушиваясь в писк и визжание, доносившиеся из погруженных во мрак джунглей.

— Вот так, отлично, — сказал брат Пон, отступая на шаг. — Осталась только голова.

— Но я... — расставаться с волосами не хотелось. — Но вы же носите

косички!

— О, на самом деле прическа не имеет значения, — заявил монах с ехидной усмешкой. — Для того, кто сам не имеет значения для себя... но это же не о тебе, правда? Кроме того, вспомни — нет времени спорить!

Я вздохнул и покорился неизбежному.

Брат Пон извлек откуда-то из недр своего одеяния огромную старую бритву с пятнами ржавчины на лезвии. Когда этот предмет очутился рядом с моей головой, я закрыл глаза, думая о том, что вскоре стану гордым обладателем исполосованного шрамами черепа и бонуса в виде заражения крови.

Но процедура оказалась на удивление быстрой и безболезненной: легкое прикосновение ко лбу, ключья волос щекочут лицо и уши, холодок расползается от макушки к затылку, и вот я уже сижу, ощупывая череп и пытаюсь свыкнуться с новой прической.

— Зеркала не дам, — заявил брат Пон, убирая бритву. — Но выглядишь ты неплохо. Так, теперь давай сюда все, что ты привез с собой...

Я напрягся.

— Что там такого, без чего ты прожить не можешь? — взгляд монаха стал напоминать булавку, и я затрепыхался насаженной на него бабочкой. — Сотовой связи тут все равно нет. Одежду мы тебе предоставим... деньги тебе не понадобятся... ну, что?

Я открыл рот, собираясь сказать, что привык к определенным вещам, к тому, что у меня всегда... И тут же понял, что все это ерунда, что из крохотного сарая, ставшего моим жилищем, я не создам комфортного гостиничного номера и что никакие предметы мне в этом не помогут.

— Давай, неси вещи. Посмотрим, что у тебя там, — велел брат Пон.

Рюкзак он изучал с видом дотошного таможенника, разыскивающего контрабанду. Заглядывал внутрь мельком, ничего не вытаскивал, но возникало ощущение, что все взвесил и оценил.

— Зубную щетку и пасту можешь оставить, — сказал монах, вынимая названные предметы из кармана. — И еще бритву с кремом. Остальное пока будет храниться у меня.

Удивительно, но в этот момент я ощутил не раздражение по поводу того, что меня лишают практически всего, а горячую благодарность за то, что мне позволили оставить хоть что-то!

Завтрака обитателям вата Тхам Пу не полагалось, а на обед я получил тот же рис с овощами. Мне выделили старую деревянную миску, и на этот раз я помыл свою посуду сам, вместе с двумя монахами помоложе

спутившись к Меконгу, да еще и помог им отскрести кастрюлю.

Попытка затеять разговор успеха не имела — то ли служители Будды и в самом деле не знали английского вообще, то ли брат Пон запретил им общаться со мной, но в любом случае они лишь улыбались и разводили руками.

Я же по-тайски мог произнести лишь несколько слов.

Но все это, как и скудная трапеза, меня не расстроило, поскольку, избавившись от вещей, я пребывал в неожиданно благодушном настроении. Проблемы, одолевавшие меня последнее время, отступили на приличное расстояние, остался только я сам, почти не имеющий к ним отношения.

— Пойдем, — сказал брат Пон, когда мы вернулись с реки. — Займемся делом.

Я приободрился, думая, что сейчас меня начнут учить медитации.

— Вон там, в сарае, ты найдешь лопату, — продолжил монах, и эта фраза опустила меня с небес на землю.

Лопата? Но зачем?

Ответ на этот вопрос я получил быстрее, чем хотелось бы.

Мы оставили храм за спиной и углубились в джунгли, но лишь для того, чтобы остановиться у дерева, что выглядело бы высохшим, если бы не небольшой пучок зеленых листьев на верхушке.

Проблемы, одолевавшие меня
последнее время, отступили,
остался только я сам...

А так ничего особенного — серая морщинистая кора, ствол толщиной в руку, высотой метров в пять.

— Ты должен его выкорчевать, — сказал брат Пон.

— Зачем? — спросил я, ощущая разочарование и недовольство.

Ждал медитаций и великих истин, а вместо них подсунули скучную и тяжелую работу.

— Потом узнаешь. И надо справиться до заката, иначе толку не будет.

И он уселся чуть в сторонке, скрестил ноги и положил руки на колени.

Ну а я принялся за дело.

Земля оказалась мягкой, лопата, несмотря на помятый вид, острой, и я

воспрянул духом. Прокопал вокруг дерева канаву и принялся ее углублять, насвистывая засевшую в голове мелодию к песне Земфиры.

Но вскоре стало ясно, что не все так просто.

Зловредное дерево обладало громадным количеством корней, узловатых и прочных, каких не разорвать руками, и даже лопатой разрубить получалось не с первого раза...

Солнце палило через кроны, и я быстро вспотел.

Лишенную волос голову жгло, непривычная одежда сковывала движения, мешала. Пыль и грязь оседали на лице, залезали в глаза, и те чесались все сильнее и сильнее. Хотелось пить, но воды мы с собой не захватили, и пересохшая гортань все более напоминала наждак.

— Чувствуешь ли ты жажду? — неожиданно спросил брат Пон.

— Да, — радостно отозвался я.

Да, вот сейчас он сотворит чудо и вытащит из-под одежды флягу...

— Это хорошо, — в голосе монаха было лишь удовлетворение и ни следа жалости. — Жажда — это то, что заставляет нас меняться, вынуждает нас двигаться, без нее мы были бы самодовольными ленивыми животными...

Я кивнул и еще более ожесточенно заработал лопатой.

Вскоре на ладонях у меня появились мозоли, а сандалии натерли ноги в нескольких местах. На запах моего пота из зарослей явились комары и с радостным зудением ринулись в атаку.

Яма под деревом достигла такого размера, что в ней поместилось бы трое пехотинцев, тайских, по крайней мере, но корни не заканчивались, а моя попытка выдрать мерзкое растение, дергая за ствол, ни к чему не привела. Я только сорвал одну из мозолей и вынужден был сунуть руку в рот, чтобы унять боль.

Кинул гневный взгляд на брата Пона... неужто он не видит, как мне фигово?

Но монах выглядел невозмутимым.

Идея выглядела такой заманчивой... обрубить «корни», полететь...

— Ты и это дерево очень похожи, — подал он голос, когда я снова взялся за лопату и едва не заехал острием себе по ноге: еще пара сантиметров, и я остался бы без большого пальца на левой.

— Чем же?

Но брат Пон промолчал.

В один момент я вынужден был встать на колени и рубить лопатой почти горизонтально, чтобы добраться до корней, уходивших прямо вниз. Затем удалось повалить дерево набок, и дело пошло веселее, да и солнце понемногу начало клониться к закату, и жара спала.

Когда последний корень лопнул с мерзким хрустом, у меня от усталости тряслись руки, голова кружилась от горького запаха древесины, и больше всего хотелось с проклятием отшвырнуть лопату прочь.

— Молодец, ты справился, — сказал брат Пон. — А теперь садись и слушай.

Я буквально рухнул наземь, мелькнула мысль, что, умирая от усталости, вряд ли сумею понять хоть что-то.

— Ты и это дерево — похожи, — повторил монах. — Обычный человек устроен так: ствол и сотни корней-привязанностей, толстых и тонких, хорошо заметных и едва различимых. Таких, которые он осознает как пороки, и других, которые считает безобидными привычками. Меж тем именно они мешают ему жить, не дают шанса сдвинуться с места. Чтобы изменить свою жизнь, необходимо перерубить их все.

— Но дерево без корней погибнет... — возразил я.

— Конечно, — брат Пон улыбался. — Но его существование не прекратится совсем. Сущность, известная нам как «дерево», станет чем-то иным... То же самое и с человеком... Не смерть ждет того, кто уничтожит свои привязанности, а лишь другой способ жизни, куда более вольной и легкой.

Идея выглядела заманчивой... обрубить «корни», полететь...

Но возможно ли такое? И сколько времени это займет?

Если их тысячи и нужно уничтожить каждую... десять, пятьдесят лет?

— Самый толстый корень-привязанность, из которого растут сотни других, — склонность лелеять свое невежество, отсутствие знания, — настойчиво продолжил брат Пон, не давая мне слишком углубиться в сомнения.

— Но знаний у меня более чем достаточно! — не выдержал я. — Высшее образование! Институт и...

— ...и помогло тебе образование, — перебил монах, — когда дошло до

реальной жизни? Да, почти любой западный человек таскает с собой ворох сведений о всякой всячине, и что с них толку, если они не делают его свободнее, сильнее, счастливее? Или я неправ? Вспомни!

Ну да, профессора, которых уличный мошенник облапошит на раз-два, несмотря на все их научные степени. Гордящиеся умом и кругозором всезнайки, поступающие как идиоты, во вред себе, неспособные контролировать себя даже в мелочах, тратящие жизнь на мелочные доказательства мощи собственного интеллекта.

— Я не хочу сказать, что наука и образование — это плохо, — мягко сказал брат Пон. — Надо лишь понимать, что они не дают истинного знания, не помогают использовать эту жизнь правильным образом.

— И самое тяжкое невежество — вера в то, что твой ограниченный разум постиг все, — продолжил он. — Человек, живущий по такому принципу, добровольно заключает себя в клетку и выкидывает ключ. И в этой жизни с ним уже ничего нельзя поделать. Совсем.

Я встрепнулся:

— А жизнью у каждого много?

— О них мы поговорим в другой раз, — брат Пон поднялся одним движением. — Достаточно на сегодня.

— Но зачем было все это? — спросил я, указав на выкорчеванное дерево. — Нельзя... Нельзя было просто объяснить?

— А ты бы стал слушать? — улыбка на его физиономии сияла детская, проказливая. — Слова мало чего стоят, если не подкреплены делами и опытом, и я дал тебе такой опыт, который ты никогда не забудешь.

Тут он не ошибся...

Сорванные мозоли, натруженная спина, бедра и икры, болевшие так, что я с трудом смог встать. Обгоревшая, судя по саднящей коже, голова, зуд от комариных укусов и пересохшая от жажды глотка...

Такого опыта не получишь в офисе или даже когда работаешь на удаленке, прямиком с пляжа, посасывая через соломинку ледяной коктейль и лениво поглядывая на девчонок в бикини.

Да, если и все прочие «уроки» будут обставлены таким образом, то я просто не выдержу, дам дуба через пару недель или сбегу ночью потемнее, выкрав предварительно свои вещи...

— Собирайся, идем в деревню, — сказал брат Пон, заглянув под навес, где я медитировал над своими корнями-привязанностями.

Вчера вечером монах велел мне хорошенько подумать над ними, разобраться, на что я трачу свою жизнь, каким образом разбазариваю

драгоценное время. Приказал составить перечень вещей, которым я предаюсь по своей воле, считая их источником удовольствия, нормой или социальным долгом.

По всему выходило, что я много лет не просто занимался ерундой, так еще и давал этой ерунде власть над собой.

Хотелось высечь себя хорошенько за то, на что я убил почти четыре десятилетия!

— Да, — отозвался я, поднимаясь.

— Не стоит отдаваться в руки печали, — брат Пон, как обычно, хорошо понимал, что творится у меня на душе. — Итогом размышлений должны быть не сожаления, а радость и готовность действовать.

— Но как? Я же не знаю как!

— Оружие у нас одно — осознание. Привязанности сильны, пока ты их не видишь. Разглядывай их со вниманием, не осуждая себя за то, что они у тебя есть, и они начнут чахнуть. Вытащи корни на солнечный свет — и что с ними будет? Засохнут и погибнут, — он сделал паузу и добавил: — Чего ты ждешь? Обувайся, и пошли.

Ну да, большой плюс того, что у тебя нет вещей, — не тратишь время на сборы.

— Э, давно хотел спросить... — начал я, когда храм остался позади и мы зашагали по тропе на запад, вдоль берега Меконга. — Почему вас называют «неправильным монахом»? И что такое «талапоин»?

Брат Пон, шедший впереди, оглянулся.

— И чем это знание поможет тебе? — спросил он с преувеличенной суровостью. — Дисциплинируй свой ум, не позволяй ему бродить точно бешеной собаке, и лишь тогда он станет оружием, подобным алмазной ваджре, способным... — тут монах рассмеялся. — Почему называют? Неужели не ясно?

И он встряхнул головой, которую венчала копна черных косичек.

— Много лет я был смиренным служителем Будды, одним из многих тысяч, — сказал брат Пон тихо и серьезно. — Но теперь я оставил все позади: Будду, смирение, молитвы. Так, разговоры в сторону...

Самый большой плюс того,
что у тебя нет вещей, —
не тратишь время на сборы.

Впереди обнаружился овраг, не очень глубокий, но с крутыми стенками и зарослями кустарника на дне.

Перекинутое через него бревно изображало мостик.

— Идем по одному, поскольку оно не очень крепкое, — предупредил меня брат Пон и легко, с кошачьей грацией перебежал на другую сторону. — Твоя очередь. Давай-давай!

Я ступил на бревно с опаской — если потеряешь равновесие, то улетишь вниз, в сплетение усаженных шипами ветвей, где мало того, что обдерешься, можешь еще и сломать себе что-нибудь!

Еще эти сандалии — неудобные, со скользкими подошвами.

Деревяшка подо мной треснула с громким «крак», я судорожно замахал руками. Попытался прыгнуть вперед, туда, где ждал брат Пон, но под ногами оказалась только пустота.

А в следующий момент я вошел в кустарник, точно прыгун с вышки — в воду.

Вот только вода не бывает такой колючей.

К счастью, я ничего не сломал и не вывихнул, только оцарапался, но, выбираясь из оврага, кипел от злости. Брат Пон наблюдал за мной с самым серьезным видом, но в черных глазах его нет-нет, да и посверкивали смешинки.

— Вот так лучше, — заявил он, помогая мне привести в порядок одеяние послушника. — Вот видишь, даже бревна под тобой ломаются, настолько ты тяжел...

— Да неправда это! — обидчиво заявил я: — Если и есть лишний вес, то немного, килограмм пять-шесть.

— Да ну? — монах посмотрел на меня с сияющей улыбкой, и я не выдержал, отвел взгляд. — Я оставил позади все, а ты по-прежнему тащишь с собой баулы со всякой всячиной: иллюзии, привычки, страх опозориться, желание выглядеть хорошо и достойно. Или ты думаешь, что все эти вещи не весят ничего? Тяжелее свинца!

— Мост придется восстановить тому, кто сломал, — продолжил он после небольшой паузы. — Сегодня. И учитывая, что ты вешишь как слон, используем не одно дерево, а два.

Я вздохнул, думая, что к не успевшим зажить мозолям добавятся новые.

— А ты как думал? — брат Пон похлопал меня по плечу. — Ты не в отпуск приехал.

Вскоре тропинка вывела нас к дороге, и на обочинах начали попадаться

пустые бутылки из-под молока, колы и пива, упаковки из разноцветного пластика — верный признак того, что неподалеку живут тайцы, для которых в обращении с мусором существует один принцип: кидай под ноги.

Сзади долетело бурчание мотора, и мимо пронесся юнец на мотобайке.

Резко затормозил и слез с седла, чтобы отвесить уважительный поклон брату Пону. На меня же он вытаращился с удивлением и тоже поклонился, но куда менее уверенно.

Затрещал стартер, и байк рванул прочь.

— Ну, может быть, мне не ходить... — начал я несмело. — Еще людей пугать...

В одеянии, которое я таскал второй день, чувствовал себя по-прежнему неуютно. Кроме того, рядом с ловким братом Поном я смотрелся неуклюжим громилой, свежевыбритая макушка обгорела и наверняка выглядела потешно.

— Стесняешься? — спросил монах. — Боишься, что выглядишь как идиот?

Признаваться было стыдно, но мысль о том, чтобы соврать, показалась мне отвратительной. Так что после недолгой внутренней борьбы я кивнул и мрачно уставился куда-то на носки своих сандалий.

— Не стоит переживать, — сказал брат Пон тоном взрослого, утешающего ребенка. — Именно так ты и выглядишь!

Я вздрогнул.

— Но ты пойдешь со мной в деревню, и я сделаю так, чтобы тебя увидели и запомнили. Пойми, тот образ себя, который ты считаешь красивым и правильным, всего лишь создание твоего ума, и не более того. На самом деле ты можешь от него отказаться в любой момент или сменить на другой, только ты этого не хочешь.

— Почему?

Мне стало все равно, что подумают тайцы, увидев фанга в подобном одеянии.

— Этот образ служит для твоего «я» доказательством того, что оно

существует. Ликвидируй твое представление о себе — и что останется?

Услышав такое, я испытал прилив немотивированной паники, возникла мысль, что стоящий рядом со мной человек хочет меня убить, что он наверняка прячет оружие — нож или что похуже.

— Это лишь порождение твоего ума, — настойчиво повторил брат Пон. — Оставь его. Скинь, как ты скинул ту одежду, в которой приехал сюда... На самом деле нет разницы... То и другое лишь форма, видимость, за которой нет ничего...

Я моргнул, и паника отступила, рассеялась, душу окутала звенящая, мягкая тишина. Мне стало все равно, как я выгляжу, что подумают тайцы, увидев фаранга в подобном одеянии посреди селения, куда вряд ли ездят туристы.

— Да, я понял, — сказал я, и мы двинулись дальше.

На окраине деревни, состоявшей из единственной улицы, нас встретили собаки.

Подобная свора обитает во всяком переулке-сои каждого из тайских городов, кормится при любом рынке, магазине или ресторане. Разве что здешние псы выглядели еще более дикими, чем их паттайские или бангкокские сородичи, и необычайно активными, особенно для середины дня.

Вожак, черный и мохнатый, как медведь, ткнулся носом в ладонь брата Пона, а меня обнюхал с недоверием. Один из барбосов поменьше гавкнул пару раз, но без враждебности, и псы потрусили прочь, в тенек.

Я собак не люблю и даже побаиваюсь, но к этим отнесся равнодушно.

Мы зашагали дальше, по обочине, мимо выстроившихся в ряд хижин, что выглядели немногим основательнее моего жилища. Под навесом у ближайшей обнаружился дряхлый старик в кресле — на столике рядом с ним стояла открытая бутылка рома, а у ног ползали двое голых малышей.

— Вот она, человеческая жизнь от старта до финиша, — проговорил брат Пон. — Начиная с тех, кто еще не может ходить, и заканчивая тем, кто уже не в состоянии ходить. Только если под себя.

Над стариком кружились мухи, и он выглядел бы мертвым, если бы не шевелился время от времени.

От дома на другой стороне улицы к нам бросилась дородная женщина средних лет. Упала на колени перед братом Поном, сделала вай — тайское приветствие со сложенными перед лбом руками — и залопотала что-то.

Монах склонил голову набок прислушиваясь, я замер столбом рядом с ним.

Женщина перестала тараторить и застыла, часто-часто моргая, уставившись на моего спутника с робкой надеждой. Он что-то ответил, положив руку ей на голову, и улыбнулся так, что обитательница селения затрепетала.

Вскочив на ноги, она заторопилась обратно к дому.

— Ее муж болен, — сказал брат Пон, глядя женщине вслед. — Врачи помочь не могут.

— А вы? — спросил я.

— Я мог бы, но делать ничего не стану. Такое вмешательство не улучшит ее кармы. Его, кстати, тоже.

— Но разве помогать другим — не благородное дело? — я нахмурился.

— Чтобы помогать другим, ты должен видеть, в чем именно заключается помощь, и быть в состоянии ее оказать. Разве способен на такое обычный человек, ослепленный невежеством, чья жизнь — хаос, беспросветный плен у собственных желаний, страхов и иллюзий?

— Многие способны! — возразил я. — Подают милостыню, работают волонтерами! Неужели это все зря?

— Активные «творцы добра» иногда приносят больше вреда, чем пользы, и себе, и другим. Укрепляют свое эго представлением о том, что совершают нечто нужное и важное. Благотворительность, милостыня — все это нужно обычным людям, живущим простой жизнью, чтобы они не превратились в зверей, но тот, кто хочет идти дальше, должен отбросить мысли о таких вещах.

— Но почему? Я не понимаю! — я просто кипел от возмущения.

Понятно теперь, почему его именуют «неправильным монахом», ведь он говорит вещи, идущие вразрез с учением Будды! Тот призывал к милосердию, к состраданию, брат же Пон утверждает, что и в том и в другом нет смысла!

— Вот простой пример, — сказал он. — Зашел к тебе сосед, попросил денег взаймы. Немного, сущий пустяк... Как ты поступишь в данной ситуации? Как оценишь поступок?

— Естественно, я дам, — отозвался я. — И тем самым помогу человеку, сделаю добро.

Мы зашагали дальше,
и я зашевелил мозгами,
пытаясь найти аргументы
получше.

— Отлично, запомним это, — брат Пон улыбался, как дорвавшийся до сметаны котяра. — Сосед взял твои деньги, пошел в магазин, купил виски, выпил и пьяным попал под машину. Насмерть. И теперь что ты можешь сказать насчет совершенного тобой добра? Может быть, это было зло?

— Но я же не мог знать...

— Вот именно! Не мог! — воскликнул монах. — И когда слепой лезет «помогать», что будет? Как ты смеешь вмешиваться в жизнь других людей, будучи не в состоянии видеть последствия своих поступков? Не наведя порядка у себя в доме, суешься в жилье соседа?

— Но многие же это делают.

— Да, и знаешь почему? А потому, что решать проблемы другого проще, чем свои.

На это я не нашелся, что ответить.

— Пойдем, — сказал брат Пон. — Нечего стоять на солнцепеке, особенно тебе.

Только в этот момент я сообразил, что солнце жарит, по лицу моему течет пот, а макушка просто горит. Так глубоко ушел в разговор, увлекся, что забыл о том, где нахожусь и что творится вокруг.

Но с тем, что говорил брат Пон, я не хотел и не мог согласиться!

Мы зашагали дальше, и я зашевелил мозгами, пытаясь найти аргументы получше: мы, люди, являемся людьми во многом потому, что помогаем друг другу, и если перестанем это делать, то... а с другой стороны, много ли пользы от советов по поводу семейной жизни, которыми наделяет всех тетка Дарья, пережившая три скандальных развода? Разве что она сама напоказ гордится собственной добротой и готовностью помочь другим!

Тем временем мы оказались у дверей крохотного магазинчика, над дверью которого болталась выцветшая реклама пива «Лео». Брат Пон нырнул внутрь, я последовал за ним, в наполненный жужжанием вентилятора полумрак.

За стойкой, рядом с покосившимся холодильником обнаружился

тщедушный продавец в цветастой рубахе. Улыбнувшись, он обнажил превосходный набор огромных гнилых зубов и поднялся с табурета.

Они с монахом коротко поговорили, и мы вышли обратно на улицу.

— Насчет того, почему я не вмешался и не сотворил маленькое чудо... — проговорил брат Пон задумчиво. — Однажды к Будде пришла женщина, только что потерявшая сына, и попросила вернуть его. Просветленный сказал, что сделает это, если она принесет ему горчичное зерно из дома, где никто никогда не умирал. Окрыленная, женщина отправилась в путь, но ни в своей деревне, ни в соседней не смогла отыскать такого дома... И тогда она постигла истину, и вернулась к стопам Будды, но уже не как проситель, а как ученица...

— Какую истину? Что все мы умрем? — спросил я мрачно.

— О том, что смерть — неизбежна, старость... — с лучезарной улыбкой он махнул в ту сторону, где под навесом сидел старик, — неизбежна, болезни... — указал на дом, из которого выбежала полная женщина, — неизбежны... Жизнь с рождения до гибели — мука. Соединение с тем, что не нравится, — страдание, разъединение с тем, что нравится, — страдание, неумолимое течение перемен, что вырывает из рук все самое дорогое и ценное, — страдание.

Брат Пон говорил нараспев, точно цитировал некий священный текст, и мороз бежал у меня по коже, и свирепое тайское солнце казалось вовсе не таким горячим. Мир словно окутывала темная пелена, ее пряди струились над домами, залезали в окна, тянулись к горлу ничего не подозревающих людей, чтобы выпить из них радость, счастье, веселье.

— Все то, что человек считает своим, считает собой, причиняет ему страдание, — продолжил монах. — А сама мысль о том, что есть некое «я», и может существовать нечто, ему принадлежащее, возникает благодаря невежеству, благодаря алчности, благодаря желаниям.

— Алчность? — выдавил я. — Если перестанешь жадничать, то не будешь страдать?

— Да. Но алчность относится не только к деньгам, она касается практически всего. Неутолимая жажда новых знаний ничуть не лучше, чем страсть обжоры набивать свою утробу, любовь пьяницы к вину ничуть не предосудительней, чем склонность путешествовать без цели и насыщать глаза впечатлениями.

— Но если убрать из жизни все удовольствия, она станет скучной и безрадостной! — возразил я.

— Да, а ты пробовал? — сказал брат Пон, ухмыляясь не хуже арбузной корки. — Вот я, лишивший себя большей части привязанностей, и вот ты,

человек, живущий якобы полноценной жизнью... И кто из нас ищет помощи у другого? Тешат ли тебя твои «удовольствия», которые подобны наслаждению прокаженного, что расчесывает свои раны и прижигает их раскаленным железом? Похож ли я на индивида, чье существование лишено радости, наполнено лишь скукой? Видел ли ты меня унылым? Разочарованным?

На это я не нашел что возразить — обитатели вата Тхам Пу всегда пребывали в состоянии ровной доброжелательности, не упускали случая пошутить и совсем не напоминали мрачных святош-фанатиков.

Понятно, что я провел среди них всего несколько дней, но не сомневался, что этим людям вряд ли ведомы такие вещи, как разочарование и депрессия.

— Вот тебе тема для сегодняшней медитации, — продолжил монах после паузы. — Вечером, на закате попробуешь опровергнуть мои доводы, и я с удовольствием тебя послушаю... Еще раз повторяю, мне не нужна от тебя слепая вера, ты должен понимать, что и зачем ты делаешь. А сейчас нам пора идти, ведь под тяжестью твоих выдающихся достижений сломался мост, и это значит, что возвращаться придется в обход, а это несколько дольше, чем по прямой.

Я понял, что краснею, но потом глянул на смеющегося брата Пона, и сам не выдержал, заулыбался.

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Нельзя начать новую жизнь, не отказавшись от прежней хотя бы частично.

Невозможно положить что-то новое в шкаф, забитый рухлядью, сначала нужно что-то оттуда убрать.

Первый шаг может быть символическим — избавление от фрагмента личной реальности, не имеющего ценности, от предмета, что давно не нужен, но хранится по каким-то сентиментальным соображениям или просто потому, что до него сто лет не доходили руки.

Нужно создать маленький кусочек пустоты, что послужит катализатором перемен. Крохотная жертва не возымеет эффекта, но и перебарщивать не стоит, излишне резкие телодвижения на начальном этапе способны только навредить.

* * *

Тысячи привязанностей к людям, вещам, животным мешают нам быть свободными, и первый шаг к избавлению от этих «корней» — осознать их

наличие.

Все, на что мы по собственной воле тратим свободное время, должно быть рассмотрено заново с точки зрения того, насколько эти вещи ограничивают нашу свободу: хобби, домашние животные, соцсети, коллекции, пустой треп по телефону, телевизор.

Нужно составить список таких привязанностей, и лучше в письменном виде.

А затем наблюдать за своими «корнями», отмечать, каким образом, когда, насколько часто проявляет себя каждый из них. Ни в коем случае не стоит осуждать себя за потакание слабостям, за неспособность победить их сразу, и не пытаться бороться с ними напрямую, в лоб.

Это верный путь к поражению и разочарованию в себе.

* * *

Помогать другим может лишь тот, кто сумел помочь самому себе.

Человек не в силах предсказать последствия собственных поступков, которые он считает добром. Поэтому в чужую жизнь нужно вмешиваться предельно аккуратно, а по возможности лучше не вмешиваться вообще.

Для начала нужно навести порядок в своей.

Глава 2. Дыхание смерти

Я вспотел до такой степени, что веревка выскользнула из мокрых пальцев.

Чтобы затянуть узел, мне понадобилось ухватить ее зубами и потянуть так, что челюсти хрустнули. Зато потом я смог испустить полный удовлетворения вздох и откинуться назад, созерцая творение рук своих.

Место хлипкого бревнышка, что не выдержало моей тяжести, заняли два куда более толстых и надежно скрепленных друг с другом.

На то, чтобы срубить деревья, лишить их веток и сделать все остальное, у меня ушло целое утро. Я заработал еще несколько мозолей вдобавок к старым, не успевшим зажить, получил тройку царапин, но ничего, к собственному удивлению, себе не отрубил.

— Хорошо сделано, — сказал брат Пон, непонятно откуда появившийся у меня за спиной; когда я оглядывался пару минут назад, рядом никого не было.

— Как вы ухитряетесь ходить так бесшумно? — спросил я, обернувшись.

— Грохот создает то барахло, что носишь внутри. Пустота рождает безмолвие, — отозвался монах. — Пойдем, тебя ждет еще одно важное дело... не бойся, копать или рубить не придется.

Шагая за ним в сторону храма, я размышлял, какую пакость он мне уготовил...

Прополку маленького огородика, что спрятался за храмом? Поход за водой? Таскаться за ней нужно к источнику, примерно за километр, а ведра носить, используя что-то вроде хорошо знакомого всякому русскому коромысла.

Мутную жидкость, что текла под боком, в Меконге, не стал бы пить и усмиряющий плоть аскет.

Хотя нет, все емкости мы наполнили на рассвете, по холодку, и они не могли опустеть...

Что еще? Помощь на кухне? Новый поход в деревню?

— Смотри сюда, — с казал брат Пон, когда я положил топор в сарай к прочим инструментам. — Хватит тебе совершать подвиги телесные, настало время перейти к духовным... Видишь колокола? Ты должен обойти храм по ходу солнца, позвонив в каждый. Потом вернешься ко мне

и скажешь, сколько их.

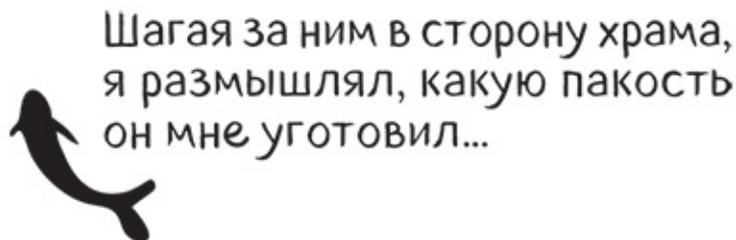
Задание выглядело настолько простым, что я заподозрил подвох.

— И все? — уточнил я.

— Да, и все, — вид у монаха был невинный, как у ребенка, еще не выучившегося лгать.

Петля из колоколов, развешенных в ряд под узким навесом, окружает многие тайские храмы. Я не раз видел верующих, которые совершали обход святилища, ударяя по каждому и шепча молитву.

Но зачем этим заниматься мне?

Ладно, брат Пон обещал, что будет объяснять все, пусть кое-что и не сразу...

И я принялся за дело... Бомм — первый колокол, бомм — второй, бомм — третий... Примерно на пятом я заметил, что они хоть одинаково старые, потускневшие от времени, а некоторые со сколами и трещинами, но все разные — одни побольше, другие поменьше, с орнаментом или без, в форме тюльпанов или напоминающие гильзы от снарядов.

Бомм... бомм... бомм... сто пять.

Подойдя к навесу, под которым сидел брат Пон, я озвучил получившееся число.

— Нет, ты ошибся, — сказал он. — Попробуй еще раз.

Я нахмурился, проглотил возражения и зашагал обратно.

На этот раз вышло сто восемь — насколько я помнил, священное для буддистов число.

— Ты ошибся, — разочаровал меня брат Пон. — Попробуй еще...

Третья попытка принесла мне результат в сто четыре.

Узнав, что и это неверно, я просто закипел от ярости.

— Почему я должен считать эти дурацкие колокола?! — выпалил я, сжимая кулаки. — Какая от этого польза?

— Чтобы извлечь пользу, ты должен выполнить задание, — монах не обратил внимания на мою вспышку, голос его остался ровным, а лицо —

бесстрастным, как у статуи Будды.

Я едва не зарычал...

Проклятые колокола словно издевались надо мной, их очертания сливались, казалось, что я не иду, а стою на месте, а мимо проплывают эти уродские медные штуковины. Я пробовал загибать пальцы, отсчитывая десятки, но в какой-то момент сбился, и пришлось начинать снова.

Еще две попытки, и если одна вновь закончилась сто пятью, то вторая дала совершенно невероятный результат в сто двадцать. С ним я даже не стал подходить к брату Пону, а двинулся по очередному, непонятно уже какому кругу, но почти тут же остановился, сам не зная почему.

Ярость и раздражение, только что заполнявшие меня, как говорится, по горлышко, отступили. Я осознал, что понемногу вечереет, из джунглей долетают обезьяньи вопли, а где-то очень далеко визжит бензопила.

Спокойно, не думая, зачем я этим занимаюсь, не заикливаясь на том, чтобы сделать все правильно, я обошел храм.

Сто семь.

— Очень хорошо, — сказал брат Пон, услышав это число. — Ты понял, что случилось?

Я пожал плечами:

— Я перестал злиться.

— Не совсем. Просто твой ум признал свою неудачу и вынужден был отступить. Рациональный ум, дискурсивное мышление, как называют его на Западе, всегда занято операциями, похожими на математические, — взвешиванием и сравнением.

— Но эти расчеты помогают жить правильно! — возразил я.

— Да ну? — изумился монах. — Почему тогда умные люди так часто бывают идиотами? Обычно смысла в подобной калькуляции не больше, чем в подсчитывании колоколов или песчинок на пляже.

— Но вы же говорили, что осознание — единственное оружие, что у нас есть?

— Конечно, но ум — это не осознание, это лишь громогласное и грубое его подобие. Настоящему, истинному осознанию постоянная трескотня ума не дает себя проявить. Спрятанная в голове тираническая машина, которую тот, кто хочет изменить свою жизнь, должен научиться останавливать. Способов много, мы начнем с самого простого... Называется он — внимание дыхания.

Ночью мне приснилось, что
я считаю колокола, колеблю-
щиеся от моего дыхания.

Из дальнейшего рассказа стало ясно, что теперь мне придется считать собственные вдохи, начиная с единицы и доходя до десяти, а затем вновь начинать сначала. Причем заниматься этим предстоит постоянно, что бы я ни делал, во время работы, еды, на ходу и лежа.

— Но зачем? — спросил я, когда мы попробовали и стало ясно, что до десяти я могу сосчитать без проблем.

— Затем же, зачем ты бродил вокруг храма последние два часа.

Ого, а я и не заметил, что прошло столько времени!

— Твой ум будет, во-первых, сосредоточен на той задаче, которую ты выполняешь: подметаешь, пьешь чай или чешешь за ухом. Во-вторых, ему придется вести счет столь же бессмысленный, как и любой другой, но находящийся под твоим контролем. Ресурсов на что-либо еще у него не останется, хотя не думай, что все у тебя получится так легко. Останови-ка разогнавшийся грузовик!..

Довольно быстро стало ясно, что брат Пон не ошибся.

Когда я ничего не делал, считать вдохи было легче легкого, но стоило заняться чем-то еще... Я сбивался, пропускал числа и раз за разом начинал заново, иногда просто замирал в ступоре, не понимая, что я делаю, и будучи не в силах вспомнить, о чем только что думал.

Ум мой метался в пределах черепа, точно прижатая вилами змея, и это было мучительно почти до физической боли. Но я упорно практиковался до вечера, а ночью мне приснилось, что я считаю колокола, колеблющиеся от моего дыхания...

Будда в святилище вата Тхам Пу имелся, но роскошные золоченые изваяния храмов Бангкока он напоминал мало. Грубо высеченная из камня фигура, покоящаяся на бесформенной глыбе, едва намеченное лицо, поднятая для благословения рука и гирлянды цветов на шее.

В мои обязанности входило подметать тут каждый день, убирать сгоревшие ароматические палочки, огрызки которых торчали из чаши с песком, менять сам песок на чистый.

Более серьезными делами занимались двое молодых монахов, чьих имен я так и не узнал, хотя провел в Тхам Пу неделю. Попытался спросить у брата Пона, но тот лишь нахмурился и велел мне не заниматься ерундой.

За семь дней я привык к своему жилищу, к скудному рациону и к тому, что слова «отдых» тут не знают вообще. Мозоли мои зажили, а проблемы, еще недавно разрывавшие сердце на части, стали казаться чем-то эфемерным, вроде миража над барханами.

О том, что есть такие вещи, как деньги или сотовая связь, я даже и не вспоминал.

Утром восьмого дня я, как обычно, побрызгал водой на пол и взялся за метлу. Шварк-шварк, шварк-шварк, надо сделать так, чтобы пол стал идеально чистым, иначе придется мести заново... Первый вдох, второй, третий... десятый, снова первый, и для дурацких мыслей в голове не осталось места, смолк тревожный нервный монолог, который мы обычно не осознаем.

— Не знаю, что ждет тебя в будущем, но если что, ты сможешь работать уборщиком, — голос брата Пона, донесшийся со стороны входа, заставил меня вздрогнуть.

Обычно в это время он медитировал под навесом в одиночестве.

— Э, да... — сказал я, не зная, что и думать.

За очень краткий период само понятие «работа за деньги» стало для меня предметом из области страшных снов.

— Пойдем, — он поманил меня. — Ты с первого дня ожидаешь от меня чуда. Сегодня будет тебе чудо.

Честно говоря, такое сообщение меня вовсе не обрадовало: учитывая склонность брата Пона к шуткам, он вполне мог обозвать красивым и многообещающим словом какую-нибудь подковырку.

Но если за эти дни я чему и выучился, так это повиноваться без возражений.

Отставив метлу в угол, я следом за братом Поном выбрался из храма.

Вскоре стало ясно, что он ведет меня на то место, где я не так давно выкорчевал дерево. Начавший сох нуть ствол валялся там, где его оставили, чернела оплывшая яма, а рядом с ней, скрестив ноги, сидели двое молодых монахов.

Между ними стояло ведро, до верха наполненное водой.

— Братья согласились нам помочь, — сказал брат Пон. — Для наглядности, так сказать. Размещайся вот тут...

Плюхнувшись наземь, я вспомнил, что позорным образом забыл о внимании дыхания, и принялся заново считать... один... два... три...

четыре...

— А теперь закрой глаза и постарайся ни о чем не думать, — продолжил монах. — Спокойно дыши и не подглядывай.

Еще бы он предложил мне не вспоминать о белой обезьяне!

Брат Пон сказал что-то по-тайски, его соратники откликнулись короткими смешками. Потом ушей моих коснулся звук, которому просто неоткуда было взяться посреди джунглей — шкрябание лопаты по льду и снегу, с которого много лет начиналось мое зимнее утро в детстве!

Дворничиха, тетя Люда, принималась за дело около шести, и меня будили, когда она пахала вовсю.

Он был такой же частью привычной жизни, как школьная форма или запах папиного одеколona... Сейчас же он пугал сильнее, чем рык голодного тигра, ведь полосатые кошки в окрестностях Нонгкхая встречаются, а лед и снег — нет, и тетя Люда давно умерла...

Искушение открыть глаза было настолько сильно, что мне казалось — веки тянут вверх канатами.

Но я сдержался.

Брат Пон и его помощники нараспев читали что-то, и голоса их порождали эхо, словно мы сидели не под сводами деревьев, а в большом зале вроде того, где меня когда-то учили танцам... родители загоняли меня туда из-под палки, мне самому не нравилось, и я ненавидел это помещение, само здание Дома пионеров, желтое, с колоннами у входа...

Я словно лишился веса, парил в пустоте, и образы из прошлого наплывали один за другим, ошеломляюще ясные, четкие, детальные воспоминания о таких моментах, которые я напрочь забыл.

Я словно парил в пустоте,
и образы из прошлого наплы-
вали один за другим.

Запах весны, сырой земли, когда мы без спроса уходили на берег только что вскрывшейся речки и возвращались грязные, мокрые и счастливые, получать неизбежную родительскую взбучку...

Кудрявая Маша, с которой мы едва не поженились, два года прожили вместе...

Безобразная пьянка с «партнерами по бизнесу» в девяносто третьем, когда в моду входили красные пиджаки, а сами «партнеры» даже и не думали избавляться от бандитских привычек.

Ресторан «Золотое кольцо» мы тогда чуть не сожгли.

Голоса монахов упали до шепота, потом они одновременно вскрикнули, и этот резкий звук вернул меня к реальности. Я обнаружил, что дрожу, как в лихорадке, а пот буквально капает с бровей, щекочущие струйки текут по спине и бокам.

— Открой глаза, — сказал брат Пон, взяв меня за плечо.

От этого прикосновения я чуть не вскрикнул, настолько горячей мне показалась его ладонь. Затем я осторожно поднял веки и застыл как громом пораженный, пытаюсь осознать, что именно вижу.

Прямо напротив меня, рядом с ямой от выкорчеванного дерева, сидел один из молодых монахов. За его спиной клубилось нечто черное, бесформенное, угрожающее — облако тьмы, внутри которого укрывается чудовище, или нет, скорее даже сам монстр, умеющий менять облик!

Я почти увидел острые когти, усеянную бородавками морду, слюнявую пасть...

Страх ударил, точно холодная вода из брандспойта, я сделал движение вскочить, но брат Пон навалился на меня, не давая этого сделать. Переведя взгляд, я обнаружил, что за спиной второго монаха маячит точно такая же штукovina.

— Смерть приходит в этот мир вместе с нами, — проговорил брат Пон нараспев. — Стоит у изголовья колыбели и в ногах кровати старика, рядом с мужчиной и с женщиной. Никто не знает, когда она нанесет удар, но рука с кинжалом занесена и может упасть в любой момент.

— И за-за мн-ной? — от ужаса я едва мог говорить, язык заплетался, губы не слушались.

— Поворачивай голову медленно и осторожно, — не удовлетворившись словами, брат Пон взял меня за макушку и придержал, не давая мне сделать излишне резкое движение. — Только не обделайся...

Черное облако волновалось в каких-то сантиметрах от моих лопаток, от него веяло холодом. Не знаю, каким образом, но я ощущал, что внутри ничего нет, но что пустота, спрятанная за клубящимся пологом, может выпить всю мою жизнь за считанные мгновения.

Неужели так выглядит смерть? Не может быть... это бред...

Нет, я не обделался, но зубы мои застучали друг о друга, как настоящие кастаньеты. Жесткая конвульсия пробежала от копчика до макушки, и голова закружилась с чудовищной силой.

В следующий миг я обнаружил, что лежу мордой в землю и что мне на голову льют воду.

— Что... — сказал я, пытаюсь опереться на дрожащие руки, чтобы подняться, — это... было?

— Ты видел смерть, — сказал брат Пон, опуская ведро. — Сейчас ты ее не видишь. Только это не значит, что она ушла. Она всегда рядом, наблюдает и ждет. А ну оглянись!

Новый приступ паники заставил меня рухнуть наземь и прикрыть затылок руками, будто ладони могли защитить меня от безжалостного выпада той клубящейся тьмы, присутствие которой я так остро теперь ощущал.

Признать, что я на самом деле
столкнулся лицом к лицу
со смертью, я не мог.

— Оглянись, не бойся, — повторил брат Пон.

Я осторожно повернул голову, скосил глаза и понял, что не вижу ничего особенного. Судя по положению солнца, давно перевалило за полдень, двое молодых монахов исчезли неизвестно куда.

— Это была галлюцинация, — сказал я. — Вы загипнотизировали меня... или нет... Подмешали какую-то дрянь в рис... или дали чего-то понюхать...

Брат Пон молчал и улыбался, и я заткнулся, осознав, что несу ерунду.

Но признать, что я не метафорически, а на самом деле столкнулся лицом к лицу со смертью, я не мог: в том мире, в котором я прожил почти четыре десятилетия, не было места таким событиям.

Голова трещала, руки подергивались, и страх все так же крепко держал меня в леденящих объятиях.

— Вы со всеми так поступаете? — спросил я с упреком. — С каждым послушником?

— Нет, не так, — отозвался брат Пон. — Кому-то это не нужно, кому-то повредит. Общих правил и принципов не существует, ведь учение — это всегда конкретное послание конкретному человеку, и всякий раз выбираются особые средства, чтобы доставить его по назначению. Ну что, ты пойдешь сам или мне придется тебя нести? Такую-то тушу, ха-ха.

Шутка меня не развеселила, я даже не улыбнулся.

Кое-как сумел подняться, и мы зашагали в сторону вата.

Но при каждом шорохе в зарослях я вздрагивал, пугливо съеживался и втягивал голову в плечи. Смерть была рядом, неумолимая и безжалостная, готовая нанести удар, — это я ощущал всеми печенками.

Даже следующим утром я окончательно не пришел в себя.

Шарахался от каждой тени, ловил себя на постоянном желании оглянуться, посмотреть, что там за моей спиной, а воспоминания об увиденном вчера заставляли меня обливаться холодным потом.

Да, если это чудо, то лучше жить без чудес.

После того как я закончил с утренними делами, брат Пон позвал меня к себе.

— Садись, — велел он. — И смотри. Сейчас поймешь, к чему это все было.

Я опустился на землю, скрестив ноги, — принимать позу лотоса я так и не выучился, несмотря на все старания. Монах взял прутик, нарисовал на земле круг и разделил его на шесть частей, так что получилось нечто вроде колеса с тремя спицами.

— Это — Вселенная, — объявил он с преувеличенной серьезностью. — Шесть миров. Шесть мест, где может воплотиться разум... Три благих, они у нас сверху, и три... мягко говоря, не особенно благих.

Пока было не очень понятно, какое это имеет отношение ко вчерашнему жуткому опыту.

— К благим у нас относится рождение в мире богов, которые хоть и живут долго, но все равно смертны, в мире полубогов-асуров и среди таких, как мы с тобой, человеческих существ. К неблагим — существование в теле животного, одного из голодных духов или прямиком в аду.

— И все эти миры реальны? — спросил я.

— Реальны, но в какой степени — каждый решает сам. Можно считать этот рисунок, — брат Пон потыкал прутиком в середину круга, — картой человеческой психики, и не более. Можно полагать, что где-то и вправду есть адские вместилища, где мучаются грешники, и небеса, на которых обитают пребывающие в блаженном состоянии боги... Какая разница?

— Ну как? Хотелось бы знать, как все обстоит на самом деле.

— И так, и так, обе версии истинны.

— То есть я, — я указал по очереди на все сектора, — был и зверем, и асуром, и духом?

— В общем так, если убрать слово «я».

— Но есть же предыдущие жизни, которые повлияли на нынешнее воплощение? — продолжал я.

— Конечно.

— А можно узнать, где и когда я жил? — любопытство, одолевшее меня в этот момент, оказалось сильнее даже того страха, что грыз мои внутренности со вчерашнего дня. — Пожалуйста!

— Тебе мало одного чуда? — спросил брат Пон с лучезарной улыбкой.

Это было хуже, чем удар под дых, — я вздрогнул и поежился, ощутил на затылке холодное дуновение, и если бы на голове у меня оставались волосы, они наверняка встали бы дыбом.

— Тогда забудь, — монах погрозил мне прутиком. — Вспомни, о чем мы говорили... Шесть миров, но для того чтобы развить полное осознание и вырваться за пределы круга Сансары, годится только один. И угадай какой.

— Человеческий.

— Совершенно верно. Богам и полубогам слишком хорошо, чтобы менять себя. Животные практически лишены разума, духи одержимы неутолимыми страстями, грешникам чересчур плохо. И что у нас в результате выходит... — он стер большую часть круга, оставив единственный сектор. — Какова вероятность, что один из нас попадет сюда?

— Одна шестая.

— Даже меньше. Из ада не выберешься быстро, боги живут миллионы лет, и все зря. Тут же у тебя есть каких-то семьдесят-восемьдесят лет на то, чтобы обрести свободу, и если не успеешь, то придет то, что ты видел вчера, и скажет «ам».

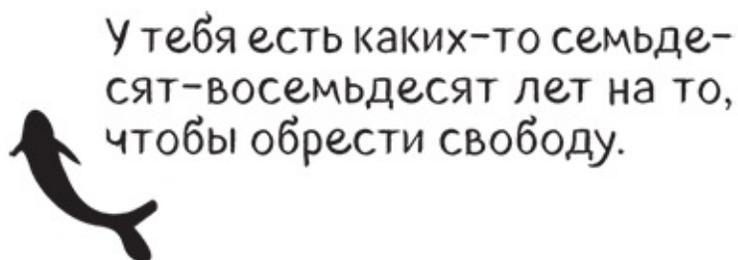
— Но к чему страшиться гибели, если будет новое рождение человеком?

— А кто тебе сказал, что будет? Ты уверен? И если будет, то когда? Через век? Спустя миллион лет или целую кальпу? Какую карму ты накопишь за это время? Возможно, ты воплотишься в таких условиях, что не позволят тебе даже задуматься об осознании! Поэтому то, что ты в теле человека, надо воспринимать как подарок, и не тратить этот краткий отрезок времени на мимолетные удовольствия, погоню за богатством или нитье. Никто не знает, когда смерть ухватит тебя за глотку, и поэтому действуй так, словно у тебя совсем не осталось времени! Не бойся, но живи и осознавай! Продвигайся, развивайся, не забывай о том, что именно расположилось у тебя за плечами, но и не давай мысли об этом овладеть

тобой, прорасти семенем ядовитых эмоций.

Я нахмурился, пытаюсь осмыслить концепцию: помнить, что кончина неизбежна, что она рядом, но воспринимать этот факт не как источник страха и неуверенности, а как стимул.

— Как говорил один из просветленных, — сказал брат Пон после короткой паузы, — монах, что вкушает пищу так, словно надеется дожить до конца трапезы, — ленив и празден. Тот же монах, что делает каждый глоток так, словно в нем содержится смертельный яд, внимателен и радостен.

— Но если моя душа... — начал я, намереваясь упомянуть о том, что опыт этого воплощения никуда не денется, что если я трудился над своим развитием в этой жизни, то это должно сказаться и в следующей.

— Нет никакой «души», — прервал меня брат Пон.

— Но что же тогда переходит из жизни в жизнь?

— Вот тут ты меня поймал, — монах рассмеялся и стер с земли остатки рисунка. — Объяснять это тебе сегодня я не собираюсь, поскольку рано еще, все равно не поймешь. Осознай для начала то, что я сказал тебе только что...

Страх рассеялся без остатка уже к вечеру, и спал я, в отличие от предыдущей ночи, спокойно, без кошмаров.

А утром брат Пон сказал мне, что нужно сходить в деревню.

— Пойдешь на этот раз один, — сказал он. — Надо зайти в магазин, забрать кое-что.

— Но я не говорю по-тайски!

— Продавец видел тебя со мной. Так что тебе нужно будет только поздороваться. Остальное сделает он сам.

Мне выдали объемистую холщовую сумку из тех, что монахи носят, собирая подношения, и я отправился в путь. Мостик, изготовленный мной же, хоть и захрустел, но не сломался, то ли потому, что на него пошли два

бревнышка, то ли из-за того, что за проведенное в храме время я похудел.

Рис с овощами два раза в день — неплохой вариант, чтобы сбросить вес.

Шагая через джунгли, я практиковал внимание дыхания, и получалось у меня на редкость хорошо. Посторонние мысли если и возникали, то приятные, о том, например, что гастрит, которым я мучился последний год и обострившийся пару месяцев назад, куда-то исчез, испугавшись, похоже, монашеской диеты.

Мозоли, потертости, солнечные ожоги, все то, что досаждало в первые дни в Тхам Пу, — все это заживало. И даже одежда становилась привычной, словно ходил подобным образом не первый год; большую часть времени я вообще не вспоминал, что именно на мне надето.

Лес остался позади, показались деревенские дома.

И в этот момент ушей моих достигло рычание, полное искренней, неподдельной злобы. Черный лохматый кобель, тот, что в прошлый наш визит в деревню едва не лизал руку брату Пону, выбежал из зарослей и встал на дороге.

Зубы его были оскалены, клыки выглядели огромными, точно у тигра.

— Тихо-тихо... Ты чего? — забормотал я, замедляя шаг и пытаясь задавить колыхнувшийся внутри страх.

Но вслед за вожакom объявились другие собаки, настроенные столь же «дружелюбно». Самая мелкая загавкала, наскакивая на меня и тут же отпрыгивая, и я вынужден был остановиться.

Нельзя показывать, что боишься, и вообще лучше не бояться.

Сказать легко, а вот сделать, когда оказался один на один с такой вот сворой...

— Тихо, — повторил я. — Мне нужно пройти в деревню. Я вам не помешаю.

Но человеческий голос, пусть даже спокойный, тайские собаки слушать не пожелали. Вожак зарычал вновь, в глазах его блеснула злоба, и я инстинктивно вздрогнул, отступил на шаг.

Тут на меня прыгнули сразу две псины, причем с разных сторон.

Острые зубы клацнули, раз-
минувшись с целью совсем
чуть-чуть.

Первая мигом отпрянула, зато вторая ухватила зубами край монашеского одеяния. Дернула так, что ткань затрещала, и отскочила, стоило мне замахнуться.

— Прочь! — заорал я, оглядываясь в поисках крепкой палки.

Если треснуть одну собаку по хребтине, то другие разбегутся.

Но ничего подходящего рядом не нашлось, а свора продолжала наседать, вытесняя меня обратно в лес. Вожак медленно наступал и время от времени порывивал, словно подбадривая своих «бойцов».

Сердце бешено колотилось, благостное настроение улетучилось вместе с вниманием дыхания. Я сжимал кулаки, ежился от страха и молился только о том, чтобы меня не цапнули всерьез.

Гноящаяся рана — штука серьезная...

Наконец я ухитрился нагнуться и подхватить с земли какую-то ветку, не особенно толстую, но длинную. Собаки остановились, но едва я попытался сделать шаг вперед, как меня оглушил многоголосый лай.

Нет, гнусные твари не собирались пропускать меня в деревню!

Я отступил еще дальше, надеясь выждать некоторое время в зарослях, чтобы самому успокоиться, а собакам дать возможность забыть про меня и убраться по своим делам...

Но нет, не помогло.

Свора вроде бы исчезла, но едва я опять зашагал вперед, как меня атаковали снова, с еще большим остервенением. Ветка моя сломалась, когда я заехал по морде самому наглому псу, и почти тут же мне едва не откусили палец — острые зубы клацнули, разминувшись с целью совсем чуть-чуть.

Тут я не выдержал и обратился в бегство.

Я стоял перед братом Поном, и лицо мое горело от стыда.

Меня трясло от только что пережитого, я потел и часто дышал, а мысли неслись бешеным потоком.

— Для начала сядь и успокойся, — сказал монах. — А потом мы

поговорим.

Минут двадцать мне понадобилось на то, чтобы восстановить внутреннее равновесие.

— Так куда лучше, — проговорил брат Пон с улыбкой. — Ты меня хотя бы услышишь. Нет ничего удивительного в том, что собаки на тебя напали. Тишина рождает тишину. Внутренний шум и суматоха провоцируют еще больший шум, только снаружи... Вещи, которыми мы тут с тобой занимаемся, нацелены на то, чтобы опустошить тебя, но для того чтобы добиться пустоты, нужно расшевелить тот хлам, что хранится внутри тебя. Поэтому сейчас, если можно так выразиться, ты громыхаешь куда сильнее, чем обычно, и мир вокруг тебя отзывается соответственно... Вылезают все острые углы, которых ты ранее не ощущал, проблемы, забытые много десятилетий назад, детские страхи и прочий мусор. Понимаешь?

Я шмыгнул носом и кивнул.

— А теперь расскажи мне, кто мог пострадать от нападения своры?

— Ну как же, я, — сказал я.

— А что такое это «я»? — он наклонился вперед и впился мне в лицо испытующим взглядом.

— Ну... рука, нога... задница, наконец!

— А что, ты и есть твоя задница? — брови на лице брата Пона взлетели, черные глаза отразили изумление.

— Нет!

— А может быть, ты — это рука?

— Нет.

— Нога?

— Я — все тело целиком, от пяток до макушки! — поспешно заявил я. — Разве не так?

Голос мой звучал обиженно-агрессивно, но поделаться с этим я ничего не мог: сначала собаки, теперь еще и брат Пон норовит меня покусать, а ведь день так здорово начинался!

— Очень хорошо, — сказал монах. — Ты — это ломоть мяса, обтянутый кожей. Наполненный кровью, нечистотами, соплями и прочими видами слизи, кусками кости, хрящами и жилами. Такому объекту на самом деле может угрожать другой объект такого же примерно типа, снабженный острыми зубами, который мы именуем «собакой». Повредить твой разум или твои чувства она не может... ведь так?

С последним утверждением спорить я не мог, но картинка, нарисованная братом Поном, мне не понравилась — неприятно видеть себя куском мяса, не говоря уже о нечистотах внутри, о которых как-то не

принято упоминать в приличном обществе.

— И пока ты воспринимаешь себя таким образом, пока ты видишь себя огрызком плоти с четкими границами, ты постоянно будешь в опасности, ведь этот ломоть мяса так хрупок, так уязвим. Острая веточка — и нет глаза, попавший под ногу камень — и сломанное бедро, крохотный паразит внутри — и такую гладкую кожу уродует короста...

— Но разве можно видеть себя иначе? — воинственно поинтересовался я.

— Конечно. Ты — это поток восприятия, вечно текущий, изменчивый, пластичный. Тело, которым ты так гордишься, всего лишь один из его компонентов, не набор деталей, а струя телесных ощущений, которые обновляются каждое мгновение: движение мускулов, ток крови, биение сердца, дыхание, нечто воспринимаемое глазами, ушами, обонянием или осязанием... там чешется, здесь болит, что-то упирается в бок, кусает комар, в животе приятная тяжесть от съеденного — все это единое целое, и все это реально.

— Есть еще и другие компоненты... струи?

— Конечно. Вторая — эмоции, радость и печаль, тревога и волнение, гнев и умиротворение, ощущение приятного, неприятного или нейтрального. Обычный человек не может ни остановить эту струю, ни контролировать, умеет лишь ставить неуклюжие плотины и тем самым уродует себя. Третья — мысли, постоянно щелкающий ум, о котором мы говорили, расчеты, взвешивание и сравнение, классификация и размышление. Порождение чисто ментальных образов.

— Это мне понятно, — сказал я.

— Еще бы, почему нет? Ведь западный человек если с чем себя и отождествляет, помимо тела, так это с умом. Ты же не будешь спорить, что это бесконечный поток? Абсолютно нестабильный, неостановимый, над которым ты имеешь не так много власти...

Еще минут десять назад я нашел бы, что возразить, но к этому моменту мой воинственный пыл начал угасать.

Ты — это поток восприятия,
вечно текущий, изменчивый,
пластичный.

Брат Пон испытующе глянул на меня, но убедившись, что перечить я не собираюсь, продолжил:

— Четвертая струя в нашем потоке — события, точнее их конструкции, схемы, шаблоны, что определяют содержание нашей жизни. Те, которые происходят с нами сейчас, во многом обусловлены прошлой кармой, сформированы давно — может, год, может, сто лет назад, а может быть, и пять тысяч, а сейчас лишь воплощаются. От того, какой выбор мы сделаем сегодня, как поступим в нынешних обстоятельствах, зависят события будущего. А пятый поток — это осознание, точнее, осознание предыдущих четырех.

— А чем оно отличается от ума? — спросил я. — Это не одно и то же?

— Когда ты практикуешь внимание дыхания, ты же ощущаешь, как твой ум затихает?

— Ну да...

— Но осознавать ты не прекращаешь? Наоборот, осознаешь все четче и лучше?

И с этим я вынужден был согласиться.

— Все пять струй переплетаются, образуя единый поток, — сказал брат Пон. — Телесные ощущения порождают эмоции и мысли, все это вместе служит основой событиям. Действуя определенным образом, мы делаем так, что ощущаем нечто новое, думаем иначе и переживаем другое. Осознание стоит за всем этим, тонкое, почти неуловимое, тихое. Каждый момент времени, куда меньший, чем секунда, пять струй изменяются. Это как многомерный калейдоскоп, что вечно вращается, и цветные стеклышки образуют новые и новые рисунки. Если смотреть с этой точки зрения, то ты — текучее существо без четких границ, которому никто и ничто не в силах причинить вреда.

— Но если собака укусит меня, я почувствую боль!

— Чувство боли возникнет, но никто не заставит тебя считать его своей собственностью. Да, оно породит эмоции и мысли и будет частью шаблона событий. Только почему ты обязан воспринимать это как неприятность, как источник раздражения? Пусть это будет мимолетное впечатление, картинка из калейдоскопа, имеющая так же мало значения, как и остальные. Нечто мгновенное, обреченное на исчезновение в следующий момент...

Я поскреб в затылке.

Да, воспринимать себя как поток, нечто струящееся во времени очень даже неплохо... Но собачьи зубы, которые вырвут кусок мяса из моей ноги, имеют вполне определенные границы, да и возможное бешенство

обещает сериал из не самых приятных впечатлений длиной с «Санта-Барбару»...

Как быть с этим?

— Я вижу, ты понял меня не до конца, — сказал брат Пон. — Давай, лови момент... Сейчас ты находишься рядом со мной в пределах вата Тхам Пу — это событийная схема. Теплый ветерок овеивает твоё тело — это приятно, ты ощущаешь запах листвы — это нейтрально, вот тебе материальные стимулы и эмоции по их поводу. Ты активно думаешь. Вертишь в голове то, что я тебе сказал, — это мысль. И осознаешь все это одновременно. Перенесись на окраину деревни, в середину своры... Там будет все то же самое! Поверь!

— Что вы говорите? То есть как «то же самое»? — я вновь закипел от возмущения. — Здесь мне хорошо, а там будет плохо!

— Я и не ждал, что ты уловишь концепцию сразу, — брат Пон улыбнулся. — Я помогу. Давай... — и он, нагнувшись вперед, похлопал меня по плечу, легонько-легонько, едва дотрагиваясь.

Но это прикосновение сотрясло меня до глубины души.

На какое-то время я словно потерял вес и форму... нет, тело никуда не исчезло, я по-прежнему ощущал его, вплоть до зуда в районе копчика и капли пота на лбу. Просто оно стало лишь одним из многих объектов внутри того, что называло себя «мной».

Меня будто потянуло вниз,
и я почти ощутил удар задни-
цей о землю.

Ритмичное колыхание сразу во многих направлениях: запахи, эмоции, мысли, мельчайшие движения, какие-то структуры, едва уловимые разумом, и наблюдающее за всем этим нечто, такое же изменчивое, как и все остальное, находящееся с каждым элементом «меня» в неразрывной связи. Пульсирующие обрывки, тысячи живых осколков, клочков не пойми чего, что существуют лишь мгновение, а затем исчезают, уступая место новым.

А потом меня будто потянуло вниз, и я почти ощутил удар задницей о землю.

— Вот так это примерно и выглядит, — сказал брат Пон, удовлетворенно потирая руки.

Я попытался что-то сказать, но не смог, лишь подвигал губами, изображая выброшенную на берег рыбу.

— В магазин надо сходить сегодня, — продолжил монах. — И сделать это должен ты. Отправляйся.

Я кивнул и поднялся.

О собаках я в этот момент и не вспомнил.

До деревни я добрался в совершенно спокойном душевном состоянии.

На том месте, где меня не так давно встретили лаем, рычанием и щелканьем клыков, даже не приостановился. Про испытанный страх подумал, но не дал ему овладеть собой, не ускорил хода, не стал озираться по сторонам, продолжил дышать так же ровно и шагать неспешно.

Может быть, оттого, что я не боялся, а может, потому, что солнце нещадно палило... Но ни одной собаки я не встретил.

В деревне все было точно так же, как и несколько дней назад, — неподвижный старик под навесом, жужжащие над ним мухи, наполовину пустая бутылка рома. Взрослые смотрели на меня без любопытства, дети тарасили глазенки и шептали «фаранг».

Занервничал я, только входя в магазин...

Вдруг брат Пон ошибся или хозяин забыл, что он должен передать в Тхам Пу?

— А, хай-хай, — сказал тщедушный обладатель цветастой рубахи и гнилых зубов. — Реди-реди.

Последнее означало, видимо, что он готов к моему визиту.

Из-под прилавка явился тяжелый угловатый сверток, источавший горький аромат. Осторожно, чтобы ни в коем случае не уронить, я положил его в сумку и, не произнеся ни единого слова, покинул магазин.

Пересек деревню в обратном направлении, последний дом остался позади, и тут в кустах справа мелькнула мохнатая черная тень.

— О нет... — успел прошептать я, и тут свора ринулась на меня.

Ожесточенное гавканье разорвало слепополуденную тишину в клочья.

Рыжий пес с подпалинами оказался шустрее всех, и именно ему я залепил ногой по морде. Он взвизгнул, отскочил, но черный вожак уже вцепился в край моего одеяния, а еще кто-то тяпнул меня за лодыжку.

Боль вызвала не только страх, но и ярость.

— Ах вы твари! — заорал я и, к удивлению своры, бросился в атаку.

Взвизгнул получивший пинок по ребрам пес, второй захромал,

припадая на отдавленную лапу. Злобный лай сменился обиженным скулежом, и собаки бросились врассыпную, поджав хвосты.

Я остался в одиночестве, дрожащий, тяжело дышащий, со вскинутыми кулаками.

Укус на лодыжке выглядел неглубоким — несколько царапин, выступившие там и сям капли крови. Но кто знает, какую именно гниль и дрянь жрала собака до того, как попробовать меня на вкус?

Так что в сторону храма я зашагал в мрачнейшем настроении.

Брат Пон, выслушав мой эмоциональный рассказ, не выразил ни сочувствия, ни печали, ни возмущения.

— Сейчас рану обработаем, — сказал он, забрав у меня сумку, после чего удалился в сторону своего жилища.

Вернулся с глиняным горшочком, выглядевшим так, словно его изготовил гончар из древнего Вавилона. С негромким «чпок» покинула место крышка из дерева, и ноздри мои пощекотал резкий травяной запах.

Укус вскоре скрылся под слоем бурой мази, и его начало немилосердно жечь.

— За несколько дней заживет, — сказал брат Пон, вставляя крышку на место.

— Сомневаюсь, — буркнул я. — Может быть, мне лучше обратиться в больницу? Поехать в Нонгкхай?

— Ты можешь это сделать, — он пожал плечами. — Но тогда я не приму тебя обратно.

Я заколебался: с одной стороны, я боялся, что неизвестно из чего сделанная мазь не поможет, а с другой — я совершенно не хотел покидать Тхам Пу, не желал закончить обучение раньше времени.

Сомнений в том, что брат Пон поступит именно так, как обещал, не было.

Вернет мне шмотки, помашет на прощание и забудет о моем существовании.

— Но почему так вышло?! — спросил я сердито. — Отчего эти твари снова напали? Честно скажу, я пытался быть текучим, без границ, как вы и говорили...

— Во-первых, знание нельзя получить, вычитав что-то из книги или послушав мудрого человека, — брат Пон заговорил так тихо, что мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова. — Знание должно стать частью тебя. А это достигается только практикой. Услышанное сегодня для тебя лишь сведения, нужно время и упражнения, чтобы они проросли

внутри тебя, изменили тебя и изменились сами, став настоящим знанием.

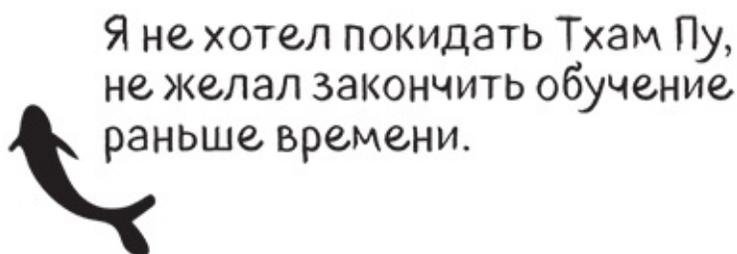
— Но...

— погоди! — он вскинул ладонь, и я прикусил язык, хотя раздражение и обида требовали выхода в словах. — Во-вторых, сегодня должен был реализоваться некий кармический потенциал. Кто знает, какие поступки ты искупил, ощутив маленькую боль? Согласись, что такой укус лучше, чем отрезанная рука.

— Ну да, — хмуро признал я.

— В-третьих, ты не мог пройти мимо собак нетронутым, поскольку в тебе еще жив корень ненависти к другим живым существам. Он не столь извилист и ветвист, как невежество и алчность, о которых мы говорили, но в твоей душе пророс глубоко.

— Но я не испытывал к ним ненависти! И сумел победить страх! — выпалил я.

— А что, злоба и агрессия лучше трусости? — спросил он. — Это две стороны монеты. Переверни одну, и найдешь другую. Кроме того, если ты испытываешь гнев, сердисься на кого-либо, то ты подобен человеку, который пытается бросать в другого фекалии или куски раскаленного металла. Попадешь или нет — это еще неизвестно, но зато сам останешься грязным и вонючим, с обожженными руками. Нравится тебе такой исход? Радует ли тебя?

Метафора оказалась настолько живой, что я невольно бросил взгляд на свои ладони.

— Вот-вот, посматривай на них почаще, — сказал брат Пон. — А теперь пойдём. Корить себя за то, что оступился, — удел глупца, у мудрого на это просто нет времени. Поток течет дальше...

Он повел меня в лес, к тому месту, где я не так давно выкорчевал дерево, а затем видел смерть.

— Садись сюда, — велел монах, — и до самого вечера занимайся вниманием дыхания. Мысли, что будут появляться, не отгоняй, но и не

пришпоривай, иди за каждой, пока она не исчерпает себя.

И он ушел, оставив меня в одиночестве.

Поначалу ничего не выходило, мешали эмоции, но затем я понемногу успокоился, и дело пошло. Дыхание стало равномерным, я перестал ошибаться в счете, уходить за десятку или пропускать цифры, и поток мыслей обмелел, стал настолько неглубоким, что я смог видеть каждую.

Воспоминание о том, что произошло сегодня... хочется отогнать, но нельзя...

Мысль насчет того, что неплохо бы и поесть...

Беспокойство о делах, оставшихся в Паттайе и в России, хоть и выглядит призрачным, но осталось... О том, как там поживает мой бизнес, точнее то, что от него осталось, как ни крути свое, родное...

В какой-то момент я осознал, что непонятно как, но вижу гору, вздымающуюся к небесам: увенчанная короной белых снегов, одна половина блестит золотом, другая испускает мягкое лазурное сияние, со склонов ниспадают водопады, и блики играют в чистой воде.

Этот образ настолько заполнил мое сознание, что я испугался и открыл глаза.

Почти ожидал, что гора окажется передо мной, вырастет над деревьями, закрыв половину неба.

Но нет, вокруг ничего не изменилось.

Я закрыл глаза и вновь обнаружил, что созерцаю белоснежные вершины.

Не оставалось сомнений, что это колоссальный хребет, сравнимый с Гималаями, что я нахожусь от него на приличном расстоянии, но могу видеть все до малейших деталей: роскошные дворцы, что поднимались там и сям на вознесенных к небесам плато, спрятанные в тени густых лесов хижины, черные отверстия пещер и белоснежных склонов, пруды с огромными цветами на поверхности и громадные, ярко раскрашенные птицы вроде попугаев.

И зрелище было настолько прекрасным, что я напрочь забыл о сегодняшних треволнениях.

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Мы привыкли думать — постоянно, натужно и много — и не замечаем, насколько часто это не имеет особенного смысла. Ум работает сам по себе, как бесконечно щелкающий калькулятор, изнуряя хозяина, не давая ему отдохнуть, обсчитывает даже то, что нет смысла обсчитывать.

Это тяжелая ноша, и мы взваливаем ее на себя добровольно.

Чтобы понемногу остановить эту машину можно использовать внимание дыхания: считать вдохи, начиная с единицы и заканчивая десятью, а затем начиная сначала. Практиковать эту разновидность медитации необходимо в то время, когда вы чем-то заняты, при любой ошибке, сбое, пропуске нужно возвращаться и начинать сначала.

Слишком усердствовать не стоит, начинать можно и с десяти минут в день.

Понемногу довести до часа, больше — если только процесс доставляет удовольствие.

* * *

Человеческая жизнь — редкостный дар.

Ситуация, когда у нас есть время и возможность задуматься над вещами, выходящими за рамки обыденного, на самом деле уникальна. Ее нужно использовать, причем не откладывая в долгий ящик, поскольку смерть всегда рядом и никто не знает, когда она нанесет удар.

Каждый день, каждый час может стать последним, поэтому у нас нет времени на то, чтобы ныть и заниматься пустяками. Откладывая что-то на потом, мы рискуем потерять единственную возможность, а следующая представится — если представится! — через миллион лет.

Зачем ждать так долго?

Обычный человек воспринимает себя в первую очередь как тело, как завернутый в кожу набор кусков мяса, костей, жидкостей и прочего. Такой взгляд имеет право на существование, но он делает того, кто его придерживается, уязвимым, хрупким существом.

Куда интереснее осознавать себя потоком восприятия, не имеющим четких границ, изменчивым, текучим. Над подобным существом материальный мир имеет не много власти, оно неуязвимо, для него то, что обычно считается агрессией, ущербом, вредом, является лишь мимолетным ощущением — секунда, и оно осталось позади, уступив место другим впечатлениям.

Поток состоит из пяти струй: текущие события организуют нашу жизнь определенным образом, тело и органы чувств изменяются, поставляют поток впечатлений, функционирует без перерывов механизм эмоций, ум тоже не дремлет, рождая мысли, и позади всего этого находится осознание — тонкое, почти неуловимое.

Глава 3. Колесо судьбы

Брат Пон отреагировал на мой рассказ о чудесной горе совсем не так, как я ожидал.

— Забудь об этом, — сказал он. — Это видение не имеет ни смысла, ни значения. Стоит меньше, чем картинка из кино.

Но я не послушался и несколько раз во время медитации пытался вызвать образ увенчанной снегами вершины. Но ничего не вышло, сколько я ни напрягался, ни рисовал в мыслях очертания хребтов, золотые и лазурные склоны, водопады, дворцы и белых слонов.

Укус зажил мгновенно и без последствий, уже через два дня, смыв мазь, я обнаружил лишь крохотный шрам.

Жизнь в Тхам Пу тем временем шла своим чередом; дымились палочки перед Буддой, я орудовал метлой и таскал воду, иногда в ват заглядывали посетители, несколько раз я слышал незнакомые голоса, но никогда не видел их обладателей.

С молодыми монахами я по-прежнему общался с помощью улыбок и поклонов, брат же Пон редко снисходил до разговоров на отвлеченные темы, обычно пресекая их резко и беспощадно. Как ни странно, я вовсе не ощущал себя в информационном вакууме, хотя ни интернета, ни телевизора не видел почти две недели.

Слишком много нового и странного узнал я за эти дни.

— Настало время развлечений, — сказал брат Пон как-то раз после скудной трапезы. — Сейчас мы с тобой отправимся на берег и наловим раков.

— Но разве... можно? — недоверчиво спросил я.

— Я же неправильный монах, а значит, мне все можно, — сообщил он с проказливой улыбкой.

После этой фразы в животе у меня забурчало — рис и овощи надоели до полусмерти, и если получится отведать вареного рака, то это будет настоящий праздник желудка!

Уж не знаю откуда, но в монастыре нашелся порезанный на кусочки шмат свинины. Спустившись к Меконгу, мы прошли к мосткам, на которых монахи стирали белье, и рядом с ними обнаружили несколько сплетенных из прутьев щелястых корзин.

К рукоятке каждой была привязана веревка.

— Клади в них мясо, — велел брат Пон, — и закидывай... тут место прикормленное.

Меконг лежал перед нами, и лучи солнца скользили по его мутной поверхности. Другой берег сегодня был виден как на ладони, далеко на востоке я мог разглядеть громадину Моста Дружбы, что связывает Таиланд с Лаосом, и даже ехавшие по нему автомобили.

Первая корзина плюхнулась в воду, за ней вторая, третья скрылись в волнах.

Веревки, чтобы не держать в руках, мы привязали к росшему у самой воды дереву.

— Очень хорошо, — сказал брат Пон. — Теперь надо лишь ждать. Раки, они как люди. Невежество не позволит им увидеть, что их ждет, алчность погонит вперед, ненависть заставит толкаться и пихаться, чтобы попасть в ловушку... И они встретят свою судьбу.

С молодыми монахами
я по-прежнему общался с по-
мощью улыбок и поклонов.

— Но у них нет осознания, — робко напомнил я.

— Есть, но настолько омраченное инстинктом, что его можно не принимать в расчет, — монах поцокал языком. — У них шанса на освобождение нет, а у нас, людей, имеется. Помнишь, мы говорили о страдании?

Я кивнул.

— Страдание присуще тому потоку восприятия, которым мы на самом деле являемся, присуще до тех пор, пока мы от него не избавимся, не вырвем те корни, на которых оно держится.

Я вспомнил дерево, выкорчеванное в первый день, и невольно глянул на свои руки, ставшие с тех пор куда более мозолистыми.

— Но чтобы корни ослабели, их надо перестать поливать, — продолжил брат Пон. — Если постоянно лить на них воду, они будут отрастать заново, и все наши усилия пойдут прахом.

— А что в этом случае «вода»?

— Наши желания. Начиная с обыденных, бытовых привязанностей к

удовольствиям и заканчивая самой жадной существованием, что привязывает нас к колесу Сансары крепче стального троса. Победишь желания — станешь свободным, воспаришь подобно дыму. Небеса воспримут тебя как божественное существо, — монах говорил нараспев, речитативом, — только не смогут удержать, и ты просочишься сквозь них, как вода через решето...

— Но если я уничтожу в себе жажду существования, не захочется ли мне покончить с собой? — спросил я.

— Самоубийцами движет жажда не-существования, а не отсутствие желаний.

— Но как жить, если ничего не хочешь? — я поскреб в затылке, провел ладонью по голове, на которой начали понемногу отрастать волосы.

— С огромным удовольствием, поверь мне, — сказал брат Пон. — С ними куда хуже. Вспомни-ка свою жизнь! Ну?

И, словно повинуюсь его возгласу, из памяти один за другим начали являться эпизоды: гнусная ссора с братом по поводу того, кому будет принадлежать отцовская машина, старые «Жигули»; то, как я проснулся утром после корпоратива и с ужасом вспомнил, как затащил вчера нашу бухгалтершу к себе в кабинет; текущие слюни при виде роскошного торта, после пары кусков которого я просидел «на горшке» всю ночь.

— Ну да, порой от желаний случаются неприятности, — признал я без особой охоты. — Только ведь они же и придают жизни вкус...

— Вкус чего? Разочарования и неудовлетворенности?

Это был удар не в бровь, а в глаз.

Исполненное желание, достигнутая цель никогда не радовали меня так, как об этом мечталось. Возникало ощущение, что меня обманули, подсунули фальшивку, что я вовсе не этого хотел, а чего-то другого, вот если бы еще удалось как-нибудь понять, чего именно...

— Нет, счастья и удовольствия! — сердито отозвался я.

Брат Пон заухмылялся, точно облапошивший простака торговец.

— С сегодняшнего дня ты будешь холить и лелеять свои желания, — сказал он. — Всякий раз, когда тебе начнет чего-то хотеться, жареной рыбы, новых знаний или того, чтобы в следующей жизни воскреснуть богом, ты станешь осознавать это стремление. Никакого самоосуждения, порицания своей низости, лишь бесстрастная регистрация. Наблюдение за тем, как под лучами твоего внимания желание извивается, чахнет и гибнет. Только после того, как оно утихнет, ты возвращаешься к прочим делам.

— Понятно, — отозвался я без энтузиазма.

С сегодняшнего дня ты
будешь холить и лелеять
свои желания.

Мало мне внимания дыхания, теперь еще и это.

— А сейчас пора проверить, как там наши раки, — и брат Пон вскочил на ноги с проворством юноши.

Сколько ему на самом деле лет, я не знал, но, судя по оговоркам, он хорошо помнил конфликт во Вьетнаме. Двигался он при этом куда ловчее, чем я, а выносливостью мог похвастаться даже не лошадиной, а верблюжьей.

Первая корзина явилась из воды совершенно пустой, даже без куска мяса внутри. Зато вторая оказалась набита шевелящимися усами, закованными в панцирь телами и щелкающими клешнями.

— Замечательно! — воскликнул брат Пон и, перевернув корзину, принялся ее трясти.

Раки со шлепками и плеском посыпались в реку.

— Эй! Куда?! Как?! — растерянно воскликнул я.

Но монах вытащил третью корзину и поступил с ней так же, как и со второй.

— Я же сказал, что мы пойдем на реку и наловим раков! — сообщил он, когда вся наша добыча перекочевала обратно в Меконг. — Никто не обещал, что мы будем их есть. Вспомни-ка.

— Но я... но вы... я подумал... — заблеял я, словно изображая растерянную овцу.

— Вот-вот, — брат Пон кивнул. — Какое там желание существования, ты о чем? Справься для начала с вождедением собственного брюха!

С желаниями дело у меня пошло с большим скрипом.

Обычно я просто не замечал, что хочу: возжелав пожевать чего-нибудь, я начинал поглядывать в сторону нашей кухни, где один из молодых монахов варил рис; при возникновении тяги вновь поглядеть на заснеженную вершину я пытался немедленно вызвать ее образ; при воспоминании о делах в Паттайе руки чесались от желания взять сотовый.

Зато брат Пон непонятным образом фиксировал, что со мной происходит, и привлекал к этому мое внимание, причем не самым

гуманным образом — с помощью длинной бамбуковой палки. Лупил он ею меня по плечу или спине, не сильно, но всегда так неожиданно, что я вздрагивал и с трудом удерживался от ругательства.

Это тоже не ускользало от внимания монаха, и меня удостаивали неодобрительного покачивания головой и какого-нибудь «легкого» задания вроде вырубки колючего кустарника или выкапывания новой выгребной ямы.

Именно от возни с лопатой меня одним особенно жарким днем и оторвал брат Пон.

— Сделай-ка перерыв, — сказал он, появившись на краю ямы, достигшей к этому времени почти двух метров в глубину. — Инструмент возьми с собой, он тебе понадобится.

Я не стал спрашивать зачем, поскольку знал, что монах сообщит мне все, когда сочтет нужным, и ни минутой раньше.

Прогулка по джунглям оказалась короткой и закончилась около выкорчеванного мной дерева.

— Разровняй участок земли, — велел брат Пон. — Достаточно большой...

И он неопределенно развел руками, показывая, какой именно.

Я почесал в затылке и принялся за дело, сопя, потея и отгоняя назойливых комаров.

Лопата, которой я к этому моменту владел как профессиональный землекоп, с хрустом вонзалась в почву. Корни лопались, кусты трясли ветками, летели облачка пыли и клочья высохшей травы, при попадании в нос вынуждавшие меня остервенело чихать.

Потратив едва ли не час, я получил ровную площадку два на два метра.

— Отлично, этого нам хватит, — сказал брат Пон. — Теперь садись и наблюдай.

И с помощью все той же бамбуковой палки он начал рисовать прямо на земле. Изобразил несколько вложенных друг в друга кругов и самый маленький разбил на три части.

— Смотри, — продолжил монах. — Здесь у нас корни привязанности к страданию. Невежество мы изобразим в виде черной свиньи... — он ограничился тем, что нарисовал пяточок, напоминающий электрическую розетку, — ненависть в облике зеленой змеи, а алчность как синюю курицу, — извилистая линия и нечто похожее на гребень петуха. — Следующий круг показывает шесть миров Сансары, от ада внизу до божественных обиталищ вверху... Животные, голодные духи, асуры-полубоги, а также мы, человеки.

Отступив на шаг, брат Пон полюбовался делом рук своих, покосился на меня — внимаю ли? — и вновь принялся за дело.

— Дальше у нас двенадцать секций, этапов того, о чем мы с тобой еще не говорили, но обязательно будем: слепой, горшечник с горшками, обезьяна, человек в лодке посреди океана, дом с запертыми окнами и дверями, мужчина и женщина, слившиеся в объятиях, человек со стрелой в глазу, человек с чашей вина, другой человек, срывающий плоды с дерева, курица, несущая яйца, рожающая женщина и старик, несущий на спине мертвеца.

Я слушал, стараясь запомнить, понимая, что это все не просто развлечение, а имеет смысл, пусть пока еще не проникший в мое сознание.

— И всю эту конструкцию держит в пасти колоссальное чудовище красного цвета, — и брат Пон добавил нечто вроде ряда зубов сверху и снизу от внешнего круга и парочку глаз с узкими, змеиными зрачками.

— И что это? — не утерпел я.

— Бхавачакра, колесо судьбы, карта, которой ты будешь пользоваться на пути к свободе. А чтобы она работала, тебе предстоит ее нарисовать, изобразить во всех деталях и подробностях, которые придут тебе в голову, украсить понятными тебе символами. Делать это будешь прямо вот тут.

— На земле? — с ужасом спросил я.

— Холста и кистей у нас в храме нет, — брат Пон с показным сожалением развел руками. — Зато есть много песка разных цветов, который так красиво смотрится, если его насыпать в ямки и канавки.

— Но я не художник! У меня вообще руки кривые! — продолжал возражать я. — Помню, по рисованию всегда тройки в школе были!

— Никто не требует от тебя шедевра. Никто, кроме меня и тебя, не увидит рисунка.

— Но зачем это надо?!

Честно говоря, я думал, что брат Пон проигнорирует этот вопрос, но он неожиданно ответил:

— Это самый простой и наглядный способ упорядочить твои представления о мире сознания, успокоить тот хаос желаний и устремлений, что продолжает, несмотря на все наши усилия, бушевать внутри тебя. Легкое средство обезвредить семена негативных аффектов.

Я слушал, стараясь запомнить, понимая, что все это не просто развлечение.

— То есть, создавая это изображение, я изменю себя? — уточнил я недоверчиво.

Вот так просто?

Взял, накарябал кривую картинку, сказав, что так видишь и на большее не способен, и после этого перестанешь алчно желать новый «Порше» себе и смерти гаду-соседу с перфоратором?

— Да, — подтвердил брат Пон. — Справившийся с этой задачей становится иным. Приступай немедленно.

И монах несколькими движениями палки стер свой набросок.

— Рисуй не так, как я, а так, как ты, — сказал он, видя разочарование на моей физиономии.

Для начала я вырезал себе пару колышков, какими будет удобно чертить на земле. Потом стесал все до единого бугорки и засыпал ямки на доставшемся мне участке земли. Несколько раз на меня накатило желание бросить эту ерунду, удовлетвориться тем, что есть, но я его с негодованием отогнал.

Ну уж нет, это не тот момент, когда можно схалтурить!

Понятное дело, что как художник я никуда не похужу, но вот уж «лист» для рисования я сделаю как надо.

Внутренний круг я изобразил с третьей попытки, то, что получалось ранее, на окружность походило лишь отсутствием углов. В процессе выяснилось, что один из колышков изготовлен из слишком мягкой древесины, он разлохматился почти тут же, и пришлось его выкинуть.

С материалом для второго я, к счастью, угадал.

Разделил на три части и задумался, как изобразить свинью... пяточок — это проще всего, но этот образ использовал брат Пон, а мне надо придумать что-то свое, оригинальное.

От умственного напряжения заныло в затылке.

Ага, вот оно!

Овальное тело... обойдемся без головы... мультяшные завитки ушей,

наглая ухмылка с ощеренными зубами, каких не устыдится и волк, редкая щетина, короткие ножки с копытцами.

Оглядев то, что у меня получилось, я преисполнился энтузиазма.

Змею изобразил свернутой в восьмерку, пририсовал ромбовидную башку с высунутым языком. Курица в моем исполнении вышла похожей на неудачно ощипанного воробья и, казалось, с гневом уставилась на меня единственным глазом.

Поколебавшись, я стер ее и изобразил заново, на этот раз анфас, а не в профиль: крылья раскинуты, когтистые лапы скребут землю, настоящий гордый птиц, червяк клевал, забор сидел.

Ну да, а не такой уж и плохой я художник...

Под влиянием этой приятной мысли я пребывал добрых полчаса, пока не взялся рисовать обитель богов. Мне захотелось изобразить многоярусный дворец вроде того, что я наблюдал на склонах призрачной горы, но с ним дело у меня отчего-то пошло наперекосяк.

Линии ложились криво, будто их проводил пьяный маляр, вместо квадратов выходили трапеции.

Я злился на себя, пытался начинать то с крыши, то с нижнего этажа, но всякий раз понимал, что упускаю нечто важное.

От бесплодных усилий меня отвлек звон, прикатившийся со стороны вата: дежуривший по кухне монах ударами поварешки о крышку кастрюли извещал, что рис готов и овощи сварились.

Утерев со лба трудовой пот, я отправился обедать.

Моего дара хватило на то,
чтобы изобразить нечто
с выпученными глазами.

После еды брат Пон велел мне дальше заниматься колесом судьбы, сказав, что я могу возиться с ним хоть до темноты. Преисполненный энтузиазма, я вернулся к рисунку и вновь ринулся на штурм божественных чертогов.

После часа пыhtения мне удалось изобразить нечто вроде кривобокого терема.

«Сойдет», — решил я и взялся за мир полубогов-асуров.

Пришлось вспомнить, что мне рассказывал об этих существах брат Пон как-то вечером, когда ему пришла охота поговорить, — могущественные, обладающие магическими умениями и силами, разные обликом, но склонные к тому, чтобы враждовать друг с другом, к войнам и развлечениям насильственного характера.

Почти боги, разве что живут недолго, как люди.

Мне в память отчего-то врезались те, что со змеиными хвостами, ядовитым дыханием и смертоносным взглядом.

Моего художественного дара хватило на то, чтобы изобразить нечто жуткое с выпученными глазами. В одну из рук этого создания я поместил лук, а в другую, уж не знаю почему, нечто вроде булавы.

Третья возможность благого воплощения — мир людей.

Размышляя о том, как показать пространство, в котором я провел почти сорок лет, я впал в настоящий ступор. Из него меня вывели обезьяньи крики, раздававшиеся чуть ли не прямо над головой.

В окрестностях Тхам Пу жила стая макак, но обычно к вату они не приближались и нам не мешали.

— Чего надо? — мрачно спросил я, глядя как дальние родичи гомо сапиенса ловко скачут с ветки на ветку. — Еще вас тут не хватало для полного счастья, рожи мохнатые...

Произнес все это на родном русском, которого тайским обезьянам знать не положено.

Но, видимо, кто-то из них поднабрался словечек из общения с туристами, поскольку ответом стал настоящий шквал предметов, обрушившихся на меня и на мой рисунок — ветки, огрызки бананов, орехи, всякий мусор вроде пластиковых бутылок и пивных крышек.

Что-то со стуком срикошетило от моего лба — на свинью невежества шлепнулся кусок коровьей лепешки!

— Прочь! — заорал я, вскочив. — Проваливайте, гнусные твари! Черт вас подери!

Меня оглушил истошный агрессивный визг, мимо пролетела уже стеклянная бутылка, и я поспешно отступил, прикрываясь руками — такой штукой, если удачно попасть, можно запросто разбить голову!

Макаки последовали за мной, раскачиваясь на хвостах, корча глумливые рожи и скаля острые клыки. Одна соскочила наземь и пошла на меня вразвалку, необычно крупная, как мне показалось от страха, едва ли мне не по пояс.

Я попятился еще, поскольку хорошо знал, что «обезьянки» кусаются не хуже собак!

Стая преследовала меня до окрестностей храма.

— Что, познакомился с нашими соседями? — с улыбкой поинтересовался брат Пон, когда я рассказал ему, что произошло.

— Ничего себе соседи! — сердито отозвался я. — Они на меня напали!

— Да? И с чего это? — монах сделал большие глаза, показывая, что удивлен. — Неужели ты попытался выразить им свою любовь?

— Ну, нет... — неохотно признался я.

— Понимаешь, то, что произошло в деревне, и что случилось сегодня — симптомы. Проявления той ненависти, что по-прежнему живет внутри тебя и активно проявляет себя, поскольку ты затеял самоизменение. Собаки, обезьяны, тигры — какая разница? На тебя нападут и ягнята, если ты от нее не избавишься. Возвращайся к рисунку.

— Но там же...

— Что, боишься новой атаки? — он смотрел на меня, склонив голову, почти гневно. — Страх — проявление той же ненависти, — тут взгляд черных как маслины глаз смягчился. — Ладно, пойдем вместе.

Обезьяны, к моему большому облегчению, нам не попались, но при виде того, что осталось от колеса судьбы, мне захотелось оторвать кое-кому хвост, а руки сами сжались в кулаки.

Земля изрыта, словно тут пронеслось стадо оленей, завалена мусором.

— Я не обманывал тебя, когда говорил, что, закончив рисунок, ты изменишь себя, — сказал брат Пон. — Как бы ты ни старался, как бы ни упирался, он будет готов только тогда, когда ты окажешься готов.

— Но я... целый день... как же так?! — я в этот момент мог только шипеть от ярости.

— Берись за дело заново, — проговорил монах. — Очисти все, подыши, успокойся.

— Может быть, рисовать можно где-то ближе к вату? — поинтересовался я.

— Нет. Этот небольшой участок джунглей — твоё пространство изменения. Выкорчеванное дерево символизирует твою решимость бороться за освобождение, колесо судьбы, когда ты его закончишь, обозначит то, что ты знаешь путь и готов по нему следовать. Здесь ты осознал то, что смерть угрожает всем нам, и осознаешь еще многое.

Вздыхнув, я разжал кулаки и отправился туда, где валялась лопата.

Только после того, как я провел в Тхам Пу почти месяц, я кое-как смог привыкнуть к тому, что его обитатели не имеют даже подобия распорядка.

Ни один день не походил на предыдущий, хотя от рассвета до заката я

занимался примерно одними и теми же делами. Но меня могли разбудить задолго до восхода и отправить за водой или забыть про меня так, что я просыпался сам; кормежка случалась то один раз, то дважды; медитации и прочие дела назначались то на утро, то на вечер, а иногда случалось нечто вовсе непредсказуемое.

Поначалу это откровенно нервировало, я все время пытался осознать режим, поймать ритм, в котором живут монахи. Даже выказывал недовольство брату Пону, но он только смеялся и велел мне не думать о пустяках.

Раздражение осталось в прошлом, но легкое недовольство все еще было.

Я не чувствовал обычной уверенности, опирающейся на то, что сегодня будет то-то и то-то, а завтра — это и это, даже ближайшая перспектива выглядела расплывчатой, эфемерной.

Обезьяны мне больше не мешали, но работа над колесом судьбы шла ни шатко ни валко. Не хватало времени, поскольку меня постоянно занимали чем-то еще, да и изображения-символы различных миров давались мне с колоссальным трудом, не только исполнение, но и замысел.

Ни один день не походил на предыдущий, хотя я занимался одними и теми же делами.

Не один час я тратил лишь на придумывание того, что хочу изобразить.

В один из дней я отправился к рисунку за час до заката, а вернулся в ват уже затемно, в сумраке пару раз споткнувшись и сильно ушибив палец об удивительно твердый корень.

Под навесом мерцала керосиновая лампа, и рядом с ней сидел брат Пон. — А, вот и ты, — сказал он. — Иди сюда.

Я подошел и опустился на землю, стараясь не показывать, насколько раздражает меня ушиб.

— Ну да, ну да, — монах, судя по проказливой улыбке, мгновенно оценил мое состояние. — Мудрецы прошлого остервенело ломали копья над тем, что такое «личность», что такое «я»... Ты бы сейчас ответил просто — «я — это боль, что кусает, точно оголодавший волк».

— Она и вправду кусает, — признался я.

— Но никто же не заставляет тебя с ней отождествляться? — брат Пон пожал плечами. — Если твое утверждение верно, то, когда исчезнет боль, а это случится рано или поздно, пропадет и твое «я». Так?

— Ну... нет, — признать такое было бы глупо, защищать свою позицию я не стал, понимая, что в споре уступлю, и ринулся в атаку сам. — Но мне, честно говоря, неясно... Пять струй, что образуют поток — события, телесные ощущения, эмоции, мысли, осознание... Насколько я понимаю, они формируют то, что можно назвать личностью. Одновременно вы говорите, что личности вовсе не существует, что это только иллюзия. Как так?

Брат Пон задумался на мгновение, а потом заговорил:

— Ну вот смотри... представь, что перед нами стоит роскошный автомобиль. Являются ли колеса автомобилем?

— Нет.

— Может быть, двигатель, очень мощный?

На этот раз я обошелся без слов, только покачал головой.

— Корпус? Такой красивый, ярко-алый, блестящий? Рессоры? Аккумулятор? — удивительно, но брат Пон более-менее разобрался в устройстве легковой машины, что наводило на мысли о том, что он не всю жизнь просидел в лесу, предаваясь молитвам и медитации.

— Смотри, если каждая из составных частей не является автомобилем, то можно ли назвать этим словом их набор? Представь, что они лежат вот здесь, перед входом в храм, все детали новые, блестят... Можно?

— Ну нет, нельзя... — вынужден был признать я.

— Тогда выходит, что никакого автомобиля не существует?

— Как не существует?! Если собрать их в должном порядке, то получится вещь, которую мы назовем автомобилем!

— Вот именно — назовем! — брат Пон поднял указательный палец. — Это лишь имя. Личность — точно такое же имя, присвоенное совокупности пяти струй, что, переплетаясь, текут через время. О ней можно говорить, но в то же время она не существует как нечто реальное, настоящее.

— Но почему же мы верим в наше «я»? Верим в то, что оно реально?

— Это вопрос выбора живых существ, что предпочли запутаться в тенетах кармы, лишиться свободы в обмен на красивые побрякушки, которые можно отыскать во вселенной иллюзий. Кроме того, вера в вечное, неизменное эго дает ощущение безопасности, твердую почву под ногами.

— Но она же присутствует в нас с рождения... — пробормотал я.

— И даже ранее, — добавил брат Пон. — Но с ней можно бороться,

можно побеждать.

В руке брата Пона возникла
бамбуковая палка, которой он
ткнул меня в палец.

Я посмотрел на него вопросительно.

— Смотри, — сказал он. — Есть одно простое упражнение, и очень-очень полезное... Выполнять его нужно в ситуации, когда одна из составляющих твоей личности выпячивает себя, твое «я» становится как бы одномерным, как сейчас, когда ты весь — боль.

Честно говоря, про ушиб я за время разговора успел несколько позабыть.

Но едва вспомнил, как палец заныл вновь.

— Ты фиксируешь то, что тебя тревожит — ощущение, мысль, событие, эмоцию. После чего отстраняешься, смотришь на него со стороны, думая «это — не мое, это — не я». Попробуй...

В руке брата Пона возникла бамбуковая палка, которой он внезапно ткнул меня в пострадавший палец. Боль оказалась такой, что на глаза навернулись слезы, а в первый момент я даже задохнулся.

— 3-зачем? — пропыхтел я.

— А для чистоты эксперимента, — тут монах ехидно захихикал.

Отрешиться от боли оказалось невероятно трудно, она притягивала все внимание. Когда я начал повторять «это не я, это не мое», мысленно созерцая пострадавший палец, стало легче.

А затем в один момент я и мое страдание точно разделились!

Ощущение было странным, я в одно и то же время и чувствовал боль, и осознавал ее как нечто постороннее по отношению ко мне! Длилось это всего мгновение, в следующий миг я снова воспринимал себя как обычно, разве что ушиб почти не беспокоил.

— Вот, у тебя неплохо получилось, — сказал брат Пон с удовлетворением в голосе. — Если хочешь, могу ударить еще раз.

— Нет, спасибо, — отозвался я.

— Тогда иди и подмети в храме. И заодно попрактикуйся.

Размахивая метлой, я поглядывал на статую Будды и шептал «это не я, это не мое», имея в виду уже не боль в пальце, а нежелание заниматься

утомительной работой после тяжелого дня.

И дело шло куда веселее обычного.

— Ну что, собирайся, — сказал брат Пон, когда я поставил наземь ведра.

Чтобы наполнить пластиковый бак, располагавшийся под навесом нашей кухни, требовалось десять раз сходить к источнику. Если месяц назад я едва не падал, справившись с этой задачей, то сейчас, конечно, потел и тяжело дышал, но желания лечь отдохнуть не чувствовал.

— Куда? — спросил я, с тревогой думая, что мы отправимся в деревню, на окраине которой ждут собаки.

— Прогуляемся до Нонгкхая. Есть у меня там кое-какие дела.

Сборы ограничились тем, что я привел в порядок одежду и взял сумку для пожертвований.

К моему удивлению, отправились мы не прямым путем на восток, вдоль реки, по тропинке, по которой я некогда пришел в Тхам Пу, а зашагали через джунгли на юг. Через пару километров мы очутились на обочине широкой, по местным меркам, дороги, а спустя пять минут рядом с нами остановился потрепанный пикап, типичный «японец», каких тысячи бегают по тайским шоссе и проселкам.

Водитель, лысоватый и тощий, спешно выбрался наружу и сделал вай.

Они коротко переговорили с братом Поном, и монах сказал мне:

— Давай в кузов. Прокатимся с ветерком.

Пикап вез обшарпанные газовые баллоны, и где-то между ними мы и уместились. Машина сдвинулась с места, и стало ясно, что нужно держаться за борта, да покрепче, иначе рискуешь вылететь.

Баллоны угрожающе постукивали друг о друга, норовили перекатиться, отдавить ноги. Пыль летела из-под колес, желтовато-серое облако клубилось вокруг нас, заставляя глаза слезиться, а глотку — саднить.

Когда выехали на асфальт, стало полегче, а затем и поездка наша закончилась.

Нонгкхай я знал не очень хорошо, и поэтому сразу не смог определить, где мы оказались. Но вскоре стало ясно, что мы приехали на местный рынок, втиснутый между улицей и набережной лабиринт магазинчиков и прилавков, где торговали всем, от фруктов и мяса до бытовой техники.

Встречные кланялись брату Пону, а некоторые еще и мне.

— Вот смотри, обычные люди, — сказал он, когда мы оставили позади торговца жареными червяками и прочей насекомой снедью. — Если верить древним мудрецам, то они порождают четыре вида кармы в зависимости от

смысла совершенных действий: черную, белую, черно-белую и не-черную-не-белую. С черной все понятно, это результат поступков под влиянием аффектов — ненависти, алчности, невежества. Белая создается лишь духовными благими деяниями вроде йогического сосредоточения или молитвы. Черно-белая — последствие хороших дел обыденного характера — помог кому, милостыню раздал. Не-черная-не-белая имеет корень в абсолютно чистом действии, на которое способен лишь просветленный, поэтому называть ее кармой не совсем справедливо, поскольку к Сансаре она нас не привязывает... Ага, тебя наконец проняло! Ну и шкура!

Шли мы неспешно, и если поначалу я чувствовал себя хорошо, то постепенно начала кружиться голова, голоса продавцов и покупателей стали звучать резко, неприятно, запахи снеди, казавшиеся привлекательными, сделались отвратительными, волной накатила тошнота.

— Что... проняло? Что... шкура? — промямлил я, с ужасом думая, что меня сейчас вырвет.

Вовремя вспомнил про «это не я, это не мое», и мне стало легче.

Ну а брат Пон ухватил меня за руку и фактически поволок за собой.

Вскоре мы оказались на набережной, над заросшим кустами откосом, спускавшимся к Меконгу. Тут я ослабел окончательно, навалился брюхом на ограду и шумно опустошил желудок.

— Вот так-то, — сказал брат Пон. — А ведь ты всего месяц провел за пределами этой клоаки.

— Ну, нет, съел чего-то не то... — пробормотал я и попытался вспомнить, не было ли чего особенного в утреннем рисе.

— Да ну? — монах усмехнулся. — То же самое, что мы готовим каждый день.

— Тогда что со мной? — и я вытер со лба холодный пот.

Я вовремя вспомнил про «это не я, это не мое», и мне стало легче.

— Твое восприятие изменилось, теперь ты в состоянии уловить то, чего ранее не замечал. Тот поток, которым ты являешься, очистился от грубых аффектов, и они теперь вызывают у тебя реакцию вроде аллергической. Я

нарочно повел тебя на рынок, ведь где еще столь откровенно правят бал жадность, зависть и злоба?

— И так будет со мной всегда? — спросил я, чувствуя, как от ужаса холодею еще сильнее.

Как я вернусь в Паттайю, где рынок на каждой улочке, как буду общаться с приятелями, многие из которых только и думают о деньгах, а отличным развлечением считают вечер с проститутками в баре? Как пойду работать, не важно, на себя или на кого-то другого?

— Если ты сбежишь от меня сейчас, то конечно, — ответил брат Пон с улыбкой. — Только ведь ты не собираешься этого делать?

Я помотал головой.

— Тогда пойдем. У меня и в самом деле есть тут дела.

Сравнительно свежий ветер с реки и тот факт, что на набережной никого не было, позволили мне немного прийти в себя. Люди объявятся здесь вечером, когда солнце зайдет, и из многочисленных кафе вытащат столы с жаровнями, чтобы можно было готовить речную рыбу на глазах у клиентов.

И все равно я еле шел, с трудом перебирая ногами.

— Те же древние мудрецы пытались выяснить, как по обстоятельствам нынешнего воплощения можно судить о предыдущих, — продолжал рассказывать брат Пон. — Убийство, например, влечет за собой короткую жизнь, воровство проявляет себя бедностью, тот, кому сейчас изменила супруга, в прошлом сам не отличался верностью, лжец непременно столкнется с обманом, бывшего пустослова в этой жизни никто не будет слушать, а хаму придется выслушать много неприятного в свой адрес.

— Это так и есть? — спросил я. — Это правда?

Монах пожал плечами:

— Древние выдумали много интересного и полезного, но порой заносило и их. Кстати, мы пришли.

Целью нашей прогулки оказался небольшой ват на набережной: обшарпанные маленькие строения, золоченая статуя сидящего Будды, развешенные на веревках желтые одеяния монахов.

— Посидишь тут, — сказал брат Пон, подводя меня к могучему дереву, обвязанному разноцветными лентами.

Я уселся наземь, скрестив ноги, а монах ушел.

И почти тут же мне вновь стало нехорошо, слабость обрушилась на плечи, кишки, хоть и опустевшие, вновь свела судорога. Поле зрения заволочла багровая пелена, в ушах возник назойливый комариный звон, предвестник скорого обморока.

Но я сжал зубы покрепче и зашептал «это не я».

На сердитые голоса я поначалу не обратил внимания, но затем они стали громче, и я все же повернул голову. Брат Пон и незнакомый пожилой монах в очках обнаружили на ступенях вата, и если мой наставник выглядел, как обычно, спокойным, то его собеседник размахивал руками и почти кричал.

От удивления я даже забыл о своих проблемах.

Брат Пон сделал примиряющий жест, но в ответ получил целую серию упреков. Позади монаха в очках появились трое помоложе, и их мрачные лица выражали готовность присоединиться к дискуссии.

Ого, кажется, нас готовы выпроваживать силой!

Нет, я видел, конечно, как набрасываются друг на друга с кулаками представители разных конфессий, делящих между собой храм Гроба Господня в Иерусалиме, но так ведь христиане некогда и еретиков жгли, и в крестовые походы ходили, а в буддизме ничего подобного не было.

Меня мучил стыд, что я, крепкий мужик, опозорился, упав в обморок посреди города.

Собравшись с силами, я уцепился за дерево, под которым сидел, и попытался встать. Это мне удалось, но перед глазами все померкло, а колени задрожали так, что едва не начали биться друг о друга.

— Тихо, аккуратно, — брат Пон оказался рядом, придержал меня за пояс. — Куда ты?

— Помогать... вам... а то вдруг... — выдавил я.

— Ну нет, — он рассмеялся. — Правильные монахи не всегда одобряют неправильных. Только вот принцип ахимсы, ненасилия, никто из них не нарушит.

И мы пошли к воротам в ограде вата и дальше по набережной в сторону рынка.

— Твой труд был не напрасен, — продолжал говорить брат Пон, и я цеплялся за его голос, как за веревку, чтобы не выпасть из реальности. — В тебе возникли ростки пустоты. Соприкасаясь с хаотичной полнотой обычных людей, они...

Но тут я, несмотря на все усилия, не выдержал и потерял сознание.

Неприятные ощущения сгинули без следа, стоило мне оказаться за пределами Нонгкхая. Куда сложнее оказалось избавиться от воспоминаний о том, что происходило со мной во время визита в город.

Третий день меня мучил стыд, что я, взрослый крепкий мужик, опозорился, упав в обморок посреди города.

Брат Пон наверняка замечал, что со мной творится, но на эту тему не заговаривал. Вообще не вспоминал, что мы куда-то ездили, словно и не было никакого путешествия в Нонгкхай.

Но любопытство во мне оказалось сильнее стыда.

— А что вы не поделили с тем монахом? — осведомился я, выбрав момент, когда и я, и брат Пон оказались ничем не заняты, что случалось очень нечасто. — Он был вне себя...

Он улыбнулся таким образом, что я понял — ответа не будет.

— Но если верить тому, что вы мне рассказывали о карме, то в прошлой жизни вы были заядлым спорщиком, — продолжал я. — За что и стали жертвой поношений. Ведь так? Вы помните свои воплощения?

Брат Пон глянул на меня, прищурившись.

— Ты же понимаешь, что слово «свои» в данном случае — лишь условность? — проговорил он. — Это как бильярдные шары, передающие энергию удара друг другу... Разве тот, что под номером «пять» и в данный момент покоится, принадлежит номеру «восемь», что катится по сукну?

— Да, понимаю. Но ведь знание о прошлых жизнях может оказаться полезным! Поможет разобраться в себе, в тех проблемах, с которыми я сталкиваюсь в этой, осознать их причины!

— Ты думаешь? — сказал брат Пон с сомнением. — Представь, что тебя ранили. Обмазанная ядом пуля вошла, скажем, в бок, и нужна срочная операция, чтобы ее извлечь и спасти тебе жизнь... Но ты останавливаешь мою руку, руку врача, и требуешь, чтобы тебе сначала рассказали о том, кто тебя ранил, из какой страны он родом, какого роста, какого цвета у него глаза и волосы... Затем ты хочешь узнать, сколько у него родственников, чем они занимаются, где проживают... Еще тебе интересно, из какого ружья была выпущена пуля, на каком заводе и когда его изготовили, сколь велика была партия... И ты не даешь мне делать операцию, пока я не расскажу тебе, из какого дерева приклад у ружья, и где оно росло, и когда было срублено... а яд тем временем расползается по организму, и шансов на успех все меньше и меньше...

— Но ведь мне ничего не угрожает, — попытался вмешаться я.

— Да ну? — брат Пон вытаращил глаза и рявкнул во всю глотку: — Ну а смерть?! Показать тебе ее еще разок?!

Я вздрогнул, ощутил на затылке леденящее дуновение.

Не выдержал, оглянулся и краем глаза обнаружил прямо у себя за спиной нечто извивающееся, скользкое — будто позади лопаток свивала и развивала кольца огромная призрачная змея. Я почти различил зубы, каждый в капельках яда, погремушку на хвосте, рисунок на чешуе.

Меня словно окатило ледяной водой, захотелось вскочить и побежать куда глаза глядят.

— Ну вот, ты сам себе все показал, — заявил брат Пон. — Даже лишнего, пожалуй.

Он щелкнул пальцами, жуткое видение исчезло, и страх разжал холодные объятия.

— От нее не убежишь, — продолжил монах. — Даже на истребителе не улететь. Постоянно рядом, на расстоянии вытянутой руки, и всегда готова нанести удар... хлоп, и все, ты уже плаваешь крокодиллом в Ганге или наслаждаешься в небесных обителях, и тебе не до какой-то там свободы, ведь в первом случае у тебя нет ума, чтобы о ней задуматься, а во втором все слишком хорошо... Как сказал один из древних: шанс обрести человеческое воплощение примерно такой же, как на то, что черепаха, всплывшая из глубин океана, попадет головой в деревянный ящик, выброшенный кем-то с борта корабля. Так что глупо использовать эту жизнь на то, чтобы ковыряться в тех, что давно закончились, исчерпали себя.

— Но...

— Да, я слышал твои аргументы, — брат Пон не дал мне вставить и слова. — Многообразные тысячи воплощений, блики на гребнях волн, что колеблемы ветром привязанностей, невообразимо длинная предыстория того потока восприятия, которым ты в конечном итоге являешься... Не имеет ни малейшего значения! Вообще никакого!

— Почему? — искренне удивился я.

— А потому, что мы можем без труда наблюдать ее итог, воплощенный в твоём теперешнем состоянии. Ты нынешний — это и есть главное последствие того, что на Западе привыкли называть «прошлыми жизнями», и все, что нужно тебе для борьбы за свободу, находится под рукой. Твои эмоции и мысли, тело и жизненные обстоятельства, уровень осознания — вот материал, с которым можно эффективно работать. Те бездны падения, в которых ты, возможно побывал, искуплены тяжкими страданиями, что, вполне вероятно, были пройдены тобой... Радость

уравновесило печалью, славу и успех — безвестностью. Белая карма пожрала большую часть черной, иначе бы ты просто со мной не встретился.

Говорил брат Пон логично и убедительно, вот только мне по-прежнему хотелось пусть краем глаза, но заглянуть в те жизни, которые пусть не совсем прямо, но были связаны с моей. Наверняка там встречались вещи более интересные и яркие, чем в нынешнем, довольно ординарном и скучном существовании.

Глупо использовать эту жизнь
на то, чтобы ковыряться в тех,
что давно закончились.

— Я тебе скажу больше! — в голосе монаха звучала необычайная настойчивость. — Значения не имеет даже недавнее прошлое, что безо всяких сомнений является твоим. Зачем, например, ты таскаешь с собой позавчерашний день, когда ты потерял сознание?

— Ну... — я понял, что краснею.

— Отбрось его! Забудь! Это не ты, это не твое! — он наклонился вперед, взял меня за плечи и встряхнул. — Ты лишь то, что ты думаешь, воспринимаешь и переживаешь именно сейчас, точка, мгновение, вспышка сознания!

Стыд прокатился по моему лицу обжигающей волной, я даже ощутил, как он иглами торчит из кожи, а затем пропал, словно паром ушел в блекло-голубые небеса северного Таиланда.

Я с безумной резкостью осознал вкус воздуха с ноткой речной сырости, желание закончить наконец рисунок колеса судьбы, тот факт, что многие люди в Паттайе или на родине считают меня пропавшим без вести или вовсе погибшим, и то, что мне в общем-то на их мнение совершенно наплевать.

— Нынешняя жизнь — чудо куда большее, чем тысяча оставшихся в прошлом, — сказал брат Пон. — Поэтому сделай так, чтобы она не оказалась потрачена на ерунду. Двигай на кухню, чего сидишь? Надо помыть овощи и почистить, сегодня, насколько я помню, твоя очередь...

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Наши желания — это наши цепи, чем они интенсивнее, тем цепи тяжелее.

Любая попытка бороться с ними напрямую, подавлять не даст эффекта, зато может вызвать ненужное напряжение.

Желания имеют над нами полную власть, если они не осознаются, если же направить на них внимание, они чахнут и слабеют.

Начать лучше с простых, обыденных, которые есть у каждого, и просто отслеживать их. Фиксировать, в каких условиях они появляются, как себя проявляют, как влияют на поступки. Ни в коем случае себя не осуждать, не переживать, не сравнивать свои с чужими, только наблюдать.

Беспристрастное созерцание обладает удивительной силой.

* * *

Мы, люди, эгоцентричные существа, и вся западная культура основана на восхвалении личности, «я».

Но на самом деле это лишь украшенная мишурой фикция, слово, а не объект, название, а не фрагмент реальности, красивая иллюзия, приверженность к которой служит источником постоянных страданий и тотальной неудовлетворенности.

Медитация «это не я, это не мое» — отличный инструмент для того, чтобы немного ослабить эгоистическую фиксацию. Включать его нужно, когда вперед с подавляющей силой выходит один из аспектов нашего Эго — сильная эмоция, назойливая мысль, желание, телесное ощущение или жизненная ситуация.

Вместо того чтобы, как обычно, погрузиться в самоотождествление, нужно, наоборот, мысленно отодвинуться и созерцать превалирующий аспект личности со стороны, повторяя «это не я, это не мое».

Быстрый эффект маловероятен, но если практиковать регулярно, то через какое-то время обязательно случится прорыв, и Эго начнет терять над нами ту власть, которую имело с самого рождения.

* * *

Знание обстоятельств прошлых жизней — вещь бесполезная, даже вредная.

Весь их результат, исход, сухой остаток представлен в том, какими мы являемся сейчас, и именно с этим актуальным состоянием и нужно работать, чтобы избавиться от проблем и страдания.

Желание заглянуть в прошлое вызвано обыкновенным любопытством, жадной укрепить, продлить во времени собственное «я», да еще и повысить самооценку, доказав, что если сейчас ты не особенно заметная сошка, то в прошлом был большим, заметным человеком... или даже богом.

Стоит ли тратить время и силы на то, чтобы уплотнять пелену иллюзий

вокруг себя?

Глава 4. Голос пустоты

Очередной колышек, которым я вычерчивал в земле канавки, приказал долго жить. Кончик разлохматился до такой степени, что использовать его в качестве «карандаша» стало невозможно.

Но этот факт меня нисколько не расстроил.

Я просто взял запасной — еще позавчера сделал их с полдюжины — и вернулся к работе.

Последние дни при работе над колесом судьбы мной владело странное вдохновение. Я сам удивлялся, какой твердой стала моя рука, и один за другим заканчивал рисунки внешнего круга — человек, пьющий вино, его брат-близнец, срывающий плоды с дерева, курица-несушка, роженица, старик, что тащит на закорках труп.

Брат Пон пока так и не разъяснил мне, что все это значит, но я не сомневался, что все узнаю в свой срок.

Парой штрихов я изобразил бороду на лице старика, поправил округлость его лысины и уставился на огромный, сложный рисунок, не веря собственным глазам. Осталось придумать чудовище, что держит в пасти колесо, и можно просить цветного песка, чтобы раскрасить картинку.

Но это завтра, сегодня не успею, до заката времени не так много.

Монах встретил новость,
что бхавачакра готова, спо-
койным одобрением.

Я принялся вычерчивать мохнатые, бугрящиеся мускулами лапы, кривые, точно у лягушки. Обозначил зубы, два больших глаза, но, немного подумав, добавил к ним третий, а на голове монстра натянул рогов, прямых и кривых и даже ветвистых, точно у оленя.

— Красота, — сказал я, ощущая гордыню, достойную знаменитого художника.

Тут же устыдился, зашептал «это не я, это не мое».

Солнце тем временем укатилось за деревья, и в лесу начало

стремительно темнеть. С запада донеслись раскатистые обезьяньи вопли, и на миг мне показалось, что они приближаются.

Макаки больше меня не беспокоили, вообще не обращали внимания, даже когда я пару раз натыкался на них около источника. Подобный факт наводил на мысли, что в первый раз их спровоцировали, и время от времени я начинал подозревать, что это устроил брат Пон.

Он вполне мог организовать и нападение собак.

В деревню меня более не посылали, и вместе мы туда тоже не ходили.

— Красота, — повторил я уже более спокойно и поднялся с коленей.

Поясница после долгого пребывания на четвереньках болела, ныли колени — небольшая цена, если учесть, что я получу, закончив собственный рисунок колеса судьбы.

Брат Пон обещал, что этот факт изменит меня самого и всю мою жизнь!

Отряхнув антаравасаку, я вытер со лба честный трудовой пот и отправился в сторону Тхам Пу.

Монах встретил новость, что бхавачакра готова, спокойным одобрением.

— Замечательно, — сказал он. — Завтра проверим, что ты там намалевал, и раскрасим. Потом отметим... у меня как раз припрятано несколько бутылок пива и даже ром есть. Накатим по стаканчику.

Я покосился на него с сомнением.

Каким бы неправильным монахом ни был брат Пон, выпивающим я его себе представить не мог.

На ужин в этот день к рису подали не только овощи, но еще и грибы, да еще по ананасу на брата. После такой трапезы я уснул почти мгновенно и проснулся в полной тьме от отдаленных раскатов грома.

В тот момент меня посетило изумление — дождь в разгар сухого сезона?

Потом я вновь заснул и открыл глаза вновь, когда ливень обрушился на крышу моей хибары. В дюжине мест тут же потекло, под ногами захлюпало, сгнули последние жалкие намеки на уют.

Я подтащил матрас к той стене, что выглядела покрепче, и скорчился так, чтобы на меня не капало. Некоторое время думал, что не усну до рассвета, а потом моргнул и обнаружил, что уже утро, всю щебечут птицы, а ко мне заглядывает один из молодых монахов.

— Встаю, встаю... — сонно пробормотал я, и тут тревога воткнулась в меня подобно острому клинку.

Как там мой рисунок?

Монах исчез, а я принялся торопливо натягивать одежду, ставшую

привычной за время пребывания в Тхам Пу. Затем, спотыкаясь, помчался через окутанные туманом, еще не проснувшиеся джунгли.

А увидев место, где располагалась бхавачакра, я не сдержался, испустил горестный вопль — ночной ливень смыл все начисто, оставив гладкую, точно щека младенца, землю.

— Нет-нет-нет! — воскликнул я, цепляясь за надежду, что я продолжаю спать и что это мне мерещится.

— Да, печально, — брат Пон, по обыкновению, возник рядом бесшумно.

— Печально? Да это катастрофа! — я сжал кулаки, про себя проклиная этот так не вовремя случившийся дождь, единственный, может быть, в этих местах за целую зиму. — Как такое вообще возможно?

— Я же предупреждал тебя, что рисунок будет готов, когда ты сам будешь готов, — сказал он.

Я застонал.

— Это не ты, это не твое, — напомнил монах и засмеялся, но не обидно, а так, что мне полегчало. — Не надо быть мудрецом, чтобы понять, в чем источник проблемы. Слишком сильно ты хотел закончить бхавачакру, для тебя она стала не средством освобождения, а поводом отрастить еще один корень привязанности. Отсюда эмоции.

— Но я же не мог относиться к этому делу равнодушно!?

— Равнодушие — тоже эмоция, а вот бесстрастие — нет, — брат Пон покачал головой. — Работая над рисунком, ты должен быть бесстрастным, а не корчиться от желания завершить дело как можно быстрее.

— И тогда дождей не будет? — спросил я почти издевательски.

— Откуда же мне знать? Но ничто и никто не сможет встать у тебя на дороге. Лишенный привязанностей неуязвим, и любая задача ему по плечу.

— Но откуда возьмутся эти задачи, если не будет желаний?

— Из осознания, — брат Пон посмотрел мне прямо в глаза. — Желания лишь мешают. Отвлекают, сбивают с толку, грузом висят на плечах, не дают действовать спокойно и эффективно. После полудня начнешь рисовать заново, а сейчас пойдем, нечего тут стоять.

Я потащился за монахом, сгорбившись, так и не разжав кулаков, и про себя продолжал негодовать по поводу проклятого дождя, случившегося так не вовремя...

Эх, если бы его не было!

Вытащенная из воды простыня, казалось, весила не меньше центнера.

Я встряхнул ее, держа подальше от себя, и принялся выжимать, скрутив

в тугой неподатливый жгут. Струи мутной воды потекли на мостки, на мои обутые в сандалии ноги, в стороны полетели брызги.

Поселившись в вате Тхам Пу, я быстро узнал, что такое стирка руками, без какой-либо машины, умеющей полоскать и отжимать. Порошки еще не завоевали популярность в этой части Таиланда, и местные обходились хозяйственным мылом.

Вдобавок к прочим «удобствам» жидкость, текущая между берегов Меконга, не отличалась прозрачностью. Полоща в ней белье, ты мог лишь набрать грязи и всякой плавучей дряни вроде веточек и листьев.

Результат же работы инспектировал лично брат Пон, и от его зоркого взгляда ничего не ускользало.

Так что я пыхтел и потел на берегу уже второй час, добиваясь от простыней и наволочек хотя бы относительной чистоты. Солнце палило, мимо проплывали лодки с туристами, и многие щелкали фотоаппаратами в мою сторону, полагая, что перед ними аутентичный тайский монах.

Я потащился за монахом,
сгорбившись и так и не раз-
жав кулаков...

Последняя простыня шлепнулась в корзину, и я с облегчением распрямился.

Ну все, осталось подняться к вату, развесить шмотье на веревках, и для того потока восприятия, которым я являюсь, найдется другое занятие, и есть шанс, что не столь утомительное...

Но наверху меня встретил брат Пон.

— Белье оставь у кухни, — велел он. — Братья о нем позаботятся. А мы в деревню.

Я мигом забыл, что кожа ладоней и пальцев саднит от грубого мыла, а мускулы спины и поясницы жалуются на жизнь. Проснулся страх перед сворой полудиких собак, которые живут на окраине и наверняка хорошо помнят мой запах, а некоторые — и вкус.

Но я молча поставил корзину наземь и затопал за братом Поном.

— Твои «друзья» тебя узнают, нет сомнений, — проговорил он, когда мы дошли до мостика над оврагом, — и если ты будешь действовать как обычно, то они на тебя нападут. Мое присутствие ничего не изменит.

— Может быть, вы сможете, как тогда... ну, много раз со мной делали... — слов мне не хватало. — Точно не знаю, как это назвать, но прикасались, и внутри меня все изменялось... Помните?

— Да, я встряхивал твое существо так, что некоторые элементы в отдельных струях менялись местами. То, что было на первом плане, отходило в тень, а прятавшееся за кулисами появлялось на сцене. Могу поступить так и сейчас, но лучше будет, если ты сам проделаешь с собой такую штуку.

— Но как?! — деревня приближалась, и я боялся все сильнее и сильнее, по коже бежали мурашки.

— Люди это делают по сто раз на дню, сами того не замечая, бессознательно. Совершить нечто подобное по собственной воле куда сложнее, но вполне возможно... Вспомни для начала, что ты вовсе не кусок мяса, а поток восприятия, текучий и неуязвимый.

— Да я помню, но толку с того?!

— Во-вторых, постарайся увидеть атакующих тебя собак как раз в виде кое-как скрепленных полосок мяса, огрызков кости и кусков жил, что завернуты в мохнатую шкуру. Что именно в такой совокупности подверженных гниению уродливых объектов может тебя напугать?

— Ну... зубы... — мы уже шли по дороге, осталась какая-то сотня метров до окраины деревни.

— Представь собачьи зубы, висящие в пустоте... что, страшно?

— Нет, — признался я.

— Отдельно собачьи глаза, что полны ярости... Неужели они пугают тебя? Громогласный лай, доносящийся из ниоткуда... ерунда же?

Я кивнул.

— Вот и продолжай воспринимать эти элементы по отдельности, — брат Пон глянул на меня. — Помни еще, что если верить древним, то мы воплощались в тысяче миров столько раз, что все живые существа успели побывать нашими матерями, в том числе и эти мохнатые животные.

Кровожадное рычание возвестило, что наше появление не осталось незамеченным.

Свора во главе с черным вожаком выскочила из зарослей и понеслась нам навстречу. Я вздрогнул, ощутив импульс немедленно обратиться в бегство, но тут же мне стало стыдно.

Я попытался отодвинуть вбок свой ужас, поглядеть на него со стороны.

И одновременно сосредоточился на черном лохматом барбосе, мысленно разбирая его на части: желтые клыки, клочья шерсти, похожей на воротник старой шубы, которую сто лет не вынимали из комода,

обтрепанный хвост весь в пыли и грязи, трогательно розовый язык.

Я справился, не поднял ноги
для пинка, не закричал, не за-
махнулся для удара.

Брат Пон, шагавший немного впереди, собак не заинтересовал, словно его вовсе не было. Они ринулись на меня, и мне стоило большого труда удержать рушившийся под напором страха и злости взгляд на жоака как на сочетание кое-как пригнанных друг к другу частей.

Но я справился, не поднял ноги для пинка, не закричал, не замахнулся для удара.

И черный барбос остановился, упираясь лапами в землю, рык его отразил не столько агрессию, сколько удивление. Меня же звук оставил равнодушным, поскольку я не связал его с оскаленной пастью и сердитыми буркалами.

Самая мелкая собака затыкала, сунулась вперед, но тут же смутилась, завиляла хвостом и отступила.

— Вот так гораздо лучше, — сказал брат Пон. — Держи-держи, не отпускай контроля. Осознавай, что ты делаешь...

Вожак рыкнул еще раз, смерил меня полным удивления взглядом и затрусил прочь. Следом потянулись остальные собаки, разве что рыжая с подпалинами, что в прошлый раз получила от меня по морде, задержалась.

На физиономии ее читались сомнение и разочарование.

Коротко твякнув, пес рванул за сородичами.

— Фу... — я позволил себе выдохнуть, а затем перевел взгляд на брата Пона.

Тот без лишних слов поднял большой палец.

Во второй раз я начал работать с колесом судьбы совсем по-другому.

Для начала я потратил несколько часов на то, чтобы обдумать, что и как хочу изобразить. Прокрутил в голове каждый из символов наружного круга, примерил по несколько вариантов на рисунки среднего и внутреннего.

И только затем взялся за один из остро заточенных колышков.

То ли рука моя стала тверже, то ли и вправду что-то во мне изменилось,

но круг я начертил с первой попытки.

Вскоре явились макаки, но на этот раз я не обратил на них внимания, только огляделся, желая убедиться, что в чащобе не маячит брат Пон, неведомым образом пригнавший обезьян сюда.

Со своей бамбуковой палкой он вполне сошел бы за пастуха.

Но если монах и был причастен к нашествию вопящих, скачущих по веткам хвостатых тварей, то прятался он хорошо. В меня снова летела всякая дрянь, но я не позволял себе разозлиться или занервничать, просто ждал, когда это безобразие закончится.

Макакам развлечение быстро надоело, и они убрались прочь.

А я занялся свиньей невежества, змеей ненависти и курицей алчности...

Когда дело дошло до последней, я закрыл глаза, чтобы вспомнить, как представлял эту птицу. И с удивлением обнаружил, что вижу нечто вроде грозди светящихся виноградин или скорее лежащую на черном бархате кучку драгоценных камней — желтых, алых и зеленых.

Я моргнул, потряс головой, но видение и не подумало исчезать.

Более того, я осознал, что оно маячит и перед открытыми глазами, только вот на фоне всего прочего кажется призрачным, еле заметным, и поэтому я на него не обращал внимания.

Что это еще такое? У меня начались галлюцинации?

Но с чего?

Хотя я более месяца занимался всякими странными с общепринятой точки зрения вещами, я ощущал себя куда более психически стабильным, чем год, два или пять назад... Сильные эмоции навещали меня редко, о таких вещах, как невроз, фрустрация или бытовой скандал, я вообще забыл!

Или это признак проблем со зрением?

У окулиста я был в последний свой приезд в Россию, и тот, изучив мои глаза, сказал, что к специалисту его профиля мне можно не обращаться как минимум лет десять-пятнадцать...

Может быть, все дело в недоедании?

В скудной монашеской пище наверняка не хватает каких-то микроэлементов...

Понадобилось около часа сосредоточения на «это не я, это не мое», чтобы отогнать беспокойство. Видение не исчезло, даже не побледнело, я лишь перестал воспринимать его как источник тревоги.

Ну висит перед глазами и пусть себе висит, все равно я сделать с ним ничего не могу...

Я продолжил рисовать, но через какое-то время осознал, что слышу

шепот. Назойливый, хотя и очень тихий голос донесся из зарослей за моей спиной, выглядевших недостаточно густыми, чтобы укрыть и кошку.

Но на всякий случай я встал и проверил.

Нет, никого, а шепот теперь долетает прямиком от колеса судьбы!

Точно галлюцинации, не только зрительные, а еще и слуховые.

В один момент показалось, что невидимка бормочет, едва не нависая над моим плечом. Я зажал уши, но шепот не стал тише, и я почти разобрал слова, мало похожие как на русские, так и на английские или тайские.

— Немедленно заткнись! — сказал я, не столько надеясь на то, что меня кто-то услышит, сколько желая заглушить назойливый звук. — Отвали! Ты мне не интересен! Понятно?

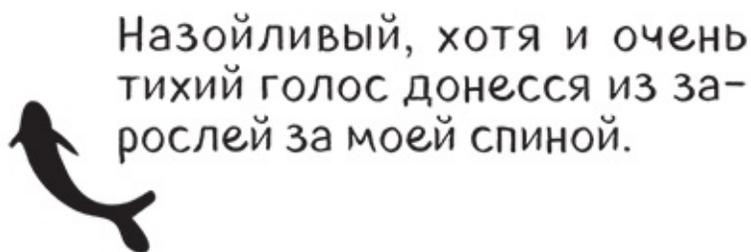
Поначалу ничего не случилось, но затем шепот начал понемногу слабеть. Превратился в отдаленный шорох, ну а тот растворился в шумах, которыми во всякое время дня и ночи полны джунгли.

Я облегченно вздохнул и вернулся к рисунку.

Я изобразил последнее перо в крыле курицы, что хватала за хвост змею, наверняка приняв ее за особо толстого червя, и сама удирала от агрессивно выглядевшей жирной свиньи. И тут осознал, что никакой кучки драгоценных камней не вижу, с закрытыми глазами могу различить лишь бесформенное пламенеющее пятно вроде того, что остается на сетчатке после того, как долгое время смотришь на яркую лампу.

Фу, кажется, обошлось...

Но хотя галлюцинации ушли, исчезли бесследно, окончательно избавиться от тревоги по их поводу я не смог. Возникло желание рассказать о случившемся брату Пону, но после короткого размышления я от этой затеи отказался.

Кто знает, как монах отреагирует на то, что у меня начались глюки? Если же это и вправду нечто серьезное, то он наверняка заметит и сам об этом заговорит.

Но брат Пон ничего не сказал ни в этот день, ни на следующий, когда

меня прихватило во время обеда.

Я механически жевал рис, стараясь ничем не выдать своего ужаса по поводу того, что неразборчивый шепот терзает слух, а поле зрения частично перекрывает нечто вроде груды пламенеющих углей.

Хотелось вырвать собственные глаза, впихнуть в каждое ухо по затычке...

Монахи ничего не замечали, продолжали есть как ни в чем не бывало, а я не мог даже крикнуть, чтобы заглушить этот доносящийся непонятно откуда голос, не мог сделать хоть что-то, дабы избавиться от назойливого сверкания, что мешало нормально видеть!

Но приступ, к счастью, оказался коротким.

Шепот стал едва различим к тому моменту, как мы отправились к Меконгу мыть посуду, а когда вернулись, то зрительная галлюцинация почти растворилась на фоне окружающего.

Я уже собрался с духом, чтобы рассказать обо всем брату Пону, но он заговорил первым.

— О страдании и о том, откуда оно берется, мы говорили достаточно, — сказал он. — Настало время послушать о том пути, что предписан в качестве лекарства от этого недуга.

— Но разве все то, чем я тут у вас занимаюсь, не является таким лекарством? — недоуменно спросил я, думая, что о галлюцинациях можно будет побеседовать и позже.

— Несомненно, является, — монах покачал головой. — Нового ты услышишь немного. Зато осознаешь систему инструкций, внутри которой ты живешь последнее время, сам не отдавая себе в том отчета.

Я опустил на землю, скрестив ноги, а он продолжил:

— Обычно эти правила именуют религиозными предписаниями, но на самом деле это что-то вроде техники безопасности для того, кто вознамерился добиться свободы. Истинные познания насчет того, как устроен мир... ну, ими я тебя снабжаю постоянно. Правильное намерение — устремленность не к мирским удовольствиям, а к высшим целям, отказ от ненависти и алчности... Не потому, что так велел какой-то бог или пророк, а оттого, что эти страсти крепят нас к обыденному существованию не хуже наручников.

Дальше брат Пон разобрал правило воздержания от лжи, пустословия и грубости. Упомянул нечто вроде христианских заповедей «не убивай», «не кради», «не прелюбодействуй» и пояснил, что мне должно быть понятно, что все эти вещи плохи не сами по себе, а исключительно потому, что они, во-первых, являются проявлением тех же самых аффектов, от которых

нужно избавляться, а во-вторых, порождают негативные жизненные ситуации как в этом воплощении, так и в следующих.

— Теперь ты просто должен догадаться, почему я с такой срочностью вытащил тебя из обыденной жизни сюда к нам, в глушь и покой, — сказал монах с ехидной усмешкой.

— Ну, — я почесал в затылке. — Здесь нечего красть, не с кем прелюбодействовать. Убить, конечно, я найду кого, но вряд ли у меня возникнет такое желание...

— Погоди-погоди! — брат Пон скорчил жуткую рожу. — То ли еще будет! Совершенно верно, здесь тебе, да и любому другому человеку, намного легче отказаться от тех путей, которыми он ходил с рождения, лишиться подпитки те привычки, что управляют им с детства. А кроме того, отсутствие внешних раздражителей, того потока информации, в котором тонет мир, вынудило тебя обратиться внутрь себя.

Шансов на то, что человек сам обратится к истинной реальности, немного.

— То есть свободы можно достигнуть только с вашей помощью? Только здесь?

— Нет, это не так.

— Ну, я имел в виду... — я пошевелил пальцами, норовя схватить убегающую мысль, — под присмотром наставника и чтобы ничего не мешало... уйдя в затворничество, так?

— И это неверно, — брат Пон помолчал немного. — Каждый имеет шанс на свободу. Имеет возможность добиться ее самостоятельно, без помощи со стороны, ведь не зря сам Будда сказал, уходя из жизни — «братья, будьте сами себе светильниками»... Только вот... — он хмыкнул. — Сам понимаешь, что иллюзии Сансары выглядят яркими и настоящими. Истинная же реальность кажется чем-то тусклым и эфемерным, и поэтому шансов на то, что человек сам, по своей воле обратится к ней, очень немного.

— А что насчет того, что вы меня «выдернули»? — во мне подняла голову подозрительность. — Я же приехал по собственной воле! Или вы

что-то сделали такое?..

Перед мысленным взором возникла картинка — брат Пон в лесной глуши посреди ночи читает полный гнусного бормотания заговор над моей старой кроссовкой, чтобы заманить меня в Тхам Пу, да еще и кропит ее жертвенной кровью одной из тех макак, что мешали мне рисовать.

— Ну ты и выдумщик, — монах усмехнулся. — Смотри, жил да был некий человек. Однажды он уехал на ярмарку, а когда вернулся, то обнаружил, что дом его горит, а дети продолжают играть внутри, не обращая внимания на пламя... Тогда он закричал: «Бегите, иначе вы сгорите и погибнете!», но маленькие мальчики и девочки не знали значения слов «сгореть» и «погибнуть»... Тогда их отец закричал: «Бегите сюда, я привез вам игрушки!» И он показал им драгоценные вещи, которые он купил на ярмарке...

Он выжидающе посмотрел на меня.

— Дети их увидели и рванули из горящего дома со всех ног, — продолжил я. — Интересно, какие игрушки вы обещали мне?

— А ты не помнишь?

— Ну, освобождение от проблем, которые вот-вот меня погубят...

— И ты ведь от них избавился? — брат Пон улыбался широко, словно коммивояжер, что воздвигся на пороге вашей квартиры, дабы предложить самый лучший в мире набор кухонных ножей. — Хоть одна из тех вещей, что терзали тебя и доводили до безумия еще не так давно, имеет над тобой власть?

— Нет, не имеет...

Монах не преувеличил — дела обстояли именно таким образом.

Я оставил позади трудности, которые казались неразрешимыми, перестал наделять их значением... Даже забыл о том, что оказалось наиболее тяжело пережить — жестокое разочарование в себе, в том образе собственной персоны, который создавал десятилетиями, — уверенного в себе, даже самоуверенного человека, который всегда добивается своего, не обращая внимания на чувства окружающих.

Но в процессе избавления обнаружил в себе и в окружающем мире много такого, о чем ранее вообще не думал, обратился к предметам, которые ранее счел бы пустой ерундой, бессмысленной тратой времени!

— Ну вот видишь? Все честно, — брат Пон одобрительно похлопал меня по плечу. — Помимо того, о чем мы уже говорили, остались такие вещи, как правильное сосредоточение, осознание, созерцание, и этого всего у тебя сейчас в избытке...

Я не сразу понял, что он вернулся к «лекарству от страдания».

Ну да, восемь компонентов, упомянутых монахом, определяли мою жизнь в лесном вате. Все поступки, наставления и даже отдельные фразы, вроде бы нелепые задания, все, начиная от обычных хозяйственных дел и заканчивая медитациями, образовывало четкую систему, не оставляющую лазеек для старых желаний, привычек и идеалов.

Закончив рассказ, брат Пон некоторое время изучающе смотрел на меня.

А я сидел, пытаюсь собрать мысли, что разбегались подобно тараканам.

— Тебя ждет столь могучее средство духовного развития, как метла, — сказал он. — Принимайся за дело.

И только оказавшись под суровым взглядом каменного Будды, я осознал, что так ничего и не рассказал брату Пону о галлюцинациях.

Хотя, может быть, они больше не вернуться?

Тот участок леса, где я сначала выкорчевал дерево, а затем рисовал колесо судьбы, стал для меня чем-то вроде дома.

Времени я здесь проводил не меньше, а порой даже и больше, чем в лачуге, где ночевал. Знал всякий куст и мог с закрытыми глазами найти дорогу до вата и вернуться обратно.

Брат Пон навестил меня здесь, когда вечером изнурительно жаркого дня я трудился над бхавачакрой. На этот раз он дал знать, что приближается, нарочитым треском веток и топотом, а не стал возникать за плечом словно дружелюбное, но все равно жутковатое привидение.

— Дело идет, — сказал он, оглядывая результат моих усилий.

— До ближайшего дождя, — отозвался я с улыбкой.

В этот момент я не расстроился бы, начнись ливень прямо сейчас.

Дождя бы, когда он закончится, а затем без раздражения и жалоб возобновил бы работу.

— Это точно, — брат Пон метнул на меня испытующий взгляд, а затем велел: — Выбери-ка дерево.

— Опять корчевать? — спросил я, ощущая, как броня моего бесстрастия дает трещину.

Монах нахмурился, и я торопливо указал на растение, которому не знал названия, — невысокое, с волосатым стволом и листьями почти до самой земли, глянцевиито-зелеными и яркими, несмотря на разгар сухого сезона.

— Давай, как следует рассмотри его, — продолжал инструктировать меня брат Пон. — Каждую трещинку на коре, вздутие корня у основания, пук свежих ростков на вершине. Чтобы ты мог воспроизвести его в уме с закрытыми глазами.

Поначалу у меня ничего не получалось, ускользали то одни детали, то

другие. Подняв веки, я с легкой досадой замечал, что дерево выглядит вовсе не так, как я его представлял... эти два листа не пересекаются, а там вон торчит третий, который я упустил из виду, да и ствол не такой толстый.

На этот раз он не стал возникать за плечом, словно дружелюбное привидение.

Только через три дня я смог выполнить задачу так, чтобы брат Пон остался доволен.

— Отлично! — заявил он, когда я описал дерево, сидя к нему спиной и закрыв глаза. — Теперь ты должен смотреть на него до тех пор, пока не ощутишь себя растущим из земли существом, что взирает на некое странное создание с розовой нежной корой, подвижными корнями и без листьев.

— Но как такое возможно? — я удивленно воззрился на монаха.

— Думаешь, что нет? — он усмехнулся. — Многое из того, что ты делаешь сейчас, показалось бы тебе сказкой год или два назад. Ведь так?

— Ну, да...

— И ты уже знаешь, что мы — не более чем поток восприятия, гибкий, изменчивый. Трансформируй тебя таким образом, чтобы дерево, которое и так является частью тебя, сдвинулось с периферии осознания в центр.

— Но как дерево может являться частью меня? — спросил я в отчаянии.

— Очень просто. Ведь я долго пытался доказать тебе, что нет никакого «ты». Помнишь?

Мне оставалось лишь кивнуть.

— Но так и дерева тоже нет! — продолжил брат Пон с самодовольным видом. — Существует лишь твое восприятие дерева...

— И со всем остальным так?

— Конечно. Нет «солнца», нет «человека», есть человек, видящий солнце.

— То есть вы хотите сказать, что все это на самом деле нереально, лишь иллюзия? — и я замахал руками, показывая, что имею в виду и джунгли, и Меконг, и ват, и даже Лаос на другом берегу.

— На этот вопрос можно ответить и «да», и «нет», все зависит от точки зрения.

Я почувствовал, что ото всех этих парадоксов ум у меня готов захватить за разум.

Потерев лоб, я встал, подошел к дереву, которое созерцал, и потыкал в него пальцем.

— Вот оно! Настоящее! Не иллюзия!

— Ты ощутил не дерево, а лишь прикосновение, которое создали тактильное восприятие и его осознание. Глаза совместно с осознанием зрения формируют некий образ, но постичь сущность того, что на самом деле скрыто за этим образом, невозможно. Истинная реальность не поддается описанию, а то, что можно описать, не является реальностью.

— Но ведь...

— погоди, — брат Пон остановил меня взмахом ладони. — Мы живем в мире образов. Создаем их сами и по собственной же воле в них заворачиваемся и отдаем им власть над собой. Один из этих образов — дерево, другой — твое «я», якобы центр восприятия. Поменяй их местами!

Я застыл, нервно моргая.

— Не думай, не пытайся понять, не дай уму поймать себя в эту ловушку. Действуй!

— Но как?

— Упорно и решительно, — и брат Пон кивком дал понять, что время разговоров закончилось, пора переходить к делу.

Я уселся на место и безо всякой надежды уставился на дерево.

Мысли крутились беспорядочно, точно майские жуки над зажженной лампой... идиотская затея, ничего из нее не выйдет... чем может видеть дерево, у него нет глаз... ничего себе образ, если с разбегу врезаться в него головой, то шишка получится не иллюзорной, а вполне реальной...

Или только мое осознание шишки, связанные с ней боль и негативные эмоции?

В этот момент я словно ухватился за некую ментальную нить, едва различимую, но прочную. Попытался двинуться туда, куда она ведет, и застыл, не в силах оторвать взгляда от дерева.

Передо мной в полумраке
джунглей сияло нечто вро-
де звездного скопления.

Что-то не так было с моим зрением, очертания листьев расплывались перед глазами...

— Очень хорошо, — сказал негромко брат Пон, все это время простоявший за моей спиной неподвижно, точно изваяние. — Продолжай в том же духе, пока не преуспеешь. Увидимся после заката.

И он ушел.

А я продолжал созерцать растение, и с моим восприятием творились странные вещи. На короткие моменты я полностью утрачивал тактильные ощущения, затем они возвращались, но не такие, как ранее, и в чем разница, я осознать не мог, поскольку ум слушался меня ничуть не лучше, чем тело или зрение.

А затем концентрацию мою нарушил мерзкий шепот, и с болезненной резкостью я вышел из транса.

Передо мной в зеленом полумраке джунглей сияло нечто вроде звездного скопления. Мерцающие разноцветные огоньки все набирали и набирали яркость, пока не заболели глаза.

Я опустил веки, но это не помогло, заслонился рукой, но пламенеющий рисунок отпечатался на коже.

Бормотание оглушало, казалось, что невидимка за моим плечом торопится рассказать мне смешную историю, и от спешки у него колоссальные проблемы с дикцией. Ужас накатывал волнами, меня трясло, несмотря на то что под сводами леса царила раскаленная духота.

— Нет! Заткнись! — заорал я и не услышал собственного голоса.

А затем поднялся и, не разбирая дороги, натыкаясь на деревья, заковылял в сторону Тхам Пу.

— Это вы меня до этого довели! — заявил я в лицо брату Пону. — Я схожу с ума!

— Стой, погоди! — сказал он так же возбужденно. — Это же просто великолепно! Сбегай с него, а не сходи!

Я замер, сбитый с толку — ждал совсем иной реакции.

— Ну! Быстрее! Не тяни время! — продолжал подначивать монах. —

Пользуйся ей! Такая возможность может больше не представиться!

— Но... это... ну, я не хотел... оно само... — забормотал я.

— Ну, это другое дело, — брат Пон покачал головой. — Присаживайся и рассказывай. Теперь, когда ты немного успокоился, хоть сможешь все объяснить толком.

Услышав о моих галлюцинациях, он лишь пожал плечами.

— Обычное дело, — сказал он. — Интенсивная медитация иногда приводит к такому. Драгоценные камни, звезды, жемчужины или еще что-то подобное — это видение имеет еще меньше смысла, чем гора Меру, явившаяся тебе в самом начале.

— Меру? — я вспомнил грандиозную вершину, укрытую снегами.

— Ну да, обителище всемогущих богов, сияющая пуповина мира, ось мироздания и все такое... Шепот же, который ты слышишь, — это голос Пустоты, и это очень хорошо, что ты стал его различать.

— Хорошо? Но он сводит меня с ума!

— Опять же это бывает далеко не у всех. Я ни с чем таким никогда не сталкивался. Мой наставник же рассказывал, что несколько месяцев не мог нормально спать из-за него.

— И что делать? — поинтересовался я.

Брат Пон вновь пожал плечами:

— А ничего, просто выждать, оно пройдет само. И когда накатывает — потерпи. Не обращай внимания, прими как неизбежный побочный эффект того, чем ты сейчас занимаешься.

Я вздохнул с облегчением:

— А что за Пустота, о которой вы все время говорите?

— Это всего лишь условное имя, данное тому, что на самом деле нельзя описать, — лицо монаха украсила мягкая улыбка. — Только, в отличие от личности, она существует. Честно говоря, лишь Пустота и существует, прячась за всеми феноменами видимого мира, за теми образами, которыми оперирует наше восприятие.

Я нахмурился, пытаюсь вообразить, что всюду, за небом, под землей, за деревьями, даже в теле моего собеседника, в стволах деревьев и в стенах вата кроется алчная бездна. Отвернись на миг, расслабься, и она набросится на тебя, чтобы проглотить, не разжевывая.

— Твое воображение слишком живое, — тут брат Пон рассмеялся и даже хлопнул себя ладонями по коленям. — Санскритское слово «шуньята» не имеет тех негативных оттенков, что несет английское «emptiness», это потенциал, содержание, настоящесть... Любые слова на самом деле лишь маскируют истину, и в данном случае это особенно

заметно. Ее можно было с таким же основанием назвать Полнотой, но древние сделали другой выбор.

— Древние — а кто они были? И ваш наставник? — посыпал я вопросами, надеясь, что монах, явно пребывающий в хорошем настроении, расскажет мне хоть что-нибудь о своем прошлом.

Обычно он на эту тему глухо молчал, а на вопросы реагировал лишь улыбкой.

— Все они были людьми, а потом взяли и умерли, — непреклонно заявил брат Пон. — Интерес твой не имеет смысла...

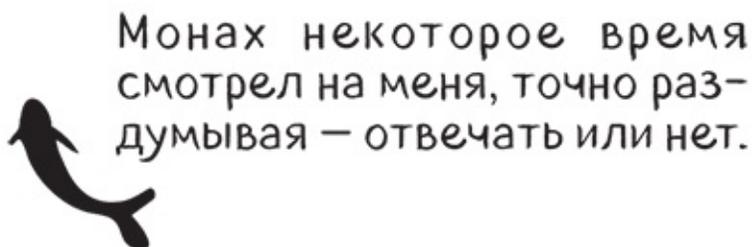
— А какой смысл имеет то, чем я тут занимаюсь? — с вызовом поинтересовался я. — Зачем все это? Медитации, сидение в лесной глуши? Ради Пустоты, которая Полнота? Избавления от моих проблем? Так я о них уже и не вспоминаю, зато обзавелся другими!

Монах некоторое время смотрел на меня, точно раздумывая — отвечать или нет.

— Да, ты в данный момент похож на обезьяну, которая оказалась среди людей и научилась ходить прямо, — сказал он, наконец. — Ковыляя, неуклюже, но выучилась. Только стоит ей вернуться к своим, она мигом опустится на четвереньки — так привычнее, да и все вокруг так ходят. Не обижайся, это всего лишь образ, а не попытка оскорбить.

Умом-то я это понимал, но все равно испытал, пусть всего и на несколько мгновений, смутное раздражение.

Вновь брат Пон заговорил, только когда я сумел отстраниться от этой эмоции.

— Люди, в силу приверженности аффектам, по причине невежества, алчности и ненависти склонны обзаводиться всяким хламом: представлениями о себе, мире и жизни, ценностями, чертами характера, комплексами и страхами, целями и идеалами. Подобным образом они перегружают свой поток восприятия, заключают его в жесткие рамки, лишают себя свободы. Отделяют себя от пустотной реальности фальшивой

полнотой. Надеюсь, это тебе понятно?

Я кивнул.

— Жизнь среднего человека напоминает существование в клетке, выстроенной им самим. Он видит лишь то, что предписал себе видеть, думает о том, о чем разрешил себе думать. Ходит по дорогам, по которым ходил всегда и будет ходить до самой смерти. Подобное существование, конечно, имеет смысл, но лишь потенциальный.

Новая пауза, чтобы я смог усвоить сказанное.

— Наша работа нацелена на то, чтобы очистить тебя от всего этого хлама, сбросить за борт лишний груз, чтобы лодка твоего сознания стала легкой, даже невесомой. Воцарившаяся в ней пустота даст тебе возможность двигаться куда угодно, воспринимать чудеса, о которых ты и не подозреваешь... Подарит истинную свободу, легкость, счастье. Разрушит клетку, наконец.

— Но как же нирвана? — сказал я. — Ведь я где-то читал, что это значит «угасание»... Думал, что это прекращение жизни, полное ничто...

— Именно что угасание, — согласился брат Пон. — Только низменных аффектов. Помнишь, в один из первых дней здесь тебе показалось, что я хочу тебя убить?

— Ну да, было такое, — признал я со стыдом.

— Так вот это правда. Хочу, — признал он драматическим шепотом. — Точнее должен. Желания в моем случае не имеют места. Только убить я обязан твое представление о себе. Твою личность, фальшивую яркую картинку.

Я вздохнул с облегчением.

— Так что нирвана — это другой способ восприятия, куда более интересный и живой, чем тот, к которому ты привык. И опять же — это только имя того, что нельзя описать. Любые попытки сделать это лишь собьют тебя с толку...

К созерцанию дерева я вернулся тем же вечером.

И когда голос Пустоты вновь зазвучал в моих ушах, а поле зрения украсила россыпь сверкающих точек, я не стал паниковать, а спокойно подождал, пока видение не оставит меня в покое. На это, правда, ушел не один час, и какого-то результата от медитации я не добился.

Но продолжил ее следующим утром, еще до восхода солнца.

Почти тут же ощутил знакомое онемение, кожа рук и ног словно превратилась в кору. В один момент я даже испугался, что это произошло на самом деле, и поднял ладонь к лицу, чтобы убедиться, что с ней все как

обычно.

Но пальцы, ногти и все прочее оказалось на месте.

Я опять скользнул в транс, сосредоточил все внимание, что у меня было, на длинных глянцевитых листьях, на шершавом стволе, по которому бегали мелкие ярко-красные жучки, на выпиравших из земли корнях, похожих на белесые щупальца. Постепенно начали исчезать объекты, которые я воспринимал теми или иными органами чувств, сгнули джунгли, кочка под правой ягодицей, зуд в районе правой лопатки, мысли о вчерашнем разговоре с братом Поном.

Равномерное колыхание, во власти которого я оказался, напомнило мне о днях, которые я провел на яхте друга...

Вот только откуда сейчас взяться качке?! Я же на суше!

На какие-то мгновения я сумел стать деревом, взглянуть на себя его глазами!

И потом я сообразил, что переживаю то, что ощущает дерево, которое слегка покачивает ветром! Осознание этого не нарушило моего трансa, я по-прежнему видел только дерево и колебался вместе с ним, и по коже моей бежала та же рябь, что и по негустой кроне.

Потоки воздуха я воспринимал не так, как это делает человек, они проникали в меня, сотрясали то, что я назвал бы руками и ногами, если бы эти предметы не были такими легкими.

Щекотка в районе живота и спины, точно кожу трогают сотни крохотных лапок.

Жуки?

Возникло желание опустить голову, посмотреть, кто там ползает по мне, но я не смог. Позвоночник словно одеревенел, его фрагменты срослись, образовав единое целое от макушки до копчика.

Я попытался шевельнуться и обнаружил, что смутно, как в тумане, вижу перед собой некий объект.

Сверху короткая поросль, такой же покрыты худосочные, опускающиеся вниз ветки. Кора местами отслаивается, и под ней виднеется другая, намного более тонкая, такая уязвимая на вид.

Выросты и впадины странного вида, и в двух дырках наблюдается

шевеление.

Шок ударил меня, точно огромная строительная баба вроде тех, которыми забивают сваи. Как молния сверкнуло осознание того, что объект передо мной — это я сам, облаченный в монашескую одежду, сидящий со скрещенными ногами и руками на коленях.

В следующий момент я вновь был самим собой, жадно хватал воздух ртом и ощупывал себя.

Невероятно! У меня получилось!

На какие-то мгновения я сумел стать деревом, взглянуть на себя его глазами!

Теперь я смотрел на растение, ставшее объектом моего созерцания, совсем по-иному. Неужели оно и вправду обладает чем-то вроде разума и каким-то образом воспринимает окружающий мир?

Или прав брат Пон — это лишь образ, порожденный моим восприятием?

Но тогда я способен таким же образом переместить свое сознание в любой другой предмет?

— Да, так оно и есть, — подтвердил монах, когда после ужина я поделился с ним догадкой. — Интересно было бы посмотреть на человека глазами, скажем, тигра или слона. Только попробуй заставь того или другого стоять перед тобой неподвижно часами...

— Но если бы это удалось, то я и вправду бы стал зверем? — спросил я, думая, что легенды об оборотнях, ходящие по всему миру, наверняка имеют под собой основание.

— Ты стал бы образом зверя, — поправил меня брат Пон. — Оставшись человеком. Только подобные развлечения сами по себе опасны и даже вредны, увлекшись ими, можно легко сбиться с дороги.

Но медитацию с деревом он велел продолжать.

На следующий день я вознамерился повторить свой успех, но ничего не вышло. Потом два дня мне оказалось не до того, на третий я вновь, несмотря на все усилия, потерпел неудачу.

В процессе я начинал чувствовать онемение, все, кроме «моего» дерева, исчезало из поля моего зрения. Но дальше я не мог продвинуться, хотя воображал, как у меня растут корни, как они качают из почвы влагу, и та холодными щекочущими потоками расползается по длинному стройному телу.

Наконец после чудовищного усилия наступил прорыв, я вновь увидел себя сидящим на земле. Вот только после этого вернулся к обычному восприятию, чувствуя опустошающую слабость, такую, что едва сумел

подняться, а по дороге до вата дважды останавливался, чтобы передохнуть.

— Упражнение потеряло для тебя смысл, — сказал брат Пон в ответ на мои жалобы.

— Но почему вы не приказали мне его закончить?! — возмутился я.

— А ты бы послушался? — на его круглой физиономии заиграла озорная, совершенно мальчишеская улыбка.

— Ну... — я отвел глаза.

Мне настолько понравилось испытанное в первый раз, что я бы наверняка попробовал еще, несмотря на запрет.

— Возникла привязанность, — продолжил брат Пон. — Самая обычная зависимость. При этом совершенно не важно, что объектом ее является не алкоголь или дорогие вещи, а медитационная практика. И устранить эту зависимость можно точно так же, как и прочие, с помощью твоего собственного осознания.

— Но ведь чем больше — тем лучше...

— Выкини эту глупость из головы немедленно! — монах погрозил мне пальцем. — Пять минут правильного усилия превосходят десять часов бессмысленного напряжения. Исходом любого упражнения, не промежуточным итогом, а окончательным, должны быть радость и легкость... Если ты ощущаешь нечто иное — утомление, раздражение, напряжение, — значит, делаешь что-то не то или не так. Нужно немедленно остановиться, осмотреться и что-то изменить...

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Любой объект (не важно, живой или нет), вызывающий негативные эмоции, будет источником таковых лишь до тех пор, пока мы воспринимаем его, осознаем как единое целое.

Стоит изменить взгляд, разобрать объект на составляющие в попытке выяснить, что именно служит источником гнева, раздражения или страха, как восприятие чудесным образом меняется. Выясняется, что ни одна из частей этого набора элементов не в силах породить в нас ничего даже отдаленно похожего на то, что мы испытывали ранее.

Самое удивительное, что после того, как удастся изменить перспективу, сам объект, если он живой, начинает вести себя иначе.

Медитация на объекте состоит из двух этапов.

Сначала выбирается предмет, который постоянно доступен для обозрения, не слишком велик и не слишком мал (дом или коробок спичек не подойдут), и созерцается до тех пор, пока его образ намертво не отпечатается в сознании — в идеале до мельчайших подробностей.

Торопиться, форсировать процесс не стоит, лучше посвящать этому упражнению пятнадцать минут в день в течение месяца, чем по часу в течение недели.

Когда выбранный объект можно представить в деталях, не глядя на него, характер созерцания меняется. Нужно вообразить себя на месте этого объекта, в поле восприятия которого находится человеческое существо.

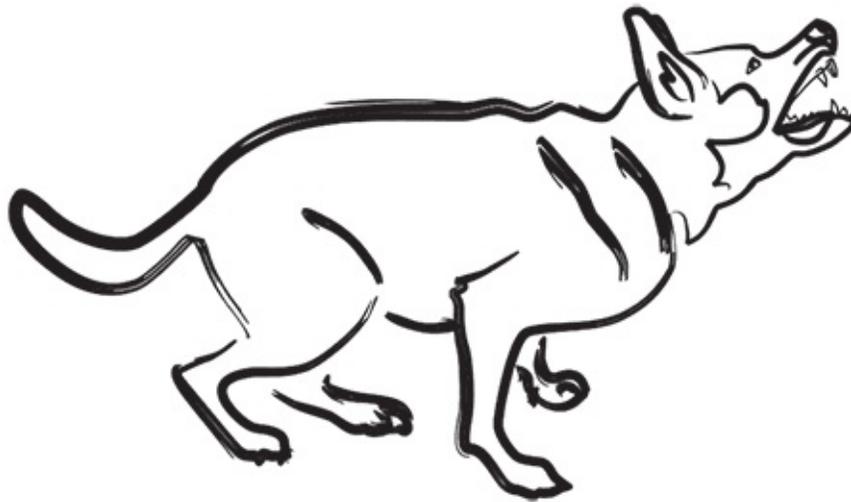
И тут опять же необходима осторожность, а спешка и излишнее напряжение противопоказаны. Если ничего не выходит, то упражнение лучше отложить и вернуться к нему через несколько месяцев.

* * *

Критерием правильности любой медитации, всякого упражнения являются чувства радости и легкости после его исполнения.

Нет, в процессе могут возникать совсем иные, не столь приятные ощущения, но если они сопровождают всю процедуру, являются итогом не промежуточным, а окончательным, то что-то идет не так.

В этом случае практику следует немедленно пересмотреть или даже отменить на некоторый период.

Препятствия могут оказаться временными, и тогда после паузы они исчезнут сами собой. Если же их причина коренится в том, что упущен какой-то важный момент, надо начать все сначала, изменив условия выполнения.

Не стоит гнаться за продолжительностью: краткая и эффективная

медитация намного полезнее длинной и бестолковой. Умение долго сидеть в одной позе и оставаться в трансе на протяжении многих часов — вовсе не признак больших духовных достижений.

Глава 5. Тенета кармы

Этим утром меня, вопреки обыкновению, разбудил не один из молодых монахов, а сам брат Пон.

— Поднимайся, — велел он, рывком открывая дверь моей хибары. — Пойдем гулять.

Когда я, зевая и потягиваясь, выбрался наружу, было еще темно, но я знал, что светлеет в этих местах мгновенно — чик, словно повернули рубильник, и за каких-то пятнадцать-двадцать минут ночь сменяется днем.

Мы зашагали через лес на запад.

Вопросов я задавать не стал, но недоумевал все сильнее — брат Пон пару раз повернулся, единожды заколебался, точно не зная точно, куда направиться, и что самое удивительное, мы не пересекли дороги, ведущей от деревни к Нонгкхаю, хотя миновать ее не могли.

— Достаточно, — сказал монах, когда мы оказались в окружении деревьев с толстыми стволами и пучками круглых листьев на растопыренных серых ветвях; подлеска тут не имелось вообще, так что через зеленоватый сумрак можно было видеть на добрую сотню метров в каждую сторону.

— Видишь дырку в земле? — продолжил он, указывая на дерево, меж корней которого темнело отверстие размером с кулак. — Попробуй сунуть туда палец, а лучше всю ладонь.

— А меня никто не укусит? — пробормотал я с опаской.

— Вот и узнаем, укусит или нет.

Я сделал шаг в сторону дерева, присел, и тут меня странным образом повело в сторону. Чтобы сохранить равновесие, я вынужден был выпрямиться в полный рост и даже отступить.

Вторая попытка закончилась тем же — опустившись на корточки, я вновь непонятно отчего потерял равновесие. На третий раз я озлился и попытался ухватиться за ствол, но промахнулся и тяжело упал набок.

Подумал о том, чтобы выполнить задачу из лежачего положения, но осознал, что не понимаю, какое именно дерево мне нужно. Я сел, закрутил головой, но дыра в земле исчезла из виду, словно ее и не было никогда.

— Что-то здесь не так, — сердито пробормотал я, бросив взгляд на брата Пона.

Тот улыбался так невинно, что мне немедленно захотелось его

придушить.

Едва я поднялся, как немедленно увидел черное отверстие, и сам удивился, как мог его не замечать? Решительно нагнулся, чтобы выполнить задание, на первый взгляд казавшееся таким простым.

— Стоп, хватит, — сказал монах. — Достаточно. Ты этого сделать не сможешь.

— Но почему?

— А потому, что сегодня не тот день, когда тебе предстоит умереть.

Брат Пон ткнул в отверстие
бамбуковой палкой, и из него
высунулась змеиная голова.

Этот ответ заставил меня вздрогнуть, сердце забилося часто-часто.

— Смотри, — брат Пон ткнул в отверстие своей бамбуковой палкой, и из него тут же высунулась змеиная голова, черная, с зеленоватыми и синими чешуйками позади глаз, мелькнул раздвоенный язык. — Ее в наших краях именуют «тихая радость». Укус — и все. Через пару часов ты отправляешься на новое воплощение.

— Но я... но... как же?.. Я мог погибнуть! — выдавил наконец я.

— Не мог, — он покачал головой. — Исходя из твоей кармы, ты не имел возможности тут оказаться. Раз уж оказался, то не имел шанса подставиться под ядовитый укус, хотя и пытался изо всех сил.

— А если бы у меня вдруг получилось? И я сунул туда руку?

— Змея не обратила бы на тебя внимания, или промахнулась бы, или отравы не подействовала бы.

— Но... но... — тут меня накрыло полное осознание того, что произошло, и я вздрогнул.

— Если бы она тебя укусила, то это означало бы, что я ошибся, и ты бы просто умер. Быстро и сравнительно безболезненно. Но ведь этого не произошло? А это значит, я прав, — и брат Пон аккуратно подтолкнул черную змею палкой, так что та с недовольным шипением спряталась.

— Но зачем?

— Теперь ты знаешь, что ничто в этом мире не происходит просто так, внезапно. Случайностей не существует, есть только закономерности,

которые мы своим ограниченным умом понять не способны.

— Даже лист не упадет с дерева без воли Божьей? — спросил я, вспомнив, что таким образом высказывался кто-то из христианских мудрецов.

— Можно сказать и так, — согласился монах. — Хотя мы предпочитаем иные термины. Вспомни наружный круг колеса судьбы... и лучше займемся этим на ходу, мы здесь сделали все, что хотели.

В этот момент я с удивлением отметил, что солнце еще не взошло, хотя уже давно должно было вылезти из-за горизонта... Или сегодняшним утром в Таиланд решили заглянуть так хорошо известные в Европе сумерки?

Мы зашагали обратно тем же сложным маршрутом, каким и пришли сюда.

— Я его помню, конечно, — сказал я. — Двенадцать сегментов. Слепой, горшечник...

— Совершенно верно, — подтвердил брат Пон. — Все вместе именуется цепью взаимозависимого происхождения... Именно она определяет содержание событий, происходящих с нами, вплоть до самых мельчайших...

— Даже... — я запнулся о крохотный пенек. — Ой!.. И вот это?

— Конечно. Если бы мы не отправились на прогулку, ты бы споткнулся по пути в туалет, или к источнику, или еще где.

— То есть мы не имеем власти над происходящим? Свободы воли не существует?

— То, что человек может по собственному хотению направлять свою жизнь — величайшая иллюзия.

— Но как же так! Вот я сейчас могу сделать что угодно! Развернуться и уйти! Содрать одежду и голым убежать в лес!

— Правда? — брат Пон посмотрел на меня искоса. — В силах ли ты пожелать того, о чем не знаешь? Или того, о чем ты знаешь, что оно для человека невозможно? Попробуй.

Он остановился, и я сообразил, что мы вышли к той самой крохотной прогалине, где я занимался рисунком. Над внешним кругом я начал работать только вчера и успел лишь сделать наброски.

— Ну нет... как это возможно?

— Вот видишь, твои желания в конечном итоге тоже обусловлены твоим сознанием, и та ситуация, в которой человек якобы делает выбор, выбором на самом деле не является. Течение кармы обычно таково, что есть лишь один вариант, определенный нынешним состоянием того потока

восприятия, о котором идет речь.

На чемпионате мира по ехид-
ству брат Пон занял бы место
в десятке...

— Так значит, свободы воли не существует, — повторил я с упавшим сердцем.

— Свобода есть, — сказал брат Пон. — Только она не в обстоятельствах и событиях. Осознание — вот наша свобода.

— Это как?

— Вот смотри, ты на улице столкнулся с кем-то, тебя обругали, послали подальше. Совершенно обусловленный момент, избежать которого ты не мог при всем желании, — увидев сомнение на моем лице, он добавил: — Каким образом можно уклониться от события, о приближении которого ты не знаешь?

— Понятно, что никаким, — я развел руками.

— Зато у тебя есть свобода в том, как воспринять и как отреагировать на эту стычку. Можно разозлиться на слепешарого придурка, который не видит дальше своего носа, и целый день вспоминать, можно забыть мгновенно, как ничего не стоящий эпизод, а можно и порадоваться.

— И чему тут радоваться? — удивился я.

— Тому, что это событие позволило тебе развязать пусть небольшой, но узелок черной кармы. Вспомни, что я рассказывал тебе в Нонгкхае. Хотя тогда ты больше интересовался тем, как бы не облевать кого из прохожих, чем моими умными речами.

На чемпионате мира по ехидству брат Пон занял бы место в десятке, первое ему бы не отдали потому, что он не удержался бы от насмешек над судьями.

— Когда-то в прошлом я нахамил кому-то и теперь нахамили мне? — предположил я.

— В грубом приближении — да, — согласился он. — Негативная энергия исчезла. Можно ликовать.

Ну да, такой взгляд на ситуацию мне в голову не приходил.

— Теперь займемся цепью взаимозависимого происхождения, рассмотрим ее по этапам... Слепец — это, как ты можешь догадаться,

невежество, о котором мы не раз говорили... Горшечник с горшками — те факторы, что формируют конкретные условия данного воплощения...

Обезьяну, или сознание, привыкшее хвататься за любой раздражитель, что попадется ему в лапы, я нарисовал быстро. Принялся за человека в лодке посреди океанских волн, символ того, что пустившееся в плавание по Сансаре существо находится во власти стихии жизни.

Плавсредство у меня вышло сначала излишне карикатурным, а попытавшись исправить этот недостаток, я чуть не утонул в деталях — руль на корме, свисающий из дыры в борту якорь, спасательный круг над бортом.

Но к счастью, я вовремя остановился.

Косыми штрихами изобразив бурное волнение, я осознал, что в лесу начинает темнеть. Человечка, снарядившего судно без парусов и весел, придется дорисовать в следующий раз.

Когда этот раз случится, я не знал, поскольку не мог заглянуть в голову брата Пона. Не имел возможности определить, какие планы он имеет насчет меня: с него станется загрузить ученика хозяйственными делами на пару дней так, что времени не останется даже на медитацию, не говоря уже о рисунке.

Но такая непредсказуемость меня теперь не нервировала и не возмущала.

Желание поскорее закончить бхавачакру мою душу если и посещало, то крайне редко и мимолетно, так что даже осознавать не требовалось, чтобы оно растаяло без следа.

— А, приплелся-таки, лесной отшельник, — поприветствовал меня брат Пон, когда я появился около вата. — Иди сюда, у меня для тебя есть кое-что новое, кое-что интересное.

Он сидел под навесом, а перед ним на прямоугольнике белой ткани лежали какие-то фигурки.

Опустившись наземь напротив монаха, я разглядел, что это улыбающиеся божества, сидящие в позе лотоса, вроде тех, что встречаются в буддийских храмах Китая, но никак не Таиланда.

— Это пять великих бодхисаттв, достигших просветления и давших обет помогать всем живым существам, что ищут освобождения, — сказал монах, взяв одну из фигурок, ту, что с зеленой кожей. — Познакомься, это Амогхасиддхи...

Так же он назвал остальных: Вайрочана, Амитабха, Акшобхья и Ратнасамбхава.

Фигурки, несмотря на сходство, различались одеждой, чертами и выражением лиц, положением рук, всякими атрибутами вроде скипетров, цветочных гирлянд и сережек в ушах. Они были сантиметров по сорок в высоту, а материалом для их изготовления послужило, судя по всему, дерево.

— На, погляди, — велел брат Пон, передавая мне белоснежного Вайрочану. — Красивые, правда?

Я поспешил согласиться — статуэтки вырезали с необычайным искусством, а затем не пожалели ярких красок.

— Будучи послушником, я изготовил их, — сказал монах, и глаза его чуть затуманились. — Потратил год, если не больше, но зато наставник мой остался доволен. Теперь твоя очередь.

— Э... в чем?

— Ты должен будешь сделать такие же.

— Но я не смогу! — я замотал головой и торопливо положил Вайрочану на место. — Руки кривые! Я даже с рисунком еле-еле управляюсь, куда мне до такого! Нет-нет-нет! Это же настоящие произведения искусства!

— Сделаешь какие сможешь, — брат Пон смотрел на меня с непреклонным выражением, означавшим, что он не отступит. — Главное, чтобы их можно было узнать. Ами табха должен отличаться от Акшобхьи, ну и так далее... Нож я тебе дам, не бойся.

И он торжественно положил на белую ткань короткий клинок с острым изогнутым лезвием.

— Но когда! — воскликнул я. — У меня и так не хва...

— У себя в обители ты найдешь керосиновую лампу, — перебил он меня. — Заправленную. Когда закончится, то бочонок с керосином стоит на складе, сам зальешь. Там ничего сложного.

— А материал? Я же не знаю, какое дерево... — возражал я без пыла, больше по инерции, но в душе моей поселилось глубокое уныние: и так с утра до ночи пашу, точно Золушка в замке у мачехи, так теперь еще и в темное время придется работать руками, изображать из себя мастера народных буддийских промыслов.

И зачем?

Брат Пон смотрел с непреклонным выражением, означавшим, что он не отступит.

— Подберешь сам. Лес велик... — брата Пона мои аргументы ничуть не трогали.

Аккуратно сложив белую ткань так, чтобы фигурки и нож оказались внутри, он протянул узел мне.

— Забирай. Пока изучи их как следует, запомни, кто как выглядит. Это важно. Завтра походим по окрестностям, посмотрим, что тут есть...

Нож с хрустом вонзался в светло-коричневую древесину, на пол летела стружка. Пытаясь выточить украшенную венцом голову бодхисаттвы Ратнасамбхавы, я пыхтел, сопел и чувствовал себя узником на галерах.

Керосиновая лампа, повешенная на воткнутый в стену крюк, давала света достаточно, чтобы я не ощущал себя кротом, но для человека, привыкшего к электричеству, выглядела тусклой. За стенами моего обиталища царила ночь, и время, насколько я мог определить, не имея часов, подходило к девяти.

От дневных обязанностей меня никто не освободил, пришлось и воды натаскать, и храм подмести, и над колесом судьбы поработать. Еще мы с братом Поном прогулялись в джунгли, взяв с собой топор, и обратно вернулись, нагруженные нетолстыми бревнышками.

Над фрагментом одного из них я сейчас и измывался.

Ратнасамбхава, некогда изготовленный братом Поном, стоял у стенки и благосклонно мне улыбался.

Никогда, хоть через сто лет стараний, мне не изготовить такой красоты!

Деревяшка, как казалось, надо мной издевалась — уплотнения обнаруживались там, где нужно было срезать, зато то, что я хотел оставить, удалялось без малейшего труда, одним небрежным движением. Нож вихлялся в пальцах, точно вытащенная из воды рыбина, и его трудами я заполучил уже три царпины, к счастью, не особенно глубоких.

— А, проклятье! — выругался я, обнаружив, что лишил бодхисаттву половины головы.

Это значит, что заготовку придется выкидывать и браться за новую... Все сначала!

Я вздохнул, пытаюсь отстраниться от раздражения, что заполнило меня подобно кипящей воде. Захотелось отшвырнуть проклятый инструмент подальше, а вслед за ней и мерзкую деревяшку.

— Ай, черт! — продолжил я возмущаться, поскольку в правое бедро словно кольнули шилом.

Здрав полу антаравасаки, я обнаружил, что меня укусил крупный черный муравей. Вскинул руку, чтобы сбросить проклятое насекомое, и тут же остановился... по полу хижины будто катился ручеек из агатовых бусинок, пуская в стороны тонкие струйки.

Это откуда они взялись на мою голову?

Я ощутил еще один укус, на этот раз в спину, и поспешно вскочил на ноги. Стряхнуть, стряхнуть их с себя, пока меня не сожрали заживо, не обглодали до скелета!

То собаки, то обезьяны, теперь еще насекомые!

И тут я замер, вспомнив слова брата Пона по поводу ненависти к другим живым существам, что живет внутри и заставляет всяких тварей атаковать меня без видимой причины...

Ну точно, я же только что позволил себе разозлиться!

А где злость, там и агрессия!

Меня цапнули за ягодицу, но на этот раз я не обратил на укус особенного внимания. Шлепнулся обратно на матрас, на котором сидел, и принялся шептать «это не я, это не мое», имея в виду свое раздражение, отодвигая его от себя, будто тяжелую, липнущую к коже ткань или скорее пленку вроде полиэтиленовой, только намного плотнее.

Захотелось протянуть руку
и потрогать колесо, вращав-
шееся в пустоте.

Ратнасамбхава не обидится, если ему придется немного подождать...

Я ощущал, как муравьи бегают по мне, щекочут кожу лапками, пробираются меж волосков. Один полз вниз по спине, другой карабкался по предплечью, третий исследовал левую стопу.

Но самое главное — укусов больше не было.

Неожиданно перед моим мысленным взором появилось громадное,

медленно вращающееся колесо, словно изготовленное из глины, и на поверхности его проступили двенадцать символов. Внимание мое притянуло дом с запертыми окнами и дверями, обозначающими чувства, с помощью которых мы познаем мир.

В их число мыслители, придумавшие схему, включили и ум.

Дом, сильно напоминавший дачу моих родителей, даже с коньком-флюгером на верхушке, уплыл вниз. Его место заняли сплетающиеся в объятиях любовники, символ того, как сознание вступает в контакт с органами чувств.

Но и эта картинка проехала мимо, за ней возникла другая, третья...

Цепь взаимозависимого происхождения, о которой мы так много в последние дни разговаривали с братом Поном, явилась мне во всей красе, хотя я ее вовсе не приглашал. Показалась она настолько реальной, что захотелось протянуть руку и потрогать колесо, бесшумно и неспешно вращавшееся в пустоте.

Но я вовремя вспомнил, что такие видения не имеют смысла и опасны тем, что могут стать источником привязанности, ничуть не менее сильной, чем деньги, власть или наркотики.

Человек со стрелой в глазу — свойство нашего сознания все классифицировать как приятное, нейтральное или неприятное, стремление как можно чаще испытывать первое и как можно реже — последнее.

Помятый тип с чашей вина в руке, похожий на Коляна, приятеля моей студенческой юности, больше всего на свете любившего бухнуть и закономерно спившегося к тридцати. Символ тех страстей и желаний, игрушкой в лапах которых является почти каждый из нас.

Тут видение, на которое я смотрел уже без особого интереса, начало блекнуть и рассеялось.

Я открыл глаза и осознал, что раздражение мое рассеялось, а вместе с ним пропали с тела и муравьи. Черный ручеек на полу сузился, остались лишь отдельные насекомые, торопившиеся туда, куда убежали их сородичи.

— Удачной дороги, — пожелал я, думая, что дешево отделался.

Паук с ладонь, сколопендра, которых полно в джунглях, или та же змея, «тихая радость», — вот гости, что вполне могут посетить хибару, не дожидаясь приглашения. Стоит только как следует разозлиться, дать волю страху или гневу.

Вздыхнув, я отложил испорченный чурбак и взял новый, еще не очищенный от коры. Повертел в руках нож, думая, как можно ухватить его по-другому, чтобы мне было удобно.

Пусть глаза слипаются, а спину ломит, но голову Ратнасамбхавы я сегодня вырежу!

После завтрака на следующий день я рассказал брату Пону про муравьев.

— Очень хорошо, просто замечательно, — сказал он, одобрительно покачивая головой. — Если карма в некоторых моментах реализуется для тебя сразу же, почти мгновенно, то это означает, что ей не мешают прошлые наслоения, следы старых аффектов. Отсюда вывод — ты избавился от большей их части и движешься в нужном направлении.

— Вот только ремесленник из меня по-прежнему никакой, — пожаловался я. — Честно. Может быть, отставить эту затею?

И я продемонстрировал монаху бодхисаттву, чья голова напоминала кочан капусты.

— Ты хочешь, чтобы у тебя получилось сразу? — брат Пон поглядел на меня изумленно. — Вот смотри, при каких условиях семя, посаженное в почву, может взойти, созреть и дать плод? Во-первых, само семя не должно быть поврежденным, засохшим или подгнившим, во-вторых, почва должна быть подходящей, ни сухим песком и ни болотной тиной, в-третьих, за ним нужно правильно ухаживать, окучивать, поливать, удобрять... Только по истечении некоторого времени, если прилагать определенные усилия, все получится. Кстати, эту метафору можно приложить и к карме вообще, к созреванию любых событий.

— То есть не все «семена», посеянные мной в прошлом, неизбежно взойдут? — уточнил я.

— Взойдут, но когда и насколько пышно — зависит только лишь от тебя. И еще, — брат Пон сделал паузу, — очень важно, какими окажутся плоды, будут ли в них содержаться новые семена.

— Но вы же говорили, что мы имеем свободу только в том, как осознавать происходящее с нами.

— Да, конечно. Но смена угла восприятия меняет мир. Или ты будешь спорить?

Я вспомнил случившееся вчера вечером и проглотил возражения.

Но та идея всеобщей обусловленности, которую защищал брат Пон, мне по-прежнему не нравилась. Не хотелось верить, что все события моей жизни предопределены, расписаны заранее, и что от меня зависит лишь, через какой светофильтр за ними наблюдать.

— Если ты перестраиваешь свое осознание, то меняются условия, в которых прорастают семена. Некоторые вообще не дают всходов, другие

не плодоносят, третьи являют плоды без семян. Иными словами, качественно трансформируется тот поток событий, в котором ты живешь.

— То есть на него все-таки можно повлиять? — я наклонился вперед, ловя каждое слово.

— Несомненно, — подтвердил монах. — Некоторые вещи являются неизбежными, о других этого нельзя сказать. То, что ждало тебя, когда мы столкнулись на автостанции, не случилось, поскольку ты сумел одолеть инерцию восприятия и начал осознавать мир по-иному.

— А не потому, что я приехал сюда, в Тхам Пу?

— Ха, что в данном случае является причиной, а что следствием? — вопросом ответил брат Пон.

Я нахмурился, пытаюсь осознать только что услышанное.

— То есть я мог явиться к вам, но если бы не изменился внутри, это бы не помогло?

— Да, совершенно верно, — монах улыбнулся. — Ты бы уже умирал от рака желудка.

— Что? — я едва не вскочил, обеими руками ухватился за живот, точно рассчитывал нащупать там опухоль.

Не хотелось верить, что все
события жизни предопреде-
лены, расписаны заранее.

— Смерть ждет тебя и сейчас, — брат Пон заговорил шепотом, заставляя меня вслушиваться. — Она всегда рядом и в один миг может разрушить все, что является тобой. Помни об этом.

Я невольно оглянулся, нервно сглотнул.

Рак желудка? Но откуда?

Да, у меня был гастрит или даже есть, но не может все быть так серьезно...

— Да, сейчас ты не чувствуешь ее холодного, ядовитого дыхания, — сообщил монах. — Только это ничего не значит...

— Да ну, вы меня пугаете... — пробормотал я.

— И не думаю. Зачем это мне?

Я мог высказать по данному поводу некоторые предположения, но

решил их не озвучивать.

— Но ведь если течение нашей жизни предопределено, — сказал я примирительно, — означает ли это, что будущее можно предсказать? Вон, есть та же астрология, хиромантия. Ясновидящие всякие...

— Это крайне опасная и вредная практика, — вид у брата Пона стал суровый. — Понимаешь ли ты, что факт предсказания меняет жизнь того, кому предсказание сделано? В силах ли ты или так называемый «ясновидящий» просчитать все последствия такого прогноза?

Вопрос был откровенно риторический.

— Ну а с чего все началось? Как запустилось колесо судьбы? — продолжил спрашивать я, не желая упускать благоприятную возможность — брат Пон свободен, да еще и в таком настроении, что не поучает меня, а готов слушать. — Бог его запустил?

Вопросов у меня за последнее время накопилось много, а вот возможности их задать не было, поскольку наставник все время нагружал меня разными поручениями, а разговоры у нас выходили короткими и лишь по делу.

— И ты хочешь, чтобы я тебе ответил? — спросил он, не переставая улыбаться.

— Ну да...

— Как ты понимаешь, к тому же Будде с подобными расспросами приставали намного чаще, чем ко мне, — сказал монах. — И согласно преданию, он отвечал молчанием. Пошли даже слухи, что он вовсе не пережил просветления и что просто не знает о таких вещах — что такое Бог, с чего начался мир, откуда ведут начало потоки восприятия, именуемые людьми... Понятно, что самому Будде было наплевать на эти сплетни, но вот ученики его заволновались...

Тут брат Пон выразительно глянул на меня.

— И как-то раз подступили к учителю, прося, чтобы он опроверг домыслы недоброжелателей. И тогда Будда взял горсть сухих листьев и сказал, что вот, ребята, то, что зажато в кулаке, это то, о чем я вас наставлял, а то, что валяется на земле в той роще, где мы с вами находимся, — то, о чем я с вами и ни с кем другим не заговаривал в силу того, что это знание не ведет к освобождению.

— Но я только хотел...

— Ты пошел на поводу у своего любопытства, — прервал меня монах. — Это бывает. Лучше так, чем отсутствие живого интереса к вещам, которым я тебя учу...

Но несмотря на его последнюю фразу, я чувствовал себя так, словно

меня отшили. Да и история с Буддой выглядела так, будто тот отыскал для себя и своих последователей удачную отговорку — не хочу, мол, говорить, о том, что якобы бесполезно.

А если он и вправду не знал?

С поднятой для благословения рукой одного из бодхисаттв я промучился битый час. Заработал пару порезов, и это притом что еще старые не успели зажить, а потом неосторожным движением испортил все: отколупнул кусок древесины от почти законченного предплечья.

Я поколебался, обмеривая
заготовку взглядом, и осторожно
вонзил в нее нож.

Захотелось облегчить душу с помощью крепких слов, но я сдержался, помня о том, что в окрестностях вата Тхам Пу даже обезьяны и муравьи понимают и принимают близко к сердцу русские ругательства.

Я повертел заготовку, над которой трудился второй день, и выбросил в угол, туда, где уже лежали три другие.

Если так дело пойдет, то скоро придется снова идти в джунгли.

Я взял новый кусок дерева, посмотрел на прислоненный к стене образец, тот ответил мягкой улыбкой просветленного.

— Твое раздражение грохочет так, что доносится и до моей пустоты, — брат Пон возник на пороге, бесшумно открыв дверь, висевшую на ржавых, скрипучих петлях. — Невозможно заснуть.

— Прошу прощения, — сказал я. — Но думаю, что эта задача мне просто не по плечу. У меня нет даже намека на талант.

— Это само собой, что нет, — монах сделал шаг внутрь и легко опустился на пол. — Только вот и без него можно многое сделать... А ну-ка, покажи, как ты работаешь...

Я поколебался, обмеривая заготовку взглядом, и осторожно вонзил в нее нож. Отнять вот тут и вот тут, чтобы наметить контуры тела, и можно будет заняться перекрещенными ногами.

— Стоп-стоп, — брат Пон вскинул руку, и я замер. — Так у тебя ничего не получится.

Я ожидал, что он заберет у меня нож, покажет, как правильно его

держат, или поделится еще каким секретом мастерства, но монах неожиданно велел мне отложить инструмент.

— Осмотрись вокруг, — приказал он. — Где ты? Что делаешь? Какой сейчас момент?

Я послушно закрутил головой: лампа на крюке, зубная паста и щетка в пластиковом стакане, что стоит на крохотной тумбочке из неошкуренных досок, которую сделал я сам, брошенное на подушку полотенце.

— Вечер, я у себя в жилище. Работаю над статуэткой Вайрочаны.

— На самом деле ты пребываешь здесь и сейчас очень мало. Пять минут в час. Большую часть времени мотаешься где угодно. Прошое лето, завтрашнее утро, детство. Большой город под снегом, острова посреди океана, внутренности самолета... все подряд.

Брат Пон снова непонятным образом почти читал мои мысли, ведь я только что вспоминал Москву, затем подумал о Мальдивах, где лет пять назад довелось отдыхать.

— И как ты надеешься преуспеть, если твои руки с ножом тут, а осознание — неведомо где?

Монах замолчал и сердито оглядел меня.

— Забудь о том, что ты бывал где-то, кроме этой хижины! — продолжил он, убедившись, что я не «уплыл» никуда в пространстве и времени. — Выкини из головы прошлое! Перестань размышлять о будущем, запри свой ум в отсеке этого самого момента. Если он будет пытаться — а он будет — уйти прочь, возвращай его силой к тому, что ты делаешь. Давай, попробуй, а я посмотрю, что у тебя получится... Вперед!

Лишний раз показывать свою неловкость не хотелось, но путей для отступления наставник мне не оставил.

Поэтому я несколько раз глубоко вздохнул и поднес нож к чурбаку.

— Осознавай каждое движение твоих рук, напряжение мышц спины, — брат Пон заговорил на полтона ниже. — Вглядывайся в структуру древесины, позволь глазам подсказать тебе, куда идут волокна, не забывай и о запахах, о керосине, о сырой земле...

Обоняние словно проснулось, я уловил даже смрад выгребной ямы, что находилась от моего жилища метрах в тридцати. Тут же пришло воспоминание о годах, проведенных в общаге, когда толчок на нашем этаже постоянно ломался, и «аромат» фекалий царил в коридоре, заползал в комнаты.

Я усилием воли вернул себя в настоящее.

Осторожно надрезал кусок дерева, который держал в руках, не отколупал щепку, как раньше, а снял лишнее. Осознал, с каким звуком она

отделилась, услышал шорох ее падения на пол, уловил дрожание рукояти в моих пальцах и поспешно ухватил нож покрепче.

— Живи здесь и сейчас, в данном моменте, — продолжал шептать монах. — Воспринимай с той полнотой, что тебе отпущена, не вспоминай, что тебе нужен какой-то результат, отдайся процессу целиком...

На миг у меня получилось, я ощутил странное единство, словно тело от кончиков пальцев ног до зажатой в руке заготовки стало каплей жидкости,двигающейся как единое целое. Сгинуло все, что находилось за стенами, остался лишь круг света от керосиновой лампы, блики на поверхности дерева.

Я смотрел на образец и резал так, чтобы создать нечто похожее.

Ясно, что подобной красоты мне не сделать... стоп, это уже о будущем!

В голову лезли воспоминания, лица друзей, полуоформленные планы того, что я буду делать, вернувшись к цивилизации. Я отгонял их прочь, напрягаясь так, что начал потеть, и резал, резал, пользуясь мгновением податливой текучести, овладевшей моими конечностями.

— Теперь посмотри, что у тебя получилось, — напомнил о себе брат Пон.

Я вздрогнул и словно проснулся.

Удивительно, но мне удалось вырезать нечто похожее на сидящую человеческую фигурку — не шедевр, конечно, но по сравнению с предыдущими попытками настоящий идеал, а если продолжить в том же духе, то есть шансы, что получится узнаваемый Вайрочана с колесом учения на коленях.

— Ну вот, — монах поднялся. — Практикуй такой подход каждый день, в любом деле. Увидишь, как изменится твоя жизнь.

Через мгновение я остался один под благосклонным взглядом бодхисаттвы.

Проснувшись, я несколько мгновений позволил себе полежать в блаженной полудреме.

Но затем, вскочив, принялся одеваться, причем так, чтобы производить как можно меньше шума. Приоткрытая дверь чуть заметно скрипнула, и я окунулся в предрассветный сумрак, в наползший с Меконга туман.

Очень хорошо, благодаря ему меня не увидит никто из обитателей Тхам Пу, даже если они уже и встали...

Крадучись, я двинулся прочь от храма, в сторону той тропы, по которой некогда пришел в ват. Сегодня я докажу брату Пону, что нет никакой предопределенности, что мы можем изменять ход событий по собственной

воле, а не изображать марионеток на кармических ниточках.

Приоткрытая дверь чуть
скрипнула, и я окунулся в на-
ползший с Меконга туман.

В душе моей нарастало ликование.

Вот смеху будет, когда монахи осознают, что я сгинул неизвестно куда, даже не попытавшись забрать вещи! Ну а я доберусь до Нонгкхая, и там сяду в автобус до Чиангмая, изображая немощного служителя Будды, благоодевание и даже сумка для подаяний у меня есть и свежесбрита голова блестит как днище котелка.

Почему я выбрал именно этот город, я не знал, а вообще мысль о побеге явилась вчера вечером...

Увлечшись мечтаниями, я едва не налетел на явившееся из тумана дерево. Остановившись, завертел головой — отлично, ват остался за спиной, тропа лежит у меня под ногами.

Я прибодрился и зашагал быстрее, улыбаясь все шире и шире.

Тропка неожиданно свернула налево, хотя я такого изгиба не помнил, и почти тут же закончилась. Я уперся в непролазные заросли, оцетинившиеся таким количеством шипов, что их хватило бы на миллион алых роз.

Неужели в тумане ушлепал куда-то не туда?

Я развернулся и двинулся обратно, выглядывая то место, где ошибся с направлением. В крайнем случае минут через десять взойдет солнце, и тогда нужно топтать напрямиком на него, на восток.

Тропа закончилась, уткнувшись в грандиозное дерево, чей ствол терялся в дымке наверху, а ветки торчали в стороны подобно раскинутым для объятия ручищам великана.

Но как это возможно? Я же только что проходил тут!

Да и дерева такого в окрестностях вата я не помнил, хотя излазил джунгли вдоль и поперек.

Солнце выбрало этот момент, чтобы явить свой лик, обозначилось розовым пятном в тумане. Я вздохнул с облегчением и зашагал в его сторону, ломясь напрямиком через густые заросли.

Что мне та тропа?

Лес на берегу Меконга не такой, чтобы не пройти напрямик, да и расстояние не больше километра.

Туман поднялся, исчез в один миг, и я понял, что иду по совершенно незнакомым местам: округлые пригорки, заросшие высоченными пальмами, пожухлый кустарник, украшенный ярко-алыми цветами, островки густой травы, бурая почва, испещренная канавами и бороздами.

Ничего подобного я в жизни не видел!

Я оглянулся, надеясь разглядеть колоссальное дерево, которое должно вздыматься над соседями, но густые кроны закрывали обзор. Перешел на бег, ожидая, что вот-вот выскочу на дорогу, затем остановился и повернул на север — там должен быть Меконг, уж мимо него я не промахнусь.

Когда я уперся в стену из черных утесов, что вздымались из зарослей, как из зеленого моря, я понял, что схожу с ума: такому пейзажу просто неоткуда взяться в ближних окрестностях Нонгкхая!

Паника шарахнула меня по затылку, точно обмотанная тряпьем дубина: немедленно бежать, вопя во всю глотку, надеясь, что кто-то услышит и придет на помощь, выведет хоть куда-нибудь...

Смолчать и остаться на месте стоило большого труда.

Спустя час я по-прежнему брел по лесу, уже лишившись всякой надежды, просто чтобы не сидеть на месте. Поднявшееся солнце жарило макушку, зловеще жужжали кусачие твари вроде слепней, под сандалиями хрустели веточки и сухие листья, обоняние тревожили запахи гнили и древесного сока.

С паникой я сумел кое-как совладать, но теперь меня грыз страх.

Куда я попал? Как отсюда выберусь?

Человек сделал шаг вперед,
и я увидел круглую физионо-
мию и улыбку брата Пона.

Да, в Таиланде встречаются непролазные джунгли, где на сто квадратных километров одна деревня из пяти домов, но обычно даже в чащобе натыкаешься на мусор, вырубки, другие следы человека.

Тут же я не встречал ничего, ни малейшего признака гомо сапиенса.

Вот и съездил в Чиангмай, доказал всем, что обладаю свободой воли...

Донесшееся с севера рычание заставило меня вздрогнуть — этот голос я слышал, правда в зоопарке, когда созерцал находящиеся за решеткой оранжево-черных кошек. Удара лапы такого зверя хватит, чтобы отправить меня к праотцам, а потом мое тело станет кое-кому завтраком.

Невольно вспомнилась последняя, двенадцатая картинка из цепи взаимозависимого происхождения — старик, взгромоздивший на спину труп, символ неизбежной старости и смерти, что ожидает всякого появившегося на свет.

Ну да, на предыдущем рисунке была рожающая женщина, наш пропуск в мир.

А что до нее?

Курица, несущая яйца... знак нового воплощения, следствие того, что в предыдущем ты поддавался страстным желаниям, чего-то хотел, как изображенный рядом с птицей тип, срывающий плоды с дерева.

На моем колесе судьбы они вышли похожими на груши, разве что очень большими. А вот до курицы и остального, что идет за ней, я пока не добрался, да и не доберусь, если все так и пойдет.

Увидев впереди между деревьев человека, я вздрогнул от неожиданности.

Моргнул, не веря своим глазам, ожидая, что это мираж и что он миглом развеется. Но человек сделал шаг вперед, и я увидел знакомое одеяние, круглую физиономию и улыбку брата Пона.

— Никогда не думал, что ты такой любитель прогулок, — сказал он и шаловливо погрозил мне пальцем.

Тигр зарычал еще раз, намного ближе.

— Простите, — сказал я, опуская взгляд и чувствуя себя не взрослым мужчиной, а нашкодившим школьником. — Ну я... хотел... это... как бы, показать, только заблудился.

— Совершенно случайно? — уточнил монах.

Уши мои горели, и я сильно жалел, что земля под ногами не позволяет сквозь нее провалиться. Но вместе со стыдом я испытывал и облегчение — бессмысленному хождению по джунглям пришел конец.

— Ладно, пойдем, — сказал брат Пон. — А то тут бродят всякие хвостатые-зубастые.

— Но где мы находимся? Как я мог сюда попасть? — вопросы посыпались из меня, точно зерна из худого мешка. — Ведь с одной стороны от Тхам Пу дорога, с другой — река?

— Ты рвался на свободу — ты ее получил. И еще жалуешься, — укорил

меня монах. — Эх, неужели я так плохо тебе все объяснял?

Он хлопнул меня по плечу с такой силой, что я вынужден был пробежать несколько шагов, чтобы сохранить равновесие. Когда поднял голову, обнаружил, что стою на откосе, передо мной Меконг, по его глади тащится катер тайской погранслужбы, а на востоке темнеет Мост Дружбы.

Сердце мое заколотилось от радости.

— Когда есть это, то есть и то, если возникает это, то возникает и то, — торжественно сказал брат Пон. — Если это исчезает, то исчезает и то, все просто, все обусловлено, и ничто не появляется само по себе.

— Но разве я не мог сегодня дойти до Нонгкхая? — спросил я. — По своей воле?

— Хочешь попробовать еще раз?

Теперь задача выглядела плевой — шагай вдоль берега, пока не упруешься в город. Только вот я колебался, и смущали подозрения, что до цели мне помешает добраться что-то еще.

Подвернутая нога, скажем, или приступ диареи.

— Ну, нет... — признался я.

— Смотри, ты захотел изобразить из себя вольную, свободную личность, но попытался бежать, покинуть наш ват, ту обусловленность, что создана вовсе не тобой. Так?

Пришлось согласиться.

— И цель побега выбрал, исходя из знаний, которые содержатся в твоём сознании, а не просто так, с потолка.

И это выглядело бесспорным.

— Так о какой же независимости можно говорить? — брат Пон развел руками. — Попробуй, докажи то, что ты неподвластен закону тяготения... Прыгни-ка вниз. Слабо?

Откос, на краю которого я стоял, был высотой метров в десять, и внизу из ила торчали наполовину затопленные кусты и даже целое дерево с угрожающе острыми ветвями.

Я сделал шаг назад.

— Так же и с кармой. Ты действуешь в рамках, ею обусловленных, жестко заданных. Изменить эти рамки можно одним-единственным образом — изменив свой взгляд на себя, на мир. Пока они остаются на месте, шансов пересечь границы нет, обстоятельства всегда будут против тебя.

— Как сегодня утром? — спросил я.

— Именно. Да, очень редко действительно встречаются ситуации, когда есть возможность реального выбора... — брат Пон задумчиво

огладил подбородок. — Смотри, ты как поток восприятия течешь по трубе, чьи стенки образованы крохотными, мгновенными событиями всех пяти потоков. Труба не позволяет тебе отклониться, но время от времени в ней встречаются ответвления, развилки. Только чтобы заметить любое из них, нужно располагаться к нему «лицом»... при этом способа поворачивать голову у тебя нет, но в одном положении тебя фиксирует лишь могучая сила привычки.

Метафора выглядела странной, даже пугающей, и я нахмурился.

— Убрав ее, раскрепостив восприятие, ты сможешь располагаться в этой трубе как тебе угодно. Видеть те возможности, которые ранее ускользали от твоего взгляда, и осознанно выбирать, куда двинуться. А кроме того, сами «стенки» начнут меняться, складываться по-иному... вместо кусков ржавого железа, гнилого дерева и грубого холста появятся золото, драгоценные камни и тончайший шелк. Формально говоря, ты никуда не вырвешься за те ограничения, что наложены на тебя кармой, но в то же время окажешься в другом мире. Всего лишь научившись смотреть иначе...

Брат Пон остановился, глянул на меня с улыбкой.

— Да, вижу, что ты не все понял, — тут он покачал головой. — Но ничего, поймешь. Мудрость нельзя обрести мгновенно, она пропитывает нас медленно, постепенно.

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Ничто не случается просто так, без причины.

Самое мелкое событие обусловлено другими событиями, имевшими место в прошлом.

Но при этом предопределена лишь схема ситуации, тот шаблон, по которому она будет развиваться. В том же, что касается реакции на нее, и лежит поле безграничной свободы, которой в состоянии пользоваться каждый.

Да, можно реагировать по привычке, негативными эмоциями отзываться на то, что выглядит неприятной ситуацией, а можно осознавать происходящее с иных позиций, более конструктивных: как урок, как возможность отдать некие кармические долги, поработать над собой.

Волюнтарист, гордо считающий, что он и только он управляет своей жизнью, и фаталист, покорно склоняющий голову перед роком, — две лишённые конструктивности и даже опасные крайности.

* * *

Обычно наше сознание размыто, большую часть времени мы проводим в прошлом и в будущем, а не здесь и сейчас. Вспоминаем, что случилось ранее, размышляем над перспективами, строим планы, переносимся мыслью в те места, где когда-то бывали или собираемся побывать.

Очень полезно на отдельные периоды сжимать себя в точку, запирает свое сознание в отсеке текущего мгновения.

Для этого, занимаясь каким-либо делом, нужно безжалостно отсекал все попытки ума к бегству в прошлое или будущее. Возвращать его к тому, чем мы заняты, не думая о том, что привело к нынешней ситуации, и о том, что ждет впереди.

Может помочь сосредоточение на тех данных, что поставляют нам органы чувств — на звуках, запахах, тактильных ощущениях, сигналах, посылаемых мышцами и всем организмом. Если заполнить осознание до отказа настоящим, то на прошлое и будущее у него просто не останется ресурсов.

* * *

Почти любые обстоятельства собственной жизни можно изменить.

Но единственный надежный путь для этого — трансформировать взгляд на эти обстоятельства, модифицировать свое восприятие, посмотреть на ситуацию под новым, непривычным углом.

Попытки изменить сами обстоятельства — это борьба не с причиной, а со следствиями. Да, такой подход может дать кратковременный эффект, но корень проблемы, находящийся в сознании, никуда не денется, и вместо срубленных побегов быстро даст новые, только еще гуще.

Мы сами — это единственный уголок Вселенной, который мы можем с гарантией улучшить.

Глава 6. Тени прошлого

Назойливый шепот Пустоты звучал у меня в ушах, но я не обращал на него внимания. Блистающие точки, усеивавшие поле зрения, мешали куда больше, поскольку из-за них я не мог четко видеть, но и их я научился воспринимать спокойно, без раздражения.

Да и накатывало на меня теперь сравнительно редко, и проходило быстро.

Настроение было отличным, поскольку я заканчивал последний рисунок бхавачакры.

Три символа внутреннего круга, шесть — среднего, двенадцать — внешнего.

Проведя финальную черту, я еще раз оглядел рисунок, чтобы убедиться, что ничего нигде не стерлось. Громадное колесо покачнулось, вроде бы даже выступило из земли и завращалось, как тогда в видении.

Змея ненависти, свинья невежества и курица алчности помчались друг за другом. Закрутились, громоздясь друг на друга, миры богов, людей, голодных духов и животных, заскользили составляющие единое целое звенья цепи взаимозависимого происхождения, что приковывает нас к обыденному существованию.

Тяжелый, придавливающий к земле поток — нехватка мудрости и погруженное в сумерки сознание, органы чувств и их сцепление с объектами реальности, наслаждение иллюзиями, рождение и смерть, привязанности и страсти.

И держащее все в пасти чудовище, словно явившееся из японского мультлика.

Я встряхнулся, отгоняя наваждение, и поднялся на ноги.

Работа, длившаяся почти два месяца, закончена, труд, который пришлось дважды начинать снова, подошел к концу. Если брат Пон сказал правду, то это значит, что в жизни моей должны произойти радикальные перемены.

Монаха я нашел в храме, где он, напевая, метелкой отряхивал пыль со статуи Будды.

— Ты считаешь, что закончил? — спросил брат Пон, выслушав меня.

— А разве нет? — я напрягся, ощущая подвох.

— А раскрашивать кто будет? Амитабха и Ратнасамбхава?

Я досадливо шлепнул себя ладонью по лбу: точно, как я мог забыть!

— Пойдем, я выдам тебе «краски», — сказал брат Пон, сочувственно хлопнув меня по плечу. — Да не расстраивайся ты так, я же сразу сказал — рисунок будет готов тогда, когда ты сам окажешься готов.

Я вздохнул и зашагал за ним следом.

Вскоре мы были у бхавачакры уже вдвоем, и монах вынимал из большого ящика плотно завязанные мешочки. В каждом был порошок, нечто вроде мелкого песка разных цветов — ярко-алого, солнечно-желтого, цвета волн у берегов Ко Чанга, мрачно-черного и ослепительно-белого.

Вскоре мы были у бхавачакры,
и монах вынимал из ящика
плотно завязанные мешочки.

— Расходуй экономно, — велел брат Пон после того, как мы убедились, что все «краски» на месте. — Запас у нас не столь велик, а пополнить его будет трудно... Вот так.

Он аккуратно зачерпнул красного порошка и медленно-медленно начал сыпать его в ту бороздку, что обозначала ухо чудовища.

— А что случится, когда я на самом деле все закончу? — спросил я.

— Ничего, — монах глянул на меня ехидно. — Трубы не заиграют, ангелы не прилетят.

— Но как же?! Ведь вы обещали изменение...

— Да, и я не обманул. Только это изменение медленное, оно происходит и сейчас, кстати. Понимаешь?

Я разочарованно помотал головой:

— Нет.

— Чудеса возможны, но ни одно из них не бывает мгновенным, — сказал брат Пон. — Человек может измениться так, что сам потом будет диву даваться, но не в один миг. Чтобы добиться этого, он должен прикладывать усилия, пусть крохотные, почти незаметные, в течение долгого времени. Вот смотри, ведь многие из твоих друзей и знакомых пытались начать новую жизнь... только у них ничего не получалось. Так?

— Само собой, — я усмехнулся.

Взять хотя бы соседа Рашида, что примерно раз в год бросал курить,

или тетю Лиду, мамину сестру, постоянно пытавшуюся сесть на диету и срывавшуюся на второй неделе.

— А все потому, что они норовили изменить себя сразу, в один присест, рывком. Нужно было действовать иначе... Ну, предположим, некто хочет вставать чуть раньше и делать зарядку... хорошее дело?

Брат Пон дождался моего кивка и продолжил:

— Вот только если он будет насильно просыпаться по будильнику каждый день, заставляя себя, с отвращением думая о том, что мог бы еще поспать... что будет?

— То же, что и всегда. Неудача.

— Именно! Но если, скажем, делать зарядку сначала один раз в неделю, потом два... Через полгода довести до трех, а через год-другой, если позволит судьба, перейти на ежедневный режим. Приучить себя, измениться постепенно, крошечными шажками. Насколько выше шансы в этом случае?

— Это понятно, — я махнул рукой. — Но тут, я думал, другое... посвящение, все дела.

— Посвящение — лишь символ, имя для того, что можно назвать «осознанием собственного изменения». Вот оно может происходить мгновенно, словно удар грома. Бабах, и ты понимаешь, что стал другим... Есть шанс, что так и будет. А пока работай.

И брат Пон ушел, оставив меня в одиночестве.

Я зачерпнул черного порошка, намереваясь «оживить» с его помощью свинью невежества, и тут сообразил, что добаться до внутреннего круга, не попортив внешние, будет трудновато. Поставил ногу так, чтобы примять только линию меж двух сегментов, наклонился и едва не шлепнулся мордой вперед.

Удержался, но напряжение отозвалось ноющей болью в спине.

Вытянув дрожащие руки, я принялся сыпать порошок в канавку, и понял, что выходит ерунда — часть летит мимо, и получается не ровная линия, а нечто вроде извилистого пунктира.

Вот напасть! И как с этим бороться?

Опуститься на колени, но смазать при этом сражающихся друг с другом полубогов? Зайти с другой стороны, там вроде бы есть достаточно места, чтобы встать во внутренний круг?

Понимая, что злюсь, я принялся считать вдохи, призвал на помощь мантру «это не я, это не мое»...

Забудь о только что случившемся разговоре, оставившем в душе горькое послевкусие. Выкини из головы мечтания о том, что случится,

когда ты закончишь работу над бхавачакрой.

Поймай этот момент за хвост и сосредоточься исключительно на том, что ты должен сделать сейчас!

Один из полицейских заметил
меня, испустил хищный вопль
и бросился в мою сторону.

Я пару раз медленно вздохнул и приступил к воплощению этого плана в жизнь.

Чужие голоса я услышал, когда до вата оставалось метров тридцать.

Подойдя же к своей хижине, обнаружил, что по территории Тхам Пу бродят несколько полицейских: бежевая форма, надменные физиономии под фуражками, типичные тайские стражи порядка, вот только что им нужно тут, в нашем глухом углу провинции Нонгкхай?

Дверь жилища брата Пона была распахнута, а матрас, одеяло и прочие вещи выброшены наружу. Монах и двое его «коллег» помоложе стояли кучкой под присмотром самого толстого из незваных гостей.

Беспокойство вынудило меня замедлить шаг.

Что тут происходит? Не влип ли я в какую нехорошую историю?

Да, мои документы и виза в порядке, если, конечно, брат Пон не забыл, куда их спрятал. Вот только если ты фаранг и имеешь дело с тайскими официальными лицами, это не всегда помогает.

Как я объясню, что я тут делаю?

Подметаю в храме, учусь медитации и вырезаю из дерева фигурки бодхисаттв?

Один из полицейских заметил меня, испустил хищный вопль и бросился в мою сторону. Не успел я испугаться как следует, как меня схватили за плечо и потащили туда, где стояли остальные.

— Не беспокойся, — сказал брат Пон с ободряющей улыбкой. — Это не за тобой. Проблема касается только меня. Сейчас я им объясню, чтобы тебя не трогали...

И он залопотал по-тайски, обращаясь к толстяку-офицеру.

Тот выслушал, раздувая ноздри, потом кивнул и отдал приказ, после которого меня оставили в покое. Но мою хибару обыскали в числе прочих,

выскребя ее при этом, точно вареное яйцо, так что остались лишь голые стенки.

Разве что к статуэткам просветленных стражи закона отнеслись с уважением.

Затем их предводитель сердито рявкнул на брата Пона, и незваные гости затопали прочь.

— Ну вот и все, — сказал старший монах. — Можно наводить порядок.

— Но что это было? Чего они хотели? — не выдержал я.

— Местные власти заподозрили, что я из-под полы торгую наркотиками, — сообщил брат Пон с невинным видом. — И решили проверить, так ли это.

— Но как такое возможно?

Задавая этот вопрос, я имел в виду, почему в жизни брата Пона, наверняка разобравшегося со своими кармическими проблемами давным-давно, могут возникать такие вот ситуации?

И монах меня понял.

— Есть определенные долги, которые нужно заплатить, — произнес он мягко. — Причем вне зависимости от того, какого уровня осознания ты достиг...

— Но тогда какой смысл?

— Будь я обычным человеком, те преступления, к коим я некогда был причастен, привели бы меня к столкновению с законом в куда более суровой форме, к заключению в тюрьму, например, — должно быть, увидев выражение моего лица, брат Пон добавил: — Причастен в прошлой жизни, само собой.

— Но почему вы можете знать обстоятельства прежних воплощений, а я нет? — раздраженно заявил я. — В едь вам это не мешает, не помешает и мне, а ведь так интересно!

Монах вздохнул:

— Почти все ученики проходят мимо этого, но в твоём случае, я подозреваю, мне так просто не отделаться...

Я встрепенулся:

— А много их у вас было?

Брат Пон очень редко и неохотно говорил о своем прошлом, а на вопросы, его касавшиеся, отказывался отвечать.

— Некоторое количество, — отозвался он, хотя я ждал обычного «это не важно». — Хочешь, чтобы я назвал тебе имя каждого, год рождения, и сообщил, где он сейчас находится?

— Ну, нет... — я помотал головой. — Лучше расскажите о моих

прошлых жизнях.

— Давай поговорим об этом позже. После ужина, например.

Ободренный этим обещанием, я отправился устранять последствия того погрома, что учинили полицейские.

На ужин был тот же рис, что и всегда, но я жевал, не ощущая вкуса.

— Ты уверен, что хочешь познакомиться с теми обстоятельствами, через которые твой поток восприятия проходил ранее? — осведомился брат Пон, когда я вернулся от реки, отдраив до блеска миски и кастрюли.

— Конечно!

— Учти, это по-настоящему жестокая встряска, — он смотрел на меня оценивающе. — Самая большая трансформация сознания — момент смерти и нового рождения, а тебе придется вспомнить, как ты проходил через подобное тысячи раз.

— Я готов, — сказал я, хотя под ложечкой засосало.

— Тогда пойдем. Нам понадобится помощь братьев.

Я думал, что мы отправимся на «мою» полянку в джунглях, где находилась бхавачакра.

Но нет, монах повел меня в храм, туда, где ждали его молодые помощники.

За проведенное в Тхам Пу время я так и не понял, какого рода отношения связывают их с братом Поном — если они и были его учениками, то очень продвинутыми, поскольку никаких заданий вроде бы не выполняли, а помимо хозяйственных и обрядовых занимались таинственными, непостижимыми для меня делами.

— Сядь перед ликом Просветленного и успокой сознание, — велел монах.

Я попытался усмирить бешено колотившееся сердце, и мне даже это удалось. Тренировки последнего времени дали о себе знать, и вскоре я если и волновался, то совсем чуть-чуть.

Не так, как в свое время перед походом к зубному, когда просто с ума сходил от беспокойства.

— Очень хорошо, — сказал брат Пон и перешел на тайский.

Раздался мягкий звон — снаружи кто-то ударил в один из молитвенных колоколов. Брякнул второй, третий подал свой надтреснутый голос, и мне до ужаса захотелось открыть глаза, чтобы посмотреть, кто там бродит.

Я попытался усмирить бешено колотившееся сердце, и мне даже это удалось.

Десять минут назад все обитатели храма были тут, рядом со мной, и я не слышал, чтобы кто-то выходил!

Но колокола продолжали звучать, и я вспомнил тот день, когда пересчитывал их, собственную ярость, отчаяние по поводу того, что проклятушие цифры все время путаются...

Хотя это дело прошлое.

Я усилием воли вернул себя в настоящее и осознал, что мерзну, несмотря на душный вечер — тепло словно утекало из моего тела, пол храма казался ледяным, непонятно откуда тянуло сквозняком, от которого по коже бегали целые табуны мурашек.

Колокола звенели негромко, но настойчиво, и в такт им нечто начало вибрировать и внутри меня. Я почти ощутил струны, что сверху крепили к своду черепа, а снизу — к копчику. Они задрожали, щекоча внутренние органы, пуская по мышцам крохотные спазмы и рождая нечто вроде мелодии, грубой, но различимой.

Дребезжали кости, суставы отзывались хрустом и шелканьем.

— Открываем, — сказал брат Пон, и я вздрогнул, так неожиданно оказалось услышать человеческий голос после всех этих странных звуков. — Ты только не дергайся... оп-па...

Он аккуратно, но уверенно взял меня за затылок.

И тут же я понял, что стою посреди поля, заросшего кукурузой, в руках у меня мотыга, босые ноги прикрывает цветастая юбка, а на шее бренчат нити длинных бус из цветных камешков... я женщина?

Страх исчез, мне захотелось кричать от восторга, ведь все получилось!

Многоголосое бормотание назойливо полезло в уши, и я обнаружил себя в кругу бородатых мужчин в одеяниях вроде простыней, активно что-то обсуждавших и даже махавших руками.

Дверь помещения, где они... нет, мы находились, охраняли двое воинов в блестящих панцирях и с копьями.

Древний Рим? Античная Греция?

Густые джунгли, по сравнению с которыми лес вокруг Тхам Пу

выглядит ухоженным парком, и я, голый, сижу на земле, увлеченно сплетаю что-то из тонких прутиков, а из-под ближайшей хижины ко мне ползет змея, серая, блестящая, такая красивая, ее хочется схватить...

Далекий женский крик вернул меня к реальности.

Я не выдержал, открыл глаза.

Брата Пона видно не было, он, похоже, стоял позади, а вот двое его подручных созерцали меня с обычным бесстрашием, как и стоящий на каменной глыбе Будда. Гирлянды на его шее поблескивали в сумраке, и ароматические палочки мерцали, точно крохотные алые глаза.

А затем словно громадная волна подхватила меня и унесла.

Я видел тысячи жизней одновременно, через меня текли потоки воспоминаний, принадлежавших разным личностям, я болел, получал увечья и раны, умирал и терял близких... Вихри боли мужчин и женщин, обитателей разных стран и эпох, обрушивались на меня, сменяясь дуновениями экстаза, короткими и слабыми, если сравнивать с ураганом страдания.

Я любил и ненавидел, предавал и сам был не раз предан...

В какой-то момент я утерял ощущение себя, забыл, кто я и что происходит, барахтался в струях разнородных событий, переживая десятки их одновременно. Ощущал вкус воды, крови, разных кушаний, боль, наслаждение, холод и жару, родовые схватки и судороги утопающего.

Толчок в затылок, и я обнаруживаю себя в полутемном зале, напротив меня двое мужчин в бурых одеяниях и грубо высеченное из камня изваяние, сладкий запах щекочет ноздри...

Прошлое? Настоящее?

Из-за моей спины появляется третий мужчина, лицо его кажется смутно знакомым. Он что-то настойчиво спрашивает, но я не понимаю, поскольку говорит он на незнакомом мне языке.

От ужаса я едва могу дышать.

Что происходит? Где я?

— Возвращайся, — произносит мужчина, и я понимаю его и даже вспоминаю имя: брат Пон.

— Да-да, — хриплю я, пытаюсь избавиться от ярких образов, что извергаются из памяти настоящими гейзерами: кровавая битва, поле завалено трупами, и я жру еще теплую печень врага; бесконечная снежная равнина, и я бреду через нее на лыжах, понимая, что обречен, и слышу хруст наста под лапами догоняющих меня хищников.

Нет-нет, это не мое, это не я!

А кто я?

От страха я заскулил, обхватил голову руками, затем попытался вскочить, как можно быстрее удрать из этого ужасного места, но сильные руки надавили мне на плечи, удержали.

— Возвращайся, — прошептал брат Пон мне в ухо. — Вспомни себя.

Но я помнил слишком многих себя и не мог решить, какое из них настоящее и есть ли вообще настоящее.

Что-то лопнуло внутри черепа, и я погрузился во тьму.

Открыв глаза, я понял, что лежу на мягком, укрыт одеялом, а через щели в стене проникает дневной свет.

— Очнулся, — сказал брат Пон, сидевший у меня в ногах. — Имя свое помнишь?

Мне стало так страшно, что залязгали зубы.

Я напрягся, отгоняя воспоминания, которые не могли быть моими, и назвался.

— Уже хорошо, — заметил монах со смешливым огоньком в глазах. — Пин-код?

Я открыл рот, собираясь озвучить код от своей банковской карточки, но вовремя опомнился и посмотрел на него с упреком.

— Извини, не смог удержаться, — брат Пон со смешком развел руками. — Ну что? Заглянул в прошлые жизни?

Это он откровенно преуменьшил — не то что заглянул, нырнул с головой, прочувствовал их как свои собственные, и ноша эта оказалась слишком тяжелой для моего рассудка. В сознании остались лишь смутные обрывки, словно от яркого сна, но я был этому даже рад.

— Доволен? — продолжал допытываться монах.

— Я чуть с ума не сошел, — признался я.

— Вот то-то и оно. Я же говорил, что знание это излишнее и даже опасное. Эмоционального груза одной жизни порой достаточно, чтобы пригнуть нас к земле, а если их тысячи?

Я молчал, поскольку возразить было нечего.

— Пойдем, начнем приводить тебя в себя, — сказал брат Пон, поднимаясь. — Одеваться не нужно.

Откинув в сторону одеяло, я понял, что обнажен.

Выбравшись из лачуги, замер, пытаюсь сообразить, как перенесся в это странное место из родного селения, где муж и дети, и не видение ли это, насланное злыми духами. Когда же опустил голову, увидел, что обладаю телесными признаками, свойственными лишь мужчинам.

Струя воды ударила мне в лицо, и наваждение сгнуло.

— Теперь некоторое время они будут тебя навещать, — брат Пон поставил опустевшее ведро и взялся за следующее. — Тени прошлого, вампиры памяти, жаждущие крови твоего существования... Но ты же сам этого хотел, так что не стоит жаловаться.

Второе ведро оказалось вылито мне на голову, и я почувствовал себя намного лучше.

— Сегодня ничего не будешь делать, — сообщил брат Пон. — Лежи, собирай себя. Старайся только все время помнить, кто ты такой и где находишься.

Кое-как обтерев себя полотенцем, я вернулся в хижину и улегся, дрожа от слабости. Почти тут же накатила сон, но не спасительное черное забвение, а череда ярких видений, почти реалистичных эпизодов.

Выныривая из них, точно из воды, я всякий раз видел рядом кого-то из монахов.

За день меня еще дважды навещали «тени», и хотя оба визита были краткосрочными, они напугали меня почти до мокрых штанов. Вечером меня повторно облили водой, после чего я сумел самостоятельно добраться до туалета, на что потратил остатки сил.

На свое ложе рухнул, тяжело дыша и будучи не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Вот так, а ты думал? — сказал брат Пон, решивший составить мне компанию после заката. — Как в кино сходил — посмотрел, чуть попереживал и забыл? Нет, так не выйдет. Жизнь — это осознание, это память, это тяжесть, которая увеличивается с годами, если ты не просветленный, конечно.

— А у просветленных? — выдавил я, восстановив, наконец, дыхание.

— О, если ты задаешь вопросы, это значит, что все в порядке! — он рассмеялся. — Просветленные бывают разные. Существует, да будет тебе известно, четыре ступени, по которым восходит ищущий свободы... Первая делится на три фазы, именуемые Сонмищем Брахмы, Жрецами

Брахмы и Великими Брахманами, вторая тоже на три — Ограниченного сияния, Безграничного сияния и Лучезарных...

Он говорил еще про Ограниченное, Безграничное и Всецелое блаженство, а я слушал, понимая, что это не столько лекция, сколько сказка, которую рассказывают на ночь больному ребенку.

— Четвертую ступень древние разделили на стадии Безоблачных богов, их коллег, Обладающих избытком добродетели, Обладающих всевозрастающим плодом и еще пять стадий, что именуют чистыми, о них мы говорить пока не будем.

— А вы до какой добрались?

— В прошлом году мне выписали диплом Всецелого блаженства, — заявил брат Пон с самым серьезным видом. — Я даже хотел повесить его на стенку, чтобы все видели, как я духовно высок и продвинут, но напился на радостях и документ потерял, а новый не дают. Требуют, чтобы я представил справки от пяти архатов о моем безупречном поведении. Только вот где я сейчас на земле отыщу целых пять архатов, не говоря уже о поведении?

Я не выдержал, хихикнул.

Меня словно выключили,
я провалился в сон мгновенно,
без предупреждения.

И тут же меня словно выключили, я провалился в сон мгновенно, без предупреждения. И точно так же из него выскочил, обнаружил, что керосиновая лампа погасла, но монах никуда не делся, так же сидит у стенки, неподвижный, точно изваяние.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально, — ответил я. — Более-менее в своем уме.

Я и в самом деле чувствовал себя намного сильнее, чем несколько часов назад, и та бездна чужих воспоминаний, что еще недавно грозила поглотить мой разум, вроде бы отступила.

Дурманящая слабость ушла, и совершенно не хотелось спать.

— Больше не желаешь знать свои прежние воплощения?

Я содрогнулся:

— Нет! Нет.

— Полное знание такого рода доступно лишь бодхисаттве, — сказал брат Пон. — Частичное может вынести тот, чье сознание очищено в куда большей степени, чем твое... Кстати, как ты думаешь, добро или зло я совершил, когда согласился показать тебе прошлые жизни?

Вот это было уже всерьез, так что я задумался, прежде чем ответить.

— Не знаю, — сказал я.

Признать «добром» то, что сделал монах, я не мог, учитывая неприятные последствия... «Злом» — тем более, все же он исполнял мою настойчивую просьбу, а не действовал по собственной инициативе...

— Да? Странно, раньше ты всегда был уверен, что есть добро, а что есть зло.

— Теперь я понимаю, что уверенность далеко не всегда признак истинного знания.

— Точно-точно, — брат Пон шевельнулся, его одеяние негромко зашуршало. — Слишком узко наше восприятие, чтобы мы имели наглость по фасаду событий судить о происходящем. Вот смотри, однажды два монаха плыли на корабле из Индии на Шри-Ланку и везли много золота. И где-то посреди пути они напали на команду судна и перебили всех без пощады. Как ты оценишь такой поступок?

— Убийство — это нехорошо, — выдал я очевидное. — Порождает черную карму... Кроме того, ведь служителям Будды запрещено любое насилие, даже для самозащиты. Только ведь эти двое не просто так взяли за оружие? Их наверняка хотели ограбить?

— Слово «золото» ты не пропустил, — в голосе брата Пона мелькнули нотки удовлетворения. — Да, эти два монаха обладали способностью читать чужие намерения, и они увидели, что команда собирается их убить. А ведь лишение жизни просветленного — страшный грех, и свершивший его попадет в худший из адв. Кроме того, деньги нужны были жителям Шри-Ланки, чтобы построить новую ступу и поддержать буддизм на острове. Если этот план не выполнить, то тысячи душ останутся без духовной поддержки... Плохо?

— Еще как, — подтвердил я.

— Вот и монахи решили так же и, движимые состраданием к команде судна и к обитателям Шри-Ланки, пошли на убийство. То, что выглядит на первый взгляд откровенным злом, на самом деле является средством предотвращения куда большего зла. Кроме того, поскольку свершавшие его действовали без влияния низменных аффектов, в полном осознании, то они не отяготили собственную карму.

— А что за наихудший из адов? — спросил я сонно.

— Хватит с тебя на сегодня, — сказа брат Пон.

И я тут же уснул, и на этот раз меня ждал обычный сон без сновидений.

Пять выставленных в ряд фигурок мало напоминали произведения искусства, но уже и не были теми кривыми уродцами, что поначалу выходили из-под резца в моих руках.

Я сидел напротив брата Пона
под тем же навесом, что слу-
жил нам и лекционным залом.

Брат Пон взял Амитабху, осторожно покрутил, вернул на место.

— Неплохо, — оценил он, проделав ту же операцию с остальными бодхисаттвами. — Поработать еще есть над чем, но ты на верном пути.

— С руками больше всего проблем, — пожаловался я, пытаюсь скрыть, что ужасно горд такой оценкой. — Я пока их самих не трогаю, на испорченных чурбачках тренируюсь, но ничего не выходит.

— Всему свое время, — отозвался монах. — Убирай свои творения, и займемся делом.

Вскоре я опять сидел напротив брата Пона все под тем же навесом, что служил нам, помимо прочего, и лекционным залом, и комнатой для медитаций. Свежий ветерок умерял жару, шелестел в листьях, в чаще ругались обезьяны, от реки доносилось тарахтение лодочного мотора.

— Будем обрезать тебя так же, как ты обрезал деревяшки, — сообщил мой наставник. — Помнишь список своих привязанностей?

Я кивнул.

Еще в первые дни обучения он заставил меня составить такой перечень, но не сказал зачем. Я тогда выполнил задание, бумажку отложил, после чего о ней благополучно и забыл.

— Отлично. Перечисляй...

Я отогнал мысль, что, может быть, стоит поискать список, и принялся напрягать память. К собственному удивлению, извлек из нее все так, словно бумага лежала прямо передо мной.

— Привязанности напоминают листья, хотя растут не на деревьях, — заявил брат Пон. — Держит их на себе то, что мы называем чертами

личности.

— Которой на самом деле не существует? — уточнил я.

— Именно так. Существует лишь ее описание, и его мы усиленно поддерживаем. Называем себя разными словами вроде «честный», «прижимистый», «непостоянный» и так далее...

— Подождите. Но если личности нет, почему мы осознаем себя как единое целое? Во времени, я имею в виду.

— На самом деле новая комбинация элементов восприятия создается каждую микросекунду, появляется новая эмоция, мысль, телесное ощущение, возникают события и осознание, — тут брат Пон на мгновение задумался, пару раз огладил макушку. — Это можно сравнить с кинолентой, состоящей из отдельных кадров, но мы их не воспринимаем, лишь поток, континуум... Отличия между двумя соседними кадрами очень малы, отсюда и возникает ощущение существования некоторой стабильной, неизменной сущности...

— Личности?

— Да, люди чаще всего называют ее так, — монах пожал плечами. — Хотя это сейчас не важно. Важно то, что имеется описание себя, к которому ты привык и которое имеет над тобой власть, заставляет тебя быть кем-то. Ты привык говорить и думать «я такой-то»... ведь так?

— Ну, наверное... — я пожал плечами.

— И тем самым ты сам себе создаешь нечто вроде жесткого тяжелого костюма, что придает тебе определенную форму, но при этом мешает двигаться, быть гибким и невесомым. Мы этот костюм попробуем если не ликвидировать, то хотя бы сделать его полегче, убрать те детали, что сильнее всего мешают. Давай, сделай другой список...

Взять ручку и бумагу брат Пон мне не разрешил, и пришлось сочинять перечень своих качеств так, в уме.

— Не все, конечно, но для начала сгодится, — сказал он, когда я справился с этой задачей. — Выбери ту черту, что является главной, определяющей для всей твоей жизни.

— Страсть к справедливости? — предположил я.

Всегда, сколько помнил, хотел, чтобы все было честно, и даже в детстве, в песочнице ссорился из-за этого с друзьями, получал шишки и синяки, но все равно не отступал.

— Да ну? — брат Пон хмыкнул. — Тебе хотелось бы думать, что это так и есть... Только вот... Что на самом деле?

Я напрягся, перебирая качества, точно камушки в ладони — ну да, питаю интерес к стройным блондинкам, но это вряд ли то, что надо, не

очень-то склонен к родственным чувствам, перегрызу глотку любому, кто на мое покусится, но это любой бизнесмен, иначе бы он не стал бизнесменом...

Ага, вот оно!

— Любопытство! — воскликнул я.

Именно оно в свое время заставило меня открыть свое дело, из-за него я поехал в Таиланд и остался здесь, а в конечном итоге добрался до окрестностей Нонгкхая и вата Тхам Пу.

— Точно! — брат Пон просиял. — И теперь мы отсечем это качество, как ты отсекал лишнюю древесину, вырезая бодхисаттв. Ты целую неделю будешь жить без него. Совершенно.

— Но как это возможно?

— Во-первых, ты каждый день будешь говорить себе тысячу раз «я не любопытен». Во-вторых, ты будешь отслеживать проявления любопытства, и всякий раз, когда оно покажет себя, издавать восклицание «вот оно!» и вновь бормотать ту же отрицающую мантру.

— Врать самому себе? — я скорчил физиономию, показывая, что мне это неприятно.

— А то ты этого никогда не делал? — и брат Пон подмигнул мне.

С этим утверждением спорить я не мог и, поскольку инструкции выглядели предельно ясными, принялся за дело.

В первый день я вспоминал о собственной «нелюбопытности» от случая к случаю, да и проявлений своей пытливости не видел в упор. На второй пару раз ловил себя на том, что хочу узнать что-то, докопаться до корня какой-то проблемы, но чувство это ускользало, едва я сосредотачивал на нем внимание.

Прорыв случился на четвертый.

Я осознал, что любопытство направляет многие вещи, которые казались мне сами собой разумеющимися, определяет не только поступки, но и любимые слова и даже некоторые жесты. Одновременно начал ощущать нервную раздвоенность — ведь я постоянно говорил себе, что не обладаю определенной вещью, и в то же время видел ее в своем поведении множество раз!

Сознание колебалось, в нем ощущалась слабость, неуверенность.

Чувство это ускользало, едва
я сосредотачивал на нем
внимание.

— Так оно и должно быть, — сказал брат Пон, когда я описал ему свое состояние. — Это же угроза. Подпилена одна из главных колонн, на которой стоит здание твоей личности, что ты строил много десятилетий.

И он велел мне практиковать дальше, не ослабляя бдительности.

Еще через день я начал испытывать приступы острого страха, припадки неуверенности — как вести себя в определенных ситуациях, на которые я ранее реагировал автоматически, без сомнений?

Просто замирал, не зная, что делать.

А пустота внутри росла, и чувствовал я себя все более и более неуютно.

Коромысло давило на плечи, а ведра, в которых плескалась вода, сегодня казались особенно тяжелыми. Я карабкался по тропинке от источника, пыхтя и обливаясь потом, изо всех сил отгоняя мысли о том, каким жарким будет день, если сейчас, ранним утром, так печет.

Добравшись до верха, я остановился передохнуть, и тут в голове у меня щелкнуло. Деревья и кусты подернулись рябью, воздух пошел волнами, и я покачнулся, раскинув руки.

Одно из ведер соскользнуло, за ним шлепнулось второе, но я не обратил на это внимания. С ужасом огляделся, пытаюсь понять, где я нахожусь, как я попал сюда из родных песков, что это за громадный оазис, столь густо заросший, насыщенный влагой?

Или это тот рай, куда Аллах после смерти забирает праведников?

Но где тогда прекрасные гурии? Почему я ощущаю жару, укусы насекомых?

Нет, это не небеса...

Услышав шаги, я обернулся, чтобы оказаться лицом к лицу с невысоким человеком с бритой головой и в странном халате на одно плечо. Подняв руку, чтобы защитить себя от возможного нападения, я осознал, что и сам одет подобным образом и что макушка моя тоже лишена волос, как у раба.

Ужасный морок, что навещает курильщикова опия, пришел и ко мне?

Человек в халате посмотрел на меня с тревогой и шагнул ближе, так

быстро, что я не успел отреагировать. Прикоснулся к моему плечу, и в следующий момент я понял, что сижу, а сверху на меня льется вода.

— Эй, стоп! — воскликнул я, отфыркиваясь.

Страшно болела голова, и отчего-то я не мог вспомнить, где нахожусь и что тут делаю.

— Это снова он, так что хватит, — сказал брат Пон, и один из молодых монахов опустил ведро. — Ну что, ты сам попросил о том, чтобы познакомить тебя с прошлым, так что не удивляйся, если оно будет заходить в гости.

Ну да, точно, я же пошел за водой, а потом...

Воспоминание о том, как я оказался во власти другой личности, заставило меня поморщиться.

— Наполнишь бак, подходи ко мне, побеседуем, — продолжил брат Пон.

— Но я... — начал я, глядя на брошенные ведра, из которых вылилась вся вода. — Придется идти еще раз.

— Любое начатое дело нужно доводить до конца, — нравоучительно изрекал монах, пока я поднимался на ноги, отряхивался, подбирал коромысло и вешал на него ведра. — Исключение только одно — если тебе угрожает неминуемая смерть или тяжкое увечье. Бросая что-то на полпути, ты завязываешь узелок, который много позже придется развязывать...

Напутствуемый этими словами, я отправился вниз по тропинке, затем обратно вверх, по тому пути, который я сегодня уже проделал; вновь тащиться здесь по жаре, да с тяжелым грузом на спине...

Под навес к брату Пону я прибрел взмыленный, как скаковая лошадь после забега.

— Долго это еще будет продолжаться? — спросил я, ощущая, что говорю сварливо, но будучи не в силах остановиться. — Такие вот визиты... Нельзя это как-то остановить? Ритуал какой провести или помолиться?

Я открыл рот, чтобы возразить, но тут же мне стало стыдно.

— Нет, нельзя. Ты должен сам исчерпать последствия твоих поступков. Этот ответ меня не обрадовал.

— Еще это упражнение, — буркнул я. — Ну, с чертами личности... Я с ума схожу! Точно выдергиваю те подпорки, что меня держат, не дают упасть! Может быть, хватит?

— А ну-ка вернись в настоящее, — голос брата Пона стал суровым, черные глаза сверкнули. — Забудь про то прошлое, в котором ты практиковал «отсечение себя», не думай о вероятном будущем, где твои шарики заедут за ролики. И отстрани гнев и беспокойство. Неужели они — это ты?

Я открыл рот, чтобы возразить, но тут же мне стало стыдно.

Я сосредоточился на настоящем, на запахе сырой ткани, на том ощущении, с которым она липла к телу, на саднящих от коромысла плечах, на пустом желудке. Зашептал про себя «это не я, это не мое» и принялся считать вдохи, стараясь делать их как можно реже.

Минут через пятнадцать я успокоился.

— Так намного лучше, — сказал брат Пон. — Что ты делал, придя ко мне?

— Говорил... Ныл... Жаловался... — предположил я, пожав плечами.

— А часто ли ты этим занимаешься?

— Ну, нет!

— А если подумать? — монах впился в меня взглядом змеи, гипнотизирующей птенца, и я начал вспоминать.

О чем мы говорим с друзьями за кружкой пива?

Чем я делюсь, звоня родственникам или отправляя им имейл?

— Да постоянно, — признался я, одолев внутреннее нежелание исповедоваться в подобном «грехе». — Но ведь и остальные не лучше, каждый то и дело стонет, как плоха его жизнь и что за проблемы его одолевают, даже тот, у кого вроде бы все отлично.

— Именно так, — подтвердил брат Пон. — Избавляйся от этого как можно скорее. Жалобы вредны во всех отношениях, они создают негативное описание тебя и жизни, которому ты следуешь, являются пустословием, бессмысленной тратой времени и сил. Услышу еще раз... — и он нежно погладил лежавшую рядом с ним бамбуковую палку. — Осознаешь?

— Постараюсь.

— Тогда займись делом. Бхавачакра до полудня, затем подметешь...

В этот день я изображал Золушку еще прилежнее, чем обычно — раскрашивал линии колеса судьбы, размахивал метлой и протирал

колокола, помогал стирать белье и занимался медитацией. Но все это время я помнил о предупреждении брата Пона, старался находиться в настоящем и не забывал следить за любопытством.

Трапезы на сегодня никто не запланировал, но о том, что ничего не ел, я вспомнил ближе к закату.

Подобные дни вообще без еды случались и ранее, так что я не особо удивился. Только вытер пот, думая о том, что еще немного, солнце уползет за горизонт, и тогда станет не так жарко.

И в этот момент мир вокруг меня распался на фрагменты, словно «потек»...

Я осознал тысячи многомерных «пятнышек», из которых состоит мое восприятие, появляющихся на миг и вновь исчезающих, заключающих в себе все, что я считал реальным, — солнечные лучи на коже, чувство усталости, мысль о блаженной темноте, осознание того, что я должен вытряхнуть подстилку; и тут же другой набор — сухая гортань, радость, воспоминание о брате Поне, его запрет жаловаться; боль в правой лодыжке, раздражение, задумка насчет того, как изменить один из рисунков бхавачакры, моя жизнь в Таиланде.

И за пеленой из этих «пятнышек», что заворачивалась в колесо, внутри которого я медленно дрейфовал, не шевеля ногами, крылось нечто еще, неописуемо огромное, настоящее, яркое.

Та Пустота, о которой я слышал не раз, но не имел представления, что это?

Радость накрыла меня с головой, вскипела счастьем такой концентрации, что меня затрясло. Я не остановился, продолжил идти и одновременно плыть, струиться, переливаться, меняться.

Это было прекрасно, удивительно... ничего подобного я никогда не испытывал!

В этом состоянии я провел несколько мгновений, а когда выпал из него, то вынужден был сесть прямо там, где находился, поскольку ноги отказались меня держать. Брат Пон, наблюдавший за мной из-под навеса, одобрительно кивнул и поднял большой палец.

Я отозвался слабой, неуверенной улыбкой.

Тем же вечером, покончив наконец со всеми делами, я спросил у брата Пона, что именно испытал.

Отголоски пережитого еще бродили внутри меня, вспыхивая искорками счастья, заставляя вздрагивать и улыбаться. Иногда казалось, что я снова вижу разбитый на «пятнышки» мир, движущийся, живой, дышащий, так

непохожий на обычную статичную картинку.

— Ты воспринял то, что можно назвать истинным качеством реальности, — сообщил монах. — Древние использовали для ее обозначения санскритское слово «татхата», что можно перевести как «таковость».

— И что это значит?

— То, что реальность существует, что она такова, какова она есть.

— И все? — я почувствовал смутное недовольство: ждал мистических откровений, а получил некий термин, не объясняющий ничего.

— Это уже очень много на самом деле, — брат Пон усмехнулся и покачал головой. — Понимаешь, мы, люди, не способны воспринимать реальность саму по себе, нам доступен лишь набор мерцающих крохотных образов, созданных нашим сознанием. Помнишь, я тебе рассказывал про трубу, внутри которой ты движешься?

— Я воспринимал нечто вроде колеса из многих сотен «пятнышек», — проговорил я. — Хотя они и не пятна вовсе, некоторые звуковые, другие осязательные, третьи — мысли, колышутся, меняются...

— Для них те же древние предложили слово «дхармы».

— Но все равно, это выглядит очень странно... — я помялся, подбирая слова. — Смотрите, вот я вижу сейчас вас, задаю вопросы, а вы видите меня, отвечаете на мои вопросы... Неужели при этом каждый из нас находится в своей трубе восприятия? Как?

Отголоски пережитого еще
бродили внутри меня, вспыхивая
искорками счастья.

— Просто наши с тобой трубы идут параллельно, прижавшись друг к другу, — брат Пон рассмеялся. — На самом деле мы с тобой в данный момент видим один и тот же кусочек мира, но для каждого из нас он распадается на тысячи разных, как ты сказал, «пятнышек»... Эту ночь, погруженный во тьму ват, лес, разговор каждый воспринимает иначе, порождает отличные эмоции, мысли, осознает своим путем... Понимаешь меня?

Я почесал в затылке.

— Да, каждый из нас существует в реальности другого, но лишь как образ, проекция. В моей ты задаешь вопросы, в твоей — я отвечаю на них, вроде бы происходит одно и то же, но каждый заперт в своей «трубе» и не в силах заглянуть в пространство другого. Обычные люди не знают этого, полагают, что другие воспринимают все точно так же, как они, но это иллюзия, да еще и вредная, создающая проблемы...

Я представил миллионы труб... нет, лучше капсул из материала, похожего на лоскутное одеяло, лоскуты которого меняют форму и цвет; внутри заперт человек, плывущий по волнам времени; они сталкиваются, некоторые слипаются и движутся парами, даже группами, но все равно каждый сам по себе, в вечном, абсолютном одиночестве.

Мне стало холодно, тоска мягко сдавила сердце.

— Но что снаружи? Что там, за стенками восприятия? — я отчаянно взмахнул рукой.

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо быть Буддой, — ответил брат Пон очень серьезно. — Но даже в этом случае, боюсь, во всех языках мира не отыщется нужных слов.

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Избавления от недостатков, свершенные в мгновение, трансформации личности, подобные удару молнии, иногда случаются, но бывает такое редко и никогда по собственной нашей воле.

Куда чаще любые попытки резко изменить себя заканчиваются срывом и разочарованием. Намеченная программа остается невыполненной, а старые привычки обретают над нами еще большую власть.

Единственный шанс их победить — действовать медленно, крохотными шажками.

Отказаться есть после шести не каждый день, а только в понедельник. Продержаться так месяц и добавить среду, потом пятницу, пока в один прекрасный момент не станет ясно, что можно прожить целую неделю, не надеясь до отвала по вечерам.

Этот метод годится для чего угодно.

* * *

Наша личность, то описание самости, которое мы нацепили на себя, на самом деле сильно ограничивает нашу свободу. Оно заставляет нас вести себя определенным образом, не дает свернуть с наезженных дорог, даже если те ведут вовсе не к сверкающим вершинам успеха.

И первый шаг по изменению ситуации — перестать это описание

поддерживать.

Для этого нужно составить список черт, с помощью которых мы (не важно, вслух или про себя) привыкли себя характеризовать — скромный, терпеливый, заботливый, невезучий, раздражительный, веселый и так далее.

Затем выделить одну, ведущую, и работать с ней минимум неделю.

Отслеживать все ее проявления, не пытаясь их подавить, и одновременно постоянно повторять утверждение, отрицающее эту черту: например, если речь идет о трусости, то нужно говорить «я смелый», если о несдержанности, то «я сдержанный».

После недели практики нужно перейти к следующей характеристике, и так далее, пока весь список не будет исчерпан.

Изменения в жизни, которые произойдут к этому моменту, окажутся воистину удивительными.

* * *

Жаловаться любят практически все.

О чем мы сообщаем знакомому, встретив его на улице и едва успев поздороваться? О том, что гад-сосед вчера ночью опять сверлил и не давал спать, что сам вчера съел что-то не то и маялся животом, а сволочи из

правительства по привычке подняли расценки на коммуналку.

А друзьям? А соседям в транспорте? А родственникам?

Пользы от этой привычки ноль, удовольствие сомнительно, а вред очевиден.

От привязанности к жалобам необходимо отказаться, причем решительно и сразу. Начать отслеживать ее проявления, и, как всякий сорняк, под ясным светом осознания она понемногу засохнет.

Глава 7. Поворот колеса

Я смотрел на брата Пона с недоверием, даже с тревогой.

— Ты не расслышал? — мягко спросил он. — Собирайся, мы едем в город.

Под «городом» имелся в виду Нонгкхай, где я в прошлый раз так опозорился. Ничего удивительного, что мне не хотелось покидать Тхам Пу, отправляться туда, где так много людей.

— Может, не надо? — промямлил я.

— Надо-надо, — монах ободряюще похлопал меня по плечу, и я с покорным вздохом отставил метлу.

Все время, пока мы шли по лесу, затем ждали на обочине, меня терзал страх. Боролся я с ним, пытаюсь сосредоточиться на текущем моменте, использовал «это не я, это не мое», но помогало слабо.

В этот раз до города нас подбросил разбитый грузовичок, набитый белозубыми работягами. Нам уступили место в кузове, и я, ежась от дурных предчувствий, прижался спиной к металлическому борту.

Закрыв глаза, выжидая, когда придет тошнота, приведет за руку друга по имени «головокружение».

Но потом мы выбрались из машины на перекрестке, и я сообразил, что чувствую себя нормально. Брат Пон, как ни в чем не бывало, затопал по тротуару, и я двинулся следом, точно робкая тень.

Навстречу попалась группа смеющихся школьников, затем пара фарангов в возрасте, и мы оказались среди людей.

Я нервно хихикнул, оценив идею заявиться в публичный дом в одеянии монаха.

— Ну что? — спросил монах, глянув на меня через плечо. — Как ты?

— Нормально, — осторожно отозвался я.

— Не хочешь блевать?

— Вроде нет.

— И не захочешь! — заявил он с таким видом, словно объявлял о суровом наказании. — Твоя пустота в достаточной степени укрепилась, разрослась, пустила корни, и от чужой полноты, всего этого шума и гама тебе может быть немного не по себе, но и только-то. Теперь ты достаточно силен, чтобы выдержать даже визит в бордель.

Я нервно хихикнул, оценив идею заявиться в публичный дом в одеянии монаха, но приободрился.

Мы заглянули на рынок, где нам накидали всякой всячины в сумки для подношений. Тут я пару раз ощутил легкую дурноту, но не испытал ничего похожего на судороги, что терзали мой организм в прошлый раз.

Затем то ли от жары, то ли от гама, но что-то случилось у меня со зрением.

Люди, сновавшие вокруг, расплылись, каждый превратился в нечто вроде кометы с плотным, яйцеобразным ядром и торчащими в разные стороны протуберанцами тусклого беловато-желтого то ли пламени, то ли дыма.

Когда это произошло, я испугался, но затем сообразил, что сквозь очертания каждого такого «небесного тела» просвечивает обычная человеческая фигура и что все прочее осталось прежним.

— Не суетись, — сказал брат Пон, от внимания которого, как обычно, не укрылось то, что творилось со мной. — Это всего лишь образы, порожденные твоим сознанием, помни об этом... ты как бы видишь сферы восприятия других в самом грубом, примитивном виде. Будь ты колдуном, смог бы извлечь из этого немалую пользу, но ты не колдун и вряд ли им станешь.

Вопросы закипели у меня на языке, как готовое сбежать молоко, но я понял, что не могу сказать ни слова.

Поэтому я просто смотрел, осознавая тот факт, что у каждой «кометы» разное число хвостов. Расцветка этих странных объектов варьировалась от чисто-белого, опалесцирующего до густо-желтого, словно мед или топленое масло, некоторые были гладкими, другие мохнатыми или с редкими шипами.

А потом все исчезло, вокруг оказались лишь торговцы и покупатели.

— А что... — начал я, и тут вопросы, миг назад переполнявшие мой разум, исчезли.

Брат Пон хмыкнул, и мы, петляя между прилавков, зашагали в сторону Меконга, тем же путем, что и в прошлый раз. На этот раз мы вышли на набережную несколько позже, побагровевшее солнце повисло над самой рекой, и на променад выбрались первые гуляющие.

— Вот смотри, — сказал монах, когда мы уселись на свободную лавочку. — Люди. Обитатели шести миров, о которых я тебе говорил... Вот самый настоящий бог.

Мимо шествовал высокий фаранг за сорок в белой рубахе и шортах, а рядом, прильнув к его руке, семенила миниатюрная и очень красивая тайка лет восемнадцати. Запястье этого типа украшал «Ролекс», другое — золотая цепочка, и все, от загара на холеной физиономии до шмоток на подружке, говорило, что денег у него куры не клюют.

— Бог? — удивился я.

— Ну да. Он не имеет проблем, только наслаждается жизнью. А вон голодный дух...

Таец, вышедший из переулка напротив, был сутул, оборван и глядел исподлобья. Опухшая физиономия намекала, что он закладывает за воротник, но если обычно у местных алкашей вид благостный и спокойный, то этот казался разозленным на весь мир.

— А вот животное... — брат Пон указал на молодую женщину, ведущую ребенка.

Я хотел было возмутиться, поспорить, но тут она посмотрела в нашу сторону, и я осекся — в ее взгляде читалась гордость самки за детеныша, желание защитить его, обогреть и накормить.

Никаких признаков разума, ничего собственно человеческого.

Мимо нас проехал на велосипеде «полубог», живущий благополучно, но склонный к постоянной войне с конкурентами, проковылял больной раком, обитающий в настоящем аду, несмотря на то что он находился в том же городе, что и мы.

— А человека ты каждый день видишь в зеркале, — сказал брат Пон.

— Ну не каждый, — возразил я, поскольку сей предмет мне выдавали дважды в неделю, чтобы я мог побрить лицо и голову. — То есть шесть миров, от небес и до преисподней, существуют лишь в нашем сознании?

— Это верно.

— Но ведь вы говорили, что они есть на самом деле, в них можно воплотиться?

— И это тоже верно.

— Но как же на самом деле? — я почувствовал себя сбитым с толку.

— И так, и так, — монах посмотрел на меня насмешливо. — И то и другое — правда. Понимаешь, единственная окончательная истина состоит в том, что нет никаких окончательных истин. Любой взгляд на реальность имеет право на существование.

— Даже самый глупый и нелепый?

— А что такое «глупость» и «нелепость», как не оценки, вынесенные нашим разумом? Существуют ли эти явления, качества где-то за его пределами? Покажи мне их! — последняя фраза прозвучала как требование.

Естественно, что такого задания я выполнить не мог.

— Мы сами выдумываем описание, некие правила, по которым оно функционирует, и живем внутри, называя это миром. И эти правила, порожденные на самом деле нашим сознанием, становятся для нас непреложными законами, и их мы не можем нарушить, поскольку считаем объективными. Но единственное реально функционирующее правило... Ну же, думай!

— То, что нет никаких правил? — предположил я, и мы в унисон засмеялись.

Топор с хрустом вонзился в основание ствола, и дерево начало медленно падать. Слегка подтолкнув его, я дождался, пока оно свалится, и принялся по одной, без спешки обрубать ветви, начиная с самых толстых.

Зачем брату Пону понадобилось бревно, я не знал, да и знать не хотел.

Но если меня отправили за ним, значит, так нужно.

Покончив с сучьями, я распрямился и собрался было вытереть покрытый потом лоб...

Покончив с сучьями, я распрямился и собрался было вытереть покрытый потом лоб. Но, забыв о нем, замер, недоверчиво уставился туда, где перед пышным кустом, глядя на меня выпученными буркалами цвета свежей зелени, стоял раскоряченный невысокий человек с шишками и наростами на лысой голове, со смуглой кожей и в набедренной повязке, под которой угадывалось нечто откровенно неприличных размеров.

— Са ват ди кхрап, — поздоровался я на всякий случай по-тайски.

Человек оскалился, показав черные острые зубы, при виде которых я вздрогнул, и зашипел, как змея. Я крепче сжал рукоять топора — не пришлось бы защищаться, если этот урод, словно явившийся из голливудского фильма, имеет агрессивные намерения.

Но лысый обладатель набедренной повязки враскачку заковылял в

сторону, и его облик начал меняться — на голове сверкнуло нечто похожее на золотую диадему, в руках оказался большой горшок из глины, тело будто вспучилось множеством корней, норовящих порвать кожу.

А потом он исчез, словно ушел в землю.

— Эй? — позвал я, оглядываясь.

Страху особого я не испытывал, лишь удивление и недоверие — скорее всего, это мне привиделось, не могут же подобные существа и в самом деле обитать в тайских лесах, да еще и в таком банальном месте, как окрестности Нонгкхая.

Хотя где-то не так далеко я чуть не столкнулся с тигром...

Осмотревшись еще раз и убедившись, что лес пустынен, я взвалил бревно на плечо и зашагал в сторону вата. Сгрузив его там, где было велено, я выждал, пока брат Пон одобрительно кивнет, и только потом рассказал, что видел.

— Эка невидаль, — заметил монах. — Ну, встретил ты кумбханда, и ладно.

— А разве они существуют? — спросил я и только потом осознал всю нелепость такого вопроса. — Я думал, что это подземные карлики такие, они служат кому-то из богов и стерегут всякие сокровища.

Когда-то давно, еще в детстве читал книжку, посвященную индийской мифологии, и кое-что запомнил.

— А ты сам-то существуешь? — поинтересовался монах самым ехидным тоном. — Поразмысли-ка над этим. Но потом. Сейчас же нас ждет очень важное и серьезное дело.

Он повел меня к реке, и мы спустились к мосткам, туда, где стирали белье и ловили раков. Там обнаружился один из подручных брата Пона, сидевший на корточках и державший веревку, которая уходила в воду.

Дождавшись приказа, он потянул за нее, и на поверхность вынырнуло нечто черное, бугристое.

Через мгновение я осознал, что это труп теленка: выклеванный птицами глаз, кишачая белыми жирными червями гнилая плоть, смрад, буквально сшибающий с ног. Отступив на шаг, я зажал рот ладонью.

— Смотри! Не отрывайся! — голос брата Пона хлестнул, словно кнут. — Вот она! Судьба, что ждет каждого из нас! И тебя тоже!

— Где вы это взяли? — спросил я, справившись с тошнотой.

— Река принесла, — вид у монаха был самый деловой. — Грех было не использовать. Представь, что тело, которое ты полагаешь своим, прекрасное и сильное, через не такой уж и долгий отрезок времени будет выглядеть так же, и еще хуже.

Я содрогнулся.

— Почему это кажется тебе страшным и отвратительным? Ведь это просто мясо? Большой кусок тухлятины. Ты же, увидев его, трясешься и едва не падаешь в обморок! Почему? — задавая такие вопросы, брат Пон напоминал инквизитора, в лапы которому попал нераскаянный еретик.

— Ну как же, оно же... — пробормотал я, будучи не в силах отвести взгляд от мерзкого зрелища.

Меня по-прежнему поташнивало, озноб пробегал по спине.

— Так же в точности стали выглядеть величайшие правители мировой истории, чье могущество приводило в трепет континенты — Александр, Чингисхан, Наполеон, Сталин... — познания в истории у моего собеседника были удивительно обширными для тайского монаха, но имена он коверкал нещадно. — Смерть ждет даже таких, как они. Нечего и говорить об обычных людях.

Он говорил нараспев, монотонно и настойчиво.

— И если ты считаешь себя единственным хозяином твоего тела, то ты заблуждаешься. Уже сейчас в нем живут разного вида черви и прочие создания, слишком маленькие, чтобы их можно было разглядеть, а когда ты умрешь, они целиком захватят труп...

— Хватит, — выдавил я, пытаюсь зажмуриться и не находя в себе сил для этого.

— Ты ведь умираешь прямо сейчас, — доверительно сообщил брат Пон, не обращая внимания на мое бурчание. — Начал двигаться к гибели с того момента, как родился. Ничто не в состоянии остановить этот процесс, как ничто не может затормозить скользящее по небу солнце...

Тут я не выдержал, отвернулся и начал блевать прямо в воду.

Меня по-прежнему поташнивало, озноб пробегал по спине, а перед глазами стоял мертвый теленок. Мы сидели под навесом, и брат Пон разглядывал меня с интересом, задумчиво потирая подбородок.

— Очень полезная штука — созерцание трупа, — сказал он,

наконец. — Намного лучше было бы показать тебе свежее человеческое тело, но где его возьмешь в нашем захолустье? Если же разорить ближайшее кладбище, то полиция наведается к нам еще раз и уедет не с пустыми руками.

И монах захихикал, глядя, как я сражаюсь с рвотными позывами.

— Помнишь, я говорил тебе об описаниях? — спросил он, дождавшись, пока я утру со лба холодный пот.

— Да, помню.

— Причина того, что ты так реагируешь на труп, заключена в одном из описаний, спрятанном внутри твоей головы. Оно гласит: «Мертвый — это ужасно и омерзительно», хотя на самом деле это всего лишь кусок плоти, куда менее опасный, чем любое живое создание. Ну да, не очень приятный для наших органов чувств, но так и что с того? Попробуй взглянуть на него, оставив в сторону описание...

И брат Пон взял меня за локоть.

Я вновь оказался на берегу, смотрел на теленка в мутной воде Меконга, прекрасно осознавал, что это, но при этом не испытывал ни страха, ни отвращения, лишь нежелание до него дотронуться.

Я моргнул, и видение исчезло.

— Понимаешь? — спросил монах. — И все эти описания, вложенные в нас нами же самими с подачи родителей, воспитателей, учителей, просто старших, являются препятствиями на пути к свободе. Они искажают наше восприятие, заставляют нас видеть вещи определенным, жестко установленным образом, а иногда не видеть их вовсе. Например, кумбхандов не существует — говорило тебе твое описание, и ты в это верил до сегодняшнего дня и не замечал, даже когда сталкивался с ними нос к носу.

— А я сталкивался?

— Наверняка. Как и с другими необычными существами, что живут рядом с нами. Только их не видел, поскольку их нет.

Я вспомнил лопухого мальчишку, приятеля детства, говорившего, что в заросшем овраге, отделявшем наш микрорайон от соседнего, живет водяной: мы над ним смеялись, а может быть, и зря, может, он в самом деле замечал нечто, недоступное другим?

— То, чем мы тут с тобой занимаемся, расшатало твою систему описаний, — продолжил брат Пон. — В ней появились трещины, прорехи, местами она рассыпалась. Уничтожить ее полностью ты сможешь только сам... Как?.. Ты знаешь ответ.

— Нужно выучиться замечать эти описания? — предположил я.

— Именно. Только осознание способно лишить их силы, а потом и уничтожить, — сказав это, монах замер, прикрыв глаза, то ли борясь с приступом боли, то ли погрузившись в размышления.

Поскольку он меня не отпустил, я сидел, размышляя о тех описаниях, что управляют моей жизнью. Всплывала какая-то ерунда — не мешай кипяченую воду с некипяченой; от мальчишек с Заречки нужно держаться подальше, ведь они воняют; всего можно добиться своими руками; мертвые заразны... кто-то из родственников это сказал, когда я был на похоронах бабушки.

Надо же, я тогда намертво забыл этот эпизод, а сейчас вспомнил.

Неужели именно он в конечном итоге вызвал то отвращение, что скрутило меня при виде теленка?

— Да, удивительно, до какой степени ты до сих пор отождествляешь себя с телом, — брат Пон вновь открыл глаза и смотрел на меня. — Хотя это для тебя нехарактерно. Существует на самом деле пять типов людей в зависимости от того, кем они в большей степени себя видят... Первый — это полагающие себя мускулами, костями и жилами. Второй — кто считает себя чувствами и эмоциями, третий — отождествляющие себя с потоком мыслей, четвертый — растворяющие себя в потоке событий, и пятый, который встречается очень редко, — те, кто завязан на осознание.

— И к какому принадлежу я?

— А ты как считаешь?

Я задумался.

Тело меня всегда интересовало постольку поскольку, хотя я знал людей, на нем помешанных: качков, «стилистов» по жизни. Эмоциональных персон, особенно среди женщин, тоже встречал немало — «ах, я вся в чувствах, в волнениях», но сам к ним не принадлежал.

Рассудок — я то, что я думаю? Интеллектуалы...

События — я то, что со мной происходит?

Или осознание — я то, что я осознаю?

— Разум, — предположил я.

Брат Пон кивнул:

— Да, так и есть. У каждого типа людей свои сильные стороны и особые слабости. Каждому приходится одолевать свои препятствия на дороге мудрости, хотя есть и общие. Смотри, с этого момента ты сконцентрируешься на своих эмоциях, будешь сосредотачиваться на них, не отстраняться, чему ты неплохо выучился, а проживать с максимальной полнотой.

Тело меня интересовало по-
стольку поскольку, но я знал
людей, на нем помешанных.

— Зачем?

— Это ты узнаешь несколько позже. Так тебе предстоит жить несколько дней. Естественно, про «это не я, это не мое» на этот срок придется забыть. Все понятно? — дождавшись моего кивка, монах закончил: — Тогда приступай. И шагай, помоги братьям. Нужно вырубить кустарник за храмом...

И весь этот день, орудуя топором или работая над одним из деревянных бодхисаттв, жуя рис или отмывая посуду, я старался обращать внимание на собственные эмоции. Обычно я их просто не замечал, если они не становились излишне назойливыми, а тут ловил малейшие признаки раздражения, печали, радости, эстетического удовольствия или отвращения.

Позволял им преувеличенно раздуваться, как парусу под ветром.

Это оказалось утомительным, но в то же время и интересным — я словно плыл в потоке, температура которого постоянно менялась, и разные течения волокнили меня в противоположных направлениях. Со дна души вздымались глубинные порывы, напоминавшие прорвавшиеся ключи, а по поверхности ходили волны сиюминутных эмоций.

Последние крупички алого порошка ссыпались с моей ладони.

Я вздохнул, отряхнул руки и только затем позволил себе оглядеть колесо судьбы: чудовище цвета крови держало в зубах огромный круг, по его внешнему ободу бежали двенадцать символов цепи взаимозависимого происхождения, внутри маячили шесть миров и животные, обозначающие три главных аффекта.

Неужели все, я закончил?

Или прямо сейчас произойдет нечто и все труды пойдут насмарку?

Я вскинул голову — нет, небо оставалось чистым, без намека на дождь, обезьяны, судя по воплям, резвились где-то далеко, диких свиней, что порой бродили в окрестностях вата, слышно не было.

А значит, можно позвать брата Пона.

Тот оглядел мое творение с бесстрастным видом.

— Ну как? — спросил я, не скрывая нетерпения, ощущая почти щенячий восторг, желание подскочить и завопить от радости, как могут позволить себе только дети или сумасшедшие.

— Достойно, — сказал монах. — Колесо готово. Теперь его нужно повернуть.

— Что? — экстаз затух, на меня словно вылили ведро холодной воды.

— Это всего лишь рисунок, и ты должен вдохнуть в него энергию, — терпеливо объяснил брат Пон. — Заставить двигаться, ну, если хочешь, конечно, чтобы жизнь твоя радикально изменилась.

— И как?

— Садись и созерцай точно так же, как ты созерцал дерево, пусть бхавачакра войдет в твое сознание, заполнит его до пределов, отпечатается там глубже, чем в этой почве. Запомни ее до малейшего штриха, оттенка цвета, бугорка на поверхности, расширения линии.

По собственному опыту я знал, что на подобное уйдет не меньше недели.

Но поскольку деваться было некуда, я покорно уселся и принялся разглядывать диаграмму. Монах некоторое время постоял у меня за спиной, а потом удалился, нарочито хрустя ветками.

Я водил глазами по фрагментам рисунка, отмечал детали — один глаз у змеи больше другого, горшок в руках горшечника кривой и покрыт трещинами, на крыше одного из божественных дворцов виднеются дыры...

Да что я за неумеха такой? Как мог допустить столько ошибок?!

Разочарование в себе накрыло меня, точно плотное, душное одеяло, солнечный свет померк. Я из последних сил уцепился за осознание того, что это всего лишь эмоция, что она сейчас пройдет.

Волна отхлынула, и я обнаружил себя задыхающимся от схлынувших эмоций.

Но едва я справился с ней, как отчаяние тараном ударило в солнечное сплетение: ничего у меня не выйдет, как можно чего-то добиться, сидя в лесу со свихнувшимися монахами?

Потом волна отхлынула, и я обнаружил себя задыхающимся, трясущимся от схлынувших эмоций.

Вторая попытка сосредоточиться закончилась тем, что я залюбовался переливом цвета в линиях колеса судьбы и гуляющими по нему тенями веток и листьев, которые нещадно качало ветром. Я попытался задавить эти чувства, но вспомнил инструкции брата Пона и отказался от этой затеи.

Промучился до вечера, но до нужной степени концентрации так и не добрался.

— Эмоции мешают мне работать с колесом судьбы, — пожаловался я, вернувшись в Тхам Пу. — Ничего не получается сделать, я просто себя не контролирую, меня словно ветром несет.

— Какие нехорошие эмоции, — монах покачал головой. — Ну что же... Отставь их в сторону и отождестви себя на несколько дней со своим телом, с его болями и радостями, с каплями пота, что щекочат брови, движением кала в кишечнике, с надутым мочевым пузырем и вспухающими прыщами.

Несмотря на, мягко говоря, не романтический текст, в его устах это прозвучало как поэма.

И я стал потоком физических ощущений.

Я замечал, когда начинала чесаться левая пятка, и отслеживал появление заусенца на пальце. Банальный поход в туалет приносил мне колоссальный объем впечатлений, а запахи, которых в джунглях много, порой едва не сбивали с ног, такими сильными они стали.

Но когда со всем этим я попытался сосредоточиться на бхавачакре, дело вновь не пошло. Полчаса я убил на то, чтобы отвлечься от того, что один из шейных позвонков чувствует себя некомфортно, затем постарался сесть так, чтобы ягодичы не посылали в мозг сигналов тревоги.

Это оказалось неожиданно трудной задачей.

А уж когда меня укусил комар, выбрав участок между пальцами на ноге, то я едва с ума не сошел от зуда.

В этот день я ничего не стал говорить брату Пону, хотя по ехидству, скользившему в его черных глазах, мог догадаться, что он все замечает. Сказал, что ничего не выходит, лишь следующим вечером, когда стало окончательно ясно, что в таком состоянии мне ничего не добиться.

— Великолепно, — заявил монах, точно я доложил об успехе. — Будь мыслями. Оседлай свой любимый поток разума и позволь ему вести тебя туда, куда ты захочешь. Вперед.

Я приободрился, но как стало ясно вскоре, совершенно зря.

Размышления, которым я давал волю, уводили меня в разных, иногда весьма причудливых направлениях. Я раздумывал о том, каким образом была изготовлена одежда, в которой хожу я и прочие обитатели вата, каким юридическим статусом обладает наше святилище, что за виды растений

можно найти в джунглях и насколько местные леса похожи на чащобы Заира и Бразилии.

Остановить цепочку мыслей я, следуя указаниям брата Пона, не мог, и приходилось ждать, пока она совершенно не иссякала. Но ее место тут же занимала другая, такая же длинная и утомительная, и в покое мой разум если и пребывал, то какие-то мгновения.

Утомляло все это больше, чем поход с ведрами к источнику.

Когда я в очередной раз явился к монаху, собираясь рассказать, что ничего не выходит, он встретил меня сияющей улыбкой.

— И это тебе не нравится? — спросил он, хмурясь с преувеличенной заботливостью. — Попробуем тогда кое-что еще, а именно события...

— Но ведь со мной ничего не происходит! — возразил я.

— А ты уверен? — поинтересовался брат Пон. — Что ты считаешь событием?

— Ну... нечто яркое, такое... значительное...

— И много ли яркого и значительного было в той жизни, которую ты вел до приезда сюда?

Я задумался — можно ли считать событием поездку на пикник на Ко Лан, когда один тип из нашей компании чуть не утонул? или скучнейшую деловую встречу в Бангкоке, когда пришлось два часа выслушивать приторные любезности от тайских партнеров, испытывая желание вцепиться им в глотку? или драку в баре на Самете?

— Событие — это фрагмент хаотического потока жизни, который ты и только ты наделяешь значимостью, — мягко сказал брат Пон. — Им может быть дуновение ветра. Улыбка собеседника. И им может не стать визит в королевский дворец или ночь секса. Понимаешь?

О да, это я понимал очень хорошо.

— Но все равно, их же не очень много здесь...

— Так разве это плохо? — удивился монах. — Ты наконец справишься с бхавачакрой!

Как быстро выяснилось, он издевался.

Этот поток захватывал внимание не слабее, чем мысли, эмоции или телесные ощущения, хотя проявлялось это иначе. Проблема состояла в том, что я не мог наделить той самой значимостью созерцание колеса судьбы, а отвлекался на всякую ерунду вроде упавшей рядом веточки, пролетевшей над кронами хищной птицы или драки пары крупных жуков, что встретились у меня под боком.

Никогда бы не подумал, что могу считать это событиями!

— Остается сознание, — решительно заявил брат Пон, стоило мне отчитаться о новом провале.

— Но вы так мне и не объяснили, что это такое!

— Это то, что осознает тело, чувства, разум, события, то, что общее для этих вещей. Чтобы сосредоточиться на этой штуке, тебе придется сначала ее поймать, а это не проще, чем ухватить за хвост змею.

Я почесал висок, пытаюсь сообразить, как действовать.

— Начни с осознания того, что ты ощущаешь, думаешь, переживаешь, делаешь, — посоветовал монах. — Каждый из этих феноменов имеет свое осознание, ступеньку к общему, комплексному, единому, наблюдающему за всем одновременно.

— Но не является ли то, о чем мы говорим, душой?

— Нет, поскольку оно распадается в момент смерти.

Обычный мир тут же превратился в яркое, медленно вращающееся колесо.

Сначала я не знал, за что взяться, и некоторое время пытался ухватить «осознание», разглядеть его за всем тем, что составляло внешнюю оболочку моего восприятия. Но затем случился прорыв, я осознал, что нечто, осуществляющее практику «схватывания», и есть искомый объект!

Обычный мир тут же превратился в яркое, медленно вращающееся колесо из сотен меняющихся обрывков чувственных данных, мыслей, воспоминаний, событийных схем. Не выходя из этого состояния, я отправился к спрятанному в джунглях чертежу, надеясь, что в этот-то раз с ним справлюсь.

Но подчеркнутое осознание стало препятствием еще большим, чем все остальное. Вскоре я сообразил, что раньше акцентировал не столько отдельные «потoki» моего существа, сколько их осознание, а теперь пытаюсь ухватить их единство, точно дровосек, вцепившийся в слишком большую охапку сучьев!

И под такой тяжестью я не мог не надорваться.

К брату Пону я пришел даже не в отчаянии, а в полном опустошении, какой-то оцепеневший.

— Ну что? — поинтересовался он. — Хотя можешь не отвечать, я все и

так вижу. Понимаешь ли теперь, почему я заставил тебя этим заниматься?

Я собрался было сообщить, что не имею ни малейшего представления, но замер и напрягся, поскольку по самому краешку разума проскользнула некая интересная мысль...

— Ни один из пяти потоков не является мной, — проговорил я с усилием, пытаюсь оформить догадку в слова. — Все они нечто внешнее, даже осознание, поскольку я могу... Можно от него отвлечься, посмотреть со стороны... А на себя со стороны не взглянешь!

— Еще можно добавить, что все они пусты, лишены истинного существования, лишь отражения твоего восприятия на той реальности, что окружает нас подобно исполинскому зеркалу.

Несколько мгновений я понимал, о чем он говорит, но затем догадка ушла, растворилась в суматошном колыпании мыслей.

— Теперь иди и созерцай бхавачакру в обычном своем состоянии, — сказал брат Пон. — И поторопись, времени осталось немного... рисунок уже начал понемногу оплывать...

Я вернулся к колесу судьбы тем же вечером и занялся обычной медитацией. Отдельные сегменты запали в память почти тут же, вплоть до малейших деталей, зато другие по непонятной причине я не мог запомнить, как ни старался.

И только на следующий день, проведя в джунглях много часов, я понял, что близок к успеху.

Закрыв глаза, я мог вообразить бхавачакру в подробностях, увеличить каждый из ее фрагментов, оценить цвет, глубину и толщину линий. Мелкие огрехи меня теперь совершенно не трогали, хотя я видел их все, вплоть до тех, что появились за последние дни, после того как я закончил работу.

Иногда мне начинало казаться, что колесо вращается, и я вместе с ним, но всякий раз это движение прекращалось мгновенно, стоило мне лишь сосредоточить на нем внимание.

Можно ли это считать «поворотом», которого хотел от меня брат Пон?

Меня терзали сомнения, и я решил пока не рапортовать об успехе, а продолжить созерцание на следующий день. Утром, покончив с делами, я отправился в джунгли, а когда добрался до бхавачакры, замер в ошеломлении, будучи не в силах понять, что же с ней не так.

Три рисунка внутреннего круга на месте, шесть миров, двенадцать звеньев...

Но почему слева, в точке, откуда я начинал рисовать, не слепец, а свисающая с ветки обезьяна? И свинья глядит не вверх, как должно быть, если смотреть с моего места, а вправо? Обитатели богов съехали вниз, а ады,

изображенные мной в виде океана пламени с корчащимися в нем грешниками, оказались вверху?

Слишком много времени провел я, тарашась на колесо судьбы, и не мог ошибиться!

Изумление перешло в восторг,
тот сменился недоверием,
и вновь накатила радость.

Кто-то подобрался сюда в ночной тьме и перерисовал все?!

Невозможно!

Я подошел к бхавачакре и, опустившись на колени, провел пальцем по одной из канавок. Потом закрыл глаза и сравнил то, что видел сейчас, с хранящимся в памяти отпечатком.

Все дефекты остались на своих местах, это было то же самое колесо...

Но повернувшееся, причем каждый из кругов — по-разному!

Изумление мое перешло в восторг, тот сменился недоверием, и вновь накатила радость... Нет, похоже, что я, сам не зная как, все же выполнил задание брата Пона, привел бхавачакру в движение!

Монах внимательно оглядел рисунок, а затем кивнул.

— Да, ты справился, — сказал он просто.

— Но как такое возможно?

— Ты изменился, и окружающий мир тут же отреагировал на это, стал другим, — пояснил брат Пон. — Для того, кто постиг природу пустоты и обрел истину, подобные события в порядке вещей, ведь все на самом деле текуче и пластично, а мертвой и застывшей вселенную делает лишь наше закабаленное иллюзиями сознание.

— Но я не замечаю в себе никаких особенных изменений, — мрачно сообщил я и ничуть не покривил душой — мне искренне казалось, что я остался таким же, как и в тот день, когда пришел в Тхам Пу.

— Это лишь из-за недостатка наблюдательности, — хмыкнул брат Пон. — Смотри. Алчность больше не имеет над тобой той власти, какой она владела ранее. Невежество развеяно теми обширными знаниями, что ты приобрел здесь, не просто сидя на заднице и слушая мои мудрые

речения или читая занудные книжки, а проверяя все на практике, в деле. Ненависть побеждена не до конца, но все равно ослаблена в значительной степени. Неужели этого мало?

— Это вещи совсем отвлеченные... — пробормотал я.

— А ты чего хотел — научиться ходить по воде, левитировать или превращать воду в вино? — брат Пон рассмеялся. — Это на самом деле не чудеса, а бессмысленная чепуха. Трансформация человека, очищение его сознания, обретение всех сокровищ мироздания — вот истинное чудо.

Звучало это красиво, но я все равно ощущал смутное недовольство.

— Пойдем дальше, — монах не собирался останавливаться. — Кое-что ты потерял. Обрел гораздо большее. Для начала — веру. Не в Бога или в какое-то учение, а в себя. Устойчивую способность поддерживать себя на пути к истине, что позволит тебе не сбиться с него даже без моих или еще чьих-то наставлений. Выработал прилежание, умение практиковать вещи, которые не несут быстрого удовольствия или материальных благ.

Ну да, тут он был прав — тот, прежний я, несмотря на все упорство, никогда бы не стал тратить часы на физическую работу без оплаты, на какие-то мутные упражнения и медитации.

— В-третьих, ты приступил к изучению гибкости, готовности действовать в любых обстоятельствах. Ты сбросил ярмо косности, начал расшатывать цепи привычек, описаний и эмоциональных зажимов.

Тут я осознал, почему в Тхам Пу не придерживались распорядка: то одна трапеза, то две, то вообще ничего, и всегда в разное время, как и подъем, как и все прочие дела, от стирки и уборки до служб в храме. В таких условиях нет шанса возникнуть новым привычкам, а старые, если и не разрушатся сами по себе, то значительно ослабнут.

Первое время это доставляло мне неудобство, но затем я привык.

— В-четвертых, ты ощутил пробуждение невозмутимости, того состояния, что исключает воздействие аффектов на твои поступки. В-пятых, приобрел скромность, ту самую, о которой раньше не имел представления — умение не выпячивать при каждом удобном случае свою личность. Как можно хвастаться тем и превозносить то, чего нет?

Насчет последнего у меня имелись сомнения, но я решил их оставить при себе.

— И последнее — ты пробудил энергию, ту выносливость, что позволит тебе выполнить все поставленные перед тобой задачи. Здесь, в глуши, ее трудно заметить. Вернешься к людям, осознаешь, о чем я говорю.

— А я вернусь? — спросил я.

— Да, обязательно, — брат Пон похлопал меня по плечу и подмигнул. — Скоро уже. Ты добился потрясающих успехов, особенно учитывая срок, в который мы уложились. Обычно, чтобы достичь подобного, ученику требуется несколько лет упорных занятий.

— А много у вас было учеников? — повторил я любимый вопрос.

— Достаточно. Я подобен лодочнику — перевожу людей на другой берег по одному. Кто-то распространяет учение по всему миру, наставляет народы, кто-то проповедует в больших храмах, ну а мне суждено действовать вот так...

Мне показалось, что в этих словах брата Пона мелькнула печаль.

Да и упоминание о том, что мне вскоре предстоит отправиться в обычный мир, не вызвало радости: в повседневную суету, к круговороту проблем и заурядных людей меня совсем не тянуло.

Я даже скорее боялся туда возвращаться!

— А сейчас нам нужно закончить твою работу с колесом судьбы, — сказал монах. — Бери палку.

— Какую?

— Да любую, — и, дождавшись, пока я подберу крепкую дубину, он распорядился: — Вскопай тут все так, чтобы и следа не осталось.

— Но как же... я же... она же... — от изумления я не мог найти слов.

Брат Пон глянул на меня с подчеркнутым удивлением.

— Она теперь внутри тебя, ты забыл? — спросил он. — И там она сохранится навечно. Здесь же — до первого сильного дождя, а до него осталось не так много, недели две-три.

Монах был прав, и все равно мне не хотелось разрушать то, что я создал своими руками, на что потратил столько времени, что дважды начинал заново и бесчисленное количество раз переделывал.

Но деваться было некуда, и я с рычанием вонзил палку в землю, повел борозду поперек рисунка, уничтожая хватающего плоды человека, внося хаос в мир голодных духов и стирая хвост змеи.

Ликвидация бхавачакры оставила в душе пустоту, нечто вроде дупла от только что вырванного зуба.

В повседневную суету, к круговороту проблем и заурядных людей меня не тянуло...

А на следующее утро напомнили о себе «тени прошлого», что не являлись очень давно. Нет, в этот раз меня не захватила чужая личность, я не перестал осознавать себя самим собой, просто в обычный поток мыслей начали вторгаться видения, необычайно яркие и живые.

Горы, кое-где покрытые лесом, за ними другие, более высокие, заснеженные...

Озерцо и жилище на его берегу, добротное строение из мощных бревен...

Старик, украшенный длинной белой бородой, в халате, увешанном фигурками животных, людей и фантастических существ вроде единорогов и драконов из кости, олова, черного камня, с длинным посохом, на раздвоенной верхушке которого брякали колокольчики.

И я, исполнявший приказы старика, лазавший по зарослям и скалам в поисках редких трав, растиравший в ступке разные порошки, вдыхавший ядовитый разноцветный дым от маленькой печи.

И он наставлял меня, этот старик...

Тому, как достичь истинного бессмертия, отринуть участь «рожденного на земле», сбросить оковы, что привязывают нас к плоти, достичь того состояния, которое он называл Дворцом Небесных Наставников, выплавить внутри себя некий «зародыш», что будет неподвластен старению и гибели.

И все это очень напоминало ту «науку», которой меня обучали в Тхам Пу.

Видения являлись без приглашения, отвлекали, сбивали с толку в самый ненужный момент, уничтожали концентрацию, так что к вечеру я не выдержал и поведал о них брату Пону.

— Какая-то ерунда, — сказал я с унынием. — Я тогда просидел в горах всю жизнь... Терпел, пахал, как вол, пока сам не обзавелся седой бородой, а потом умер и снова явился в этот мир полным невеждой? Не выйдет ли так же и в этот раз? Что толку от учения? Смерть заберет меня, и через какое-то время родится младенец, такой же глупый, как остальные...

Монах посмотрел на меня с интересом, его черные глаза сверкнули.

— Начнем с того, что никакое усилие не пропадает зря, — веско заявил он. — Особенно если это усилие, приложенное на пути к освобождению. Да, мы забываем. Оставляем память и достижения прошлого, и это чистое благо, как ты уже мог убедиться. Что же до остального — без той совокупности прошлых деяний, которой ты обладаешь, ты бы не имел шансов встретить в этом существовании меня или кого-то подобного мне. Подумай над тем, что факт нашего столкновения на автовокзале — доказательство факта, что ты накопил изрядное количество того, что древние именовали «белой кармой».

— Но ведь я тогда...

— Во-первых, это был не ты, — перебил меня брат Пон. — Это ты обязан помнить. Кроме того, как я не раз говорил, смысла в обсуждении прошлого очень мало, поскольку его не существует более, и единственная реальность, к которой мы имеем доступ, это настоящее.

— Но что делать с видениями? Или они сами пройдут? — спросил я, понимая, что посмаковать детали того, что я воспринимал как свою прошлую жизнь, мне не дадут. — Мешают же...

— Ну, в этой ситуации нужно тебе помочь, — он задумчиво потер подбородок. — Именно сейчас, после поворота колеса, ты особенно уязвим, и поддержка со стороны не помешает.

— Садись, — велел брат Пон.
— Сейчас мы будем бросать
якорь в настоящем.

И он повел меня на берег реки.

По тропке, ведущей к Меконгу, мы спускались в полной темноте, так что я несколько раз споткнулся и едва не упал, хотя брат Пон скользил впереди, точно вовсе не имел ног.

Я ни разу не был здесь после захода солнца, и все выглядело чужим, странным: мутная гладь реки, огоньки на другом берегу, слабое зарево там, где находился Вьентьян, столица Лаоса, шорох прибрежных зарослей, всплески и бульканье, долетавшие с разных сторон.

— Садись, — велел брат Пон. — Сейчас мы будем бросать якорь в настоящем.

— Это ритуал такой?

— Можешь назвать и так, — он усмехнулся. — Хотя богов и демонов звать не будем. Обойдемся собственными силами.

Я уселся, скрестив ноги.

— Обычный человек большую часть времени погружен в дремоту, — сказал монах. — Грезы его либо о прошлом, и не надо никаких других жизней, чтобы их было достаточно, либо о будущем... Лишь на краткие мгновения он просыпается, чтобы взглянуть на настоящее, ощутить его вкус... А ну очнись! — последнюю фразу он проорал, и на плечи мне обрушился удар бамбуковой палки.

В первый момент я задохнулся — не столько от боли, сколько от неожиданности.

Мелькнула мысль, что брат Пон сошел с ума, но я отогнал ее еще до того, как получил второй удар, еще более болезненный, от которого содрогнулось все мое тело от пяток до макушки.

А затем мне стало легко-легко, будто я сбросил со спины тяжелый груз, восприятие невероятно обострилось. Другой берег словно придвинулся, я мог различить очертания домов там, где ранее видел лишь черноту, шорох ветра распался на отдельные ритмичные «вздохи».

Столько запахов я не ощущал никогда в жизни, и не все я мог описать, не всем мог дать название!

— Что, не хочется ударить в ответ? — поинтересовался брат Пон.

— Нет, — ответил я и после короткой паузы добавил: — Спасибо.

— Я не всегда буду рядом с тобой, как и этот священный инструмент просветления, — монах продемонстрировал мне палку. — Так что ты держись за этот якорь сам, покрепче. Запомни, что единственный момент, когда можно изменить себя, находится в сейчас.

Он дал мне еще некоторое время посидеть на берегу, а затем похлопал по плечу, намекая, что надо идти.

И в этот раз на погруженной во тьму тропе я ни разу не споткнулся.

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Нашу жизнь во многом определяют неписанные правила, описания, большей частью вложенные нам в голову в детстве. Они устанавливают, как мы будем воспринимать то или другое явление и заметим ли его вообще, они говорят нам, как нужно оценивать то и это, как можно реагировать.

Проще говоря, они лишают нас свободы.

Первый шаг на пути к избавлению от тирании этих правил — осознать их наличие. Заметить моменты, в которых мы действуем, исходя не из

разумных побуждений, а из некой иррациональной веры, что это правильно, а это нет, это хорошо, а это совсем плохо. Запрещаем себе смотреть на что-то, заниматься каким-то делом и так далее...

Начинать будет сложно, поскольку описания давно стали частью нас, но стоит только отделить их от себя, как дело пойдет легче.

* * *

Человеческое существо состоит из пяти компонентов: телесных ощущений, эмоций, мыслей, событий и осознания. Каждый из этих феноменов представляет собой никогда не останавливающийся нестабильный поток.

Обычно человек отождествляет себя с одним из них, считает, что он — это его чувства, или рассудок, или тело, или то, что он делает; каждая из этих позиций делает восприятие негибким, создает фальшивую фиксацию, привязку, затемняющую истинное видение себя и мира.

Ослабить ее можно, намеренно акцентируя каждый из потоков.

Несколько дней (до недели) нужно прожить, сосредотачиваясь исключительно на телесном восприятии, погрузиться в тактильные ощущения, запахи, вкусы, звуки, процессы внутри организма.

Затем на тот же срок нырнуть в поток эмоций, выделяя каждую из них и проживая с максимальной полнотой.

Потом — наблюдать поток мыслей, усиливать его, не пресекать ни одну из них.

Стать исключительно событиями, тем, что ты делаешь сам и что с тобой творится, ловить шаблоны, по которым все происходит, осознавать структуры и последовательности.

И финальный этап — поймать осознание, что прячется за предыдущими четырьмя потоками и на самом деле их формирует, и смотреть на мир его глазами те же несколько дней.

После такой практики восприятие себя, а значит, и поведение, и мир вокруг кардинальным образом изменятся.

* * *

Обычный человек большую часть времени спит, крепко-крепко, и осознает происходящее с трудом. Снится ему либо будущее, о котором он мечтает или которого хочет избежать, либо прошлое, о котором он вспоминает с удовольствием либо сожалеет.

Настоящее, единственная реальность, в которой мы живем, остается где-то на грани восприятия.

Жизнь время от времени пытается разбудить нас, создавая болезненные и жесткие встряски. Но не лучше ли пробудить себя самостоятельно, бросить якорь в настоящем и вцепиться в него изо всех сил, не дожидаясь, пока движения кармы обрушатся подобно удару палки?

Только бодрствуя, можно достичь свободы.

Глава 8. Скелеты в гостях

После долгого перерыва я возобновил созерцание дерева.

Как заявил брат Пон, сознание обладает склонностью фиксироваться на себе самом, и поэтому его нужно постоянно встряхивать, изменять те формы, в которых оно находится. Взгляд на себя со стороны — одно из сильнейших потрясений, которое может пережить человек, и одно из самых полезных.

На этот раз все получилось на удивление легко, я почти тут же вошел в транс, а затем понял, что разглядываю себя.

Картинка была на удивление четкой, я видел даже прыщ, что вскочил у меня на бритой макушке, и размышлял с древесной неторопливостью, что под этим бугорком на коре может укрываться паразит.

Возвращение тоже прошло легко, корни стали ногами, ветви руками, и я заморгал, привыкая к человеческому зрению.

И тут же мне в голову прилетело нечто липкое и вонючее, а на уши обрушилась лавина визгливых криков. Обезьяны, месяц державшиеся поодаль, выбрали этот момент, чтобы навестить участок джунглей, где я медитировал, а обнаружив там меня, восприняли это как оскорбление.

Я вытер физиономию, стараясь дышать равномерно и глядеть на свои эмоции со стороны.

Злости я не чувствовал, ненависти к этим шумным существам — тоже, лишь раздражение и досаду. О том, чтобы ругаться или отмахиваться от них, даже мысли не возникало, и желания сбежать я не ощущал.

В Тхам Пу меня ждал сюрприз — группа немецких туристов, бродивших по территории.

Самая крупная макака спрыгнула наземь и уселась напротив, оскалив желтые крупные зубы.

Я смотрел на нее, представляя по отдельности каждую из частей такого «биоконструктора»: бурую шкуру, длинный извивающийся хвост,

ком лиловых кишок, похожих на человеческие, фрагменты скелета, головной мозг с отростком спинного, легкие и трепещущее сердце.

Неприятные звуки тоже были сами по себе, словно не обезьяна их издавала.

Макака скакнула ближе, но тут же метнулась в сторону, будто ее испугало что-то за моей спиной. Следом бросилась вся стая, а я невольно обернулся, надеясь увидеть брата Пона или одного из молодых монахов.

Но позади меня не было никого.

Пожав плечами, я поднялся с земли — все равно с медитацией я закончил, делать тут больше нечего, нужно идти в ват, там мне найдут дело, наверняка не такое интересное, но не менее полезное.

Но в Тхам Пу меня ждал сюрприз — группа немецких туристов, бродивших по его территории, фотографируя все, вплоть до кастрюль и развешенных для просушки одеял.

Брат Пон изображал, что он рад такому вниманию, улыбался, как три Будды разом, но отказывался понимать английский, который знал лучше многих обитателей Британских островов.

Меня заметили, и в мою сторону тут же нацелились несколько объективов.

К счастью, одеждой я не отличался от местных, а физиономия моя в достаточной степени азиатская, чтобы я без грима смог сойти за тайца, разве что не очень смуглого и достаточно высокого.

Одна из туристок, женщина выдающихся габаритов, попыталась заговорить со мной. В ответ я только развел руками, показывая, что понимаю не больше старшего товарища.

Что эти типы здесь делают? Откуда они взялись?

Гости оказались назойливыми, один даже попытался без спроса заглянуть в мое жилище. Лишь увидев совсем не кроткое выражение, возникшее на моем лице в этот момент, он от своей идеи отказался.

А еще через полчаса, бормоча «ауфвидерзеен», немцы утопали прочь.

— Что это было? — мрачно поинтересовался я.

— Турист — такой зверь, что отыщет дорогу куда угодно, — брат Пон усмехнулся. — Только я подозреваю, что именно этих фарангов привел сюда ты.

— Я?! — удивлению моему не было предела.

— Точнее, они явились в ответ на твою потребность. Ты многому научился здесь. Только эти знания и навыки получены, если можно так сказать, в тепличных условиях. Нужно закрепить их в обстановке более естественной, в процессе взаимодействия с другими человеческими

существами.

— И что, экскурсии теперь будут посещать нас каждый день? — уныло осведомился я.

— Если надо, то и каждый, — заявил монах. — До тех пор, пока ты не научишься воспринимать их с искренним дружелюбием, а не с той злобной мордой, с которой ты явился из джунглей...

— Но там опять эти хвостатые, — и я рассказал о визите настроенных совсем не благосклонно макак.

— Ты действовал куда лучше, чем ранее, — сказал брат Пон, выслушав меня. — Однако должен понимать, что корни ненависти, на ветвях которой растут все эти события, ты еще не выкорчевал.

— Но я же стараюсь! Я... — я вовремя осекся, поняв, что начинаю жаловаться.

— Старание само по себе не имеет смысла, если оно не приносит результата. Например, что толку упорно долбить проход в скале, если можно без проблем ее обогнуть? Кроме того, несмотря на все наши усилия, за время пребывания здесь ты обзавелся кое-какими новыми привычками... например, ты привык к тому, что никто тебе не мешает. Думаешь, дело будет обстоять так же, когда ты вернешься к себе в Паттайю?

Я вздрогнул, пытаюсь вспомнить, говорил ли брату Пону, что живу именно в этом городе: по всему выходило, что нет, в памяти ничего подобного не осталось, но ведь мог обмолвиться мимоходом и забыть.

— Так что начинаем работу, — сообщил мне монах. — Осознай свои привязанности. Новые, возникшие уже здесь... они ничуть не лучше старых, хотя ты можешь считать иначе.

И он отправил меня промывать рис, прекрасно зная, что это дело я не люблю.

На следующее утро явилась еще одна группа туристов, на этот раз японских.

Под насмешливым взглядом брата Пона я с метлой в руке позировал на фоне нашего Будды. Вспышки следовали одна за другой, гости возбужденно переговаривались, а я думал, что разглядывая «настоящего тайского монаха» на получившихся кадрах, жители Страны восходящего солнца и не заподозрят, что родился он в России.

Но истинный ужас я постиг, когда в Тхам Пу приперлась команда моих соотечественников: дикий, невероятный случай, ибо путешественники такого рода, воняющие перегаром обладатели красных обгорелых рож, не

водятся вдали от больших курортов.

— О боги, — прошептал я, услышав, как лесную тишину огласил родной мат.

В заросли со свистом улетела бутылка из-под пива «Чанг», и моему взгляду предстала живописная группа — откормленные, могучие дядьки в панамках, шлепках и шортах, их дебелие подруги, ухитрившиеся даже в дикий лес явиться на каблуках, хнычущий толстый мальчик лет двенадцати и пара девчонок-близнецов намного младше.

— Здорово, брателло! — дружелюбно рявкнул один из гостей, хлопнув меня по плечу. — Пришли сюда ваш храм посмотреть! Типа настоящий, не для лохов! Сечешь, да?!

Если орать погромче, то тебя поймет даже иностранец, ни бельмеса не знающий на твоём языке — этого лингвистического принципа, как ни странно, придерживаются многие туристы, и не только русские.

Я беспомощно улыбнулся, думая, что если и есть ад, то вот он.

Гости из России изучали строения вата, мальчик звонил в молитвенные колокола, женщины по очереди фотографировались с одним из молодых монахов, близняшки визгливо ссорились.

— Что, не радуется тебе это зрелище? — брат Пон, как обычно, подкрался бесшумно, но за проведенное здесь время я научился не вздрагивать, когда он вот так появлялся за плечом.

Под насмешливым взглядом
брата Пона я с метлой в руке
позировал на фоне Будды.

Отрицать было бесполезно, и я признался:

— Нет. Не люблю быдлотуристов.

— Но ведь ты не любил их и ранее, в прошлом, — в голосе монаха звякнул металл. — Помнишь, что я говорил тебе: путь, ведущий к свободе, длинный и тяжелый, и если тащить с собой всякое барахло, то шансов дойти просто нет?

Я покаянно вздохнул и забормотал про себя «это не я, это не мое».

— Подумай еще, откуда взялась эта неприязнь, — вкрадчиво продолжил брат Пон. — Может быть, ты воспринимаешь их как

конкурентов в борьбе за самок и пропитание? Завидуешь тому, что они беззаботные и веселые, хотя бы сейчас, а ты весь такой мрачный и угнетенный?

Его предположения заставили меня поморщиться, я открыл рот, чтобы возразить, да так и замер: как бы мне ни хотелось заявить обратное, но какая-то доля истины в словах монаха имелаась.

— И растет все это из корня ненависти к другим живым существам, — шептал он. — Неудивительно, что даже макаки на тебя бросаются!

Я ощутил злость на себя, но каким-то непонятным образом сумел от нее отстраниться, так что она меня лишь коснулась, а не заполнила целиком. Прокатилось мимо и раздражение на сородичей, что даже в Тхам Пу явились, навьюченные алкоголем, наглостью и уверенностью в том, что их ждет очередной аттракцион, разве что почему-то бесплатный.

Остались лишь печаль и сожаление — ведь в чем-то я ничуть их не лучше.

Тоже волоку с собой разные манатки, цепляюсь за них, хотя осознаю, что от этого мусора лишь вред.

— Брось это! Брось! — резко сказал брат Пон. — Будь подобен древнему мудрецу... Однажды в некоем селении юная красавица поссорилась с мужем и ушла от него, — тон его изменился, стал более мягким, почти напевным. — Направилась она в соседнюю деревню, где жили ее родители. Супруг, потосковав часок, бросился следом, чтобы догнать, уговорить вернуться, и на полдороге встретил странствующего монаха. Естественно, он тут же подбежал к нему и стал расспрашивать, не проходила ли тут женщина в красном платье, с гибким станом и кудрявыми волосами, украшенная браслетами и умело накрашенная? На что бхикшу ответил ему: да, тут проходил скелет, только я не разобрал, какого он пола.

Я не выдержал и улыбнулся.

— Вот пусть и они будут для тебя не более чем бродячие наборы белых костей. Громяхающие, издающие бессмысленный шум образы, созданные твоим сознанием из пустоты.

И с последними его словами что-то сдвинулось у меня в голове.

Туристы превратились в карикатуру, нелепо кривляющиеся рисунки на поверхности окружающей меня реальности... а как можно злиться или негодовать на поступки мультяшных персонажей, испытывать к ним ненависть или зависть?

Теперь я был готов сам провести им экскурсию по Тхам Пу на чистейшем русском языке, навешать на уши такую кучу лапши, которую за

день не сварят в китайском ресторане, а напоследок содрать по сто бат с рыла...

— Это, пожалуй, лишнее, — заметил брат Пон со смешком. — Но идея неплохая. Подумаю, как ее в жизнь воплотить.

Поскольку солнце еще не зашло, я работал, сидя у входа в хижину.

Стружки выходили из-под лезвия ножа такие гладкие и мягкие, что хоть мажь их на хлеб вместо масла. Я снимал их с заготовки бодхисаттвы Амитабхи, некогда создавшего особый рай, именуемый Сукхавати, место, предназначенное для духовного развития.

И труд мой понемногу близился к завершению.

Я успел различить негромкий шорох, и на плечо мне обрушился удар бамбуковой палки.

Я на миг остановился, раздумывая, как лучше поступить с правым коленом бодхисаттвы, прикрыл глаза и обнаружил, что вижу заснеженную горную вершину, подпирающую небеса: склоны из золота и лазури, неправдоподобно зеленые леса, дворцы богов и хижины отшельников, прозрачные озера и водопады, белых слонов и громадных ярких птиц.

Зрелище было таким, что я едва не задохнулся от восторга.

Как назвал эту гору брат Пон? Меру?

Не может же быть, чтобы это видение, куда более яркое и четкое, чем картинка на экране кинотеатра, не имело значения... Наверняка в нем содержится некий смысл, послание, только его нужно извлечь, разгадать шифр...

Но с чего начать?

Я вспомнил, что занят делом, открыл глаза и попытался вспомнить, как именно собирался резать дальше. Но замысел уплыл, растворился, оставив смутное ощущение того, что нечто важное упущено.

Сжал покрепче нож, ставший вдруг тяжелым, а рукоять — неудобной.

Ладно, никому не помешает, если я еще немного полюбуюсь...

Я закрыл глаза, успел различить негромкий шорох, и на плечо мне обрушился удар бамбуковой палки.

— Вот ты чем тут занимаешься? — в голосе брата Пона не было ни

гнева, ни удивления. — Журналов с голыми красотками у нас не достать, так ты замену отыскал. Молодец.

— Но что в этом плохого? — с досадой спросил я.

— А то, что времени у тебя слишком мало, чтобы отвлекаться на всякую ерунду. Причем не важно, что она выглядит красиво и что созерцать ее можно часами, а то и сутками.

— Что, правда? — я прикусил язык, но слишком поздно.

— Разве я когда тебе врал? — вот в этой фразе брата Пона я различил сожаление. — Понимаешь, от разглядывания Меру и ее обитателей в тебе не изменится вообще ничего.

— А она существует на самом деле?

Монах вздохнул и покачал головой:

— В чем-то ты остался тем же невежественным и любопытным типом, что едва не сбил меня с ног на автостанции. Все, что ты можешь вообразить, существует. Когда-то. Где-то. Если бы твое обучение проходило в нормальном темпе, а не с такой скоростью, то ни одна из этих вещей не имела бы шансов произойти. Все эти видения, Голос Пустоты... это, — щелкнув пальцами, он отыскал нужное слово: — Спецэффекты! Дело же не в них...

— Это я понимаю, — сказал я.

— Тогда забудь про Меру! — вид у брата Пона стал суровый. — И вообще, что-то... Расслабился ты!

Я хотел было возмутиться, что суечусь, как пчела с утра до ночи, но он поднял руку, и я осекся, не успев выдать и слога. Монах смерил меня взглядом, отчего мне стало неуютно, захотелось спрятаться куда угодно, хоть на дно болота, хоть в дупло, и заговорил:

— Настало время тебе научиться тому, что на санскрите именуется смрити. Перевести это можно как полное осознание, постоянное самонаблюдение за всем, чем ты занят. Делая длинный вдох, ты осознаешь, что делаешь длинный вдох, делая короткий — соответственно, делая выдох, осознаешь выдох. Поднимая ногу, чтобы сделать шаг, ты отдаешь себе отчет в том, что поднял ее, а опуская ее, в том, что стопа соприкоснулась с землей. Сидя, стоя, лежа ты должен помнить, в каком положении тело. Входя и выходя в помещение, знать об этом, справляя нужду, уделять внимание этому процессу так, словно он является величайшим чудом...

Я собрался было захихикать, но брат Пон был слишком серьезен.

— Жуя, наблюдать за каждым куском, одеваясь, замечать прикосновение ткани ко всем частям тела, раздеваясь, вслушиваться в

шорох полотна и улавливать сгибание каждого пальца, — продолжил он. — И все это постоянно, без перерывов, с утра до ночи. Для того, чтобы осознавать себя во сне, ты еще не дорос.

— Постоянно? — воскликнул я. — Но это же невозможно!

— Для обычного человека — да, — не стал спорить монах. — Для тебя — я бы не сказал. Или ты зря ел наш рис все это время?

И он нахмурился.

— В общем, приступай, — мне достался ободряющий хлопок по лысой макушке. — Будешь лениться...

И брат Пон погрозил мне палкой, той самой, которой огрел меня не так давно.

Он отошел, а я взялся за нож, пытаюсь сообразить, как одновременно резать и осознавать все движения кисти, наклон головы, то, что я сижу, как вдыхаю и выдыхаю.

Невозможно — кричал мой разум!

И вскоре стало ясно, что он не так уж неправ — увлекшись работой, я мигом забывал про смрити, а уделяя ей все внимание, начинал портачить и быстро превратил почти готовую статуэтку в жалкого уродца.

И в этот момент, несмотря на все медитации, я ощутил нечто похожее на ненависть.

— Испытывая желание грязно выругаться и пырнуть ближнего ножом, не забывай это желание осознавать, — с глубокомысленным видом заметил брат Пон, как раз в этот момент проходивший мимо.

Но мне от его слов легче не стало.

Утром к нам в гости явились китайцы — маленькая группа человек из семидесяти.

Такая прорва народа заполонила наш ват и окрестности, и в Тхам Пу стало шумно, почти как на Уолкинг-стрит в Паттае. А когда туристы ретировались, то мусора от них осталось не меньше, чем от толпы посетителей рок-фестиваля, так что до вечера мы собирали обертки шоколадок и бутылки от кока-колы.

Как ни странно, эта малоприятная работа помогла мне в какой-то степени справиться со вчерашним заданием. Пусть не постоянно, на короткие отрезки времени я смог входить в такое состояние, что получалось одновременно и действовать, и осознавать это действие.

В этот момент, несмотря на все медитации, я ощутил нечто похожее на ненависть.

Монах же огорошил меня, сказав, что это лишь первая фаза смрити.

Вторая заключалась в том, чтобы классифицировать все, происходящее во мне и вокруг, как приятное, неприятное или нейтральное, и при этом стараться, чтобы эти оценки не стали основой для действий.

Почесав в затылке, я попытался взять и эту вершину, но ничего у меня не вышло.

Я сбивался, отвлекался, злился, что не могу сосредоточиться, метался, пытаюсь эффективно распределить внимание.

— Ты стараешься, — заметил брат Пон. — Этого делать не надо. Все устроится само. Просто делай как выходит, без напряжения, без самопринуждения, ведь насилие есть насилие, даже если его прилагаешь к себе, а оно, как ты помнишь, входит в список неблагих действий.

Этот совет поставил меня в тупик — то есть как «устроится само»?

Зачем тогда вообще прилагать какие-то усилия?

— А затем, что без вложения энергии не добиться успеха, — ответил монах, выслушав мои полные недоумения вопросы. — Только вложение должно быть мягким, легким. Жестокое напряжение, работа на износ, изнурение себя — все эти вещи наполняют тебя вместо того, чтобы делать пустым, и противопоказаны тому, кто движется к свободе. Самое же вредное, что они сами по себе заставляют тебя верить, что ты занят чем-то важным, хотя на самом деле это может быть совсем не так.

Мне ничего не осталось, как вновь почесать в затылке и взяться за дело.

Легче было, как ни странно, в те моменты, когда я занимался физическим трудом — все ясно, вот оно, твое тело, работает, и ты спокойно за этим наблюдаешь, да еще и лепишь ярлыки на каждый момент:

«неприятное», «нейтральное», «приятное», опять «неприятное».

Когда же в процесс вовлекалось сознание, то задача усложнялась неимоверно.

Я сбивался, отвлекался не пойми на что, иногда уходил в собственные мысли так далеко, что вообще переставал осознавать, где нахожусь и чем

именно занимаюсь. Пытался вернуться к назначенной задаче и ловил себя на том, что напрягаюсь до такой степени, что мышцы спины корежит судорогой.

В какой-то момент я начал функционировать как бы в двух очень непохожих друг на друга режимах, первый был связан со смрити, второй исключал осознание полностью, и его я задействовал во время медитаций.

На следующий день после китайцев к нам явилась группа европейцев, маленькая и тихая, если сравнивать с гостями из Поднебесной, и я уже подумал, что нашествие «скелетов» идет на убыль.

Вечером, когда стемнело, я сидел под навесом и слушал рассказы брата Пона о древних архатах, когда от реки долетело нарастающее бухтение лодочного мотора. Затем оно стихло, его место заняли сердитые голоса, лязг и монотонное постукивание.

— Что это? — спросил я.

— Скоро узнаешь, — отозвался монах.

Со стороны тропки, что вела к Меконгу, ударил луч фонаря, ушел в сторону, за ним явился еще один. Послышались шаги, и я различил фигуру человека с предметом вроде рюкзака на спине.

Брат Пон поднялся.

Человек с рюкзаком сделал вай, но очень быстрое, смазанное, не такое, какое используют обычные тайцы при встрече с монахом. По спине моей побежали холодные мурашки, и я автоматически классифицировал это ощущение как «неприятное», отметил, что дыхание мое участилось.

Брат Пон обменялся с гостями парой фраз, и они ушагали в джунгли, на запад.

И тут же поток осознания подхватил меня, напряжение исчезло, стало очень-очень легко. Нет, я не увидел ночных визитеров словно костяки в одежде, я различал, что их трое, что они нагружены так, будто собрались в поход на вершину Эвереста, что у одного имеется пистолет.

Но меня совершенно не интересовало и не тревожило, что он с этим пистолетом может сделать.

Брат Пон обменялся с гостями парой фраз, и они ушагали в джунгли, напрямик на запад. На Меконге вновь затарахтела лодка, и звук этот начал понемногу удаляться, к сожалению, утаскивая с собой то состояние ясности, что охватило меня на короткое время.

— Это было неплохо, — сказал брат Пон, вернувшись на свое место. — Для начала.

Я посмотрел на него с укором.

— Третий этап смрити, — продолжил монах как ни в чем не бывало, — это мысль. Точнее, наблюдение за ней. Как писали древние — «необходимо видеть, какой она является, аффективной или неаффективной, неприязненной или не неприязненной, касающейся заблуждений или истины, ограниченной или распыленной в пространстве и времени».

Я хотел было возмутиться, заявить, что не справлюсь с подобным, но понял, что оправдание это не идет из моей глубины, что я его на самом деле выдумал по привычке, выставил перед собой точно щит, призванный оградить меня от окружающего мира.

И осознание этого факта ударило меня не хуже воткнутого в печень ножа.

— Ты начинаешь понимать! — брат Пон заулыбался, во тьме блеснули белые зубы. — Отлично!

Я открыл рот, потом закрыл, и так пару раз подряд, а потом спросил совсем про иное:

— А кто были эти люди?

— Какие такие люди? — уточнил монах с самым невинным видом. — Забудь о них. Неужели тебе нечем заняться и не о чем беспокоиться? Если так, сейчас мы это исправим...

Третий этап дался мне легче, может быть, потому, что я уже освоил два и на очень глубоком уровне рассудка понял, в чем тут дело, а может быть, оттого, что я всю жизнь отождествлял себя с собственным разумом.

Мысли после того, как я начал за ними наблюдать, потекли совершенно иначе.

С одной стороны, они стали более четкими и выпуклыми, а с другой, менее глубокими, из трехмерных превратились в двумерные, в эфемерные образы, скользящие по поверхности разума. Лишились тех корней, что прикрепляли их к недрам сознания, делая процесс мышления тяжелой ношей.

Наблюдать за ними оказалось на удивление интересно — точно

смотришь на то, как перед твоими глазами зарождаются, развиваются и гибнут, рассеиваясь в дым, в пар, поколения фантастических животных, принимающих самые разные обличья, но в то же время сохраняющих внутреннее родство и генетическую преемственность.

Так что уже через пару дней брат Пон рассказал мне про четвертый и последний этап смрити, и сделал он это, потащив меня на длинную изнурительную прогулку по лесу.

— Это желания, — сказал он. — Вы, западные люди, к ним очень-очень привязаны. Виноваты в этом помимо прочего и всякие разные психологи, которые сделали из них настоящий культ. Развенчать его будет нелегко, но тебе придется это сделать, если хочешь чего-то добиться на нашем пути.

— Но у меня нет желаний! — пылко возразил я.

Мне и в самом деле казалось, что за время жизни в Тхам Пу я избавился от того, что можно назвать этим словом.

— Ты серьезно в это веришь? — брат Пон глянул на меня с сомнением.

— А как же!

Он хмыкнул, после чего осторожно, очень аккуратно взял меня за запястье.

О господи, как же я хочу, чтобы мы поскорее закончили бродить по джунглям и вернулись к вату, в тень и покой... Да, неплохо бы закончить статуэтку Вайрочаны до сегодняшнего вечера, а то вожусь с ней неделю...

Помимо этих двух главных желаний я осознал еще с десятков поменьше и понял, что они тут, никуда не делись, только не кричат громко в уши, требуя внимания, а мягко шепчут.

— Теперь что скажешь? — поинтересовался брат Пон, убрав руку.

Я покаянно опустил голову.

— Главная проблема с желаниями — их трудно осознать, а осознав, тяжело относиться к ним без оценки, — продолжил монах. — Не осуждать или хвалить себя за них. Захотел я стакан рома и толстую женщину — это плохо, возжаждал посетить храм и посмотреть на лик Будды — это хорошо.

— А разве это не так?

— Нет, конечно. И то и другое порождает привязанность, лишает свободы. Понимаешь? Конечно, созерцание Просветленного породит не такие кармические последствия, как пьяная оргия, но с точки зрения стоящего за ними желания это не имеет особого значения.

— То есть ощущения я делю на приятные, неприятные и нейтральные, а желания просто осознаю?

— Именно так. Первые мы склонны вообще не замечать, а вторые если

замечаем, то тут же встраиваем их в некую систему моральных принципов, а от нее уже и пляшем. Укрепляем образ личности с помощью либо самоосуждения, либо самовосхваления, хотя одно ничуть не лучше другого.

Это я понять мог, исходя хотя бы из того, что брат Пон говорил мне ранее.

Но, как я уже не раз убеждался за время моего пребывания в Тхам Пу, понять некий принцип и воплотить в жизнь это понимание — две абсолютно разные вещи. Попытка отслеживать желания закончилась поначалу ничем, я не смог зацепиться за их поток так же, как сделал это с ощущениями или эмоциями.

Ну а кроме того, предыдущие этапы осознания никуда не делись, я выполнял их все одновременно.

Это оказалось настолько тяжело, что меня начал мучить голос Пустоты, не дававший о себе знать уже много дней. Вновь забубнил в ушах надоедливый шепот, запылали перед глазами, складываясь в созвездия, узоры из драгоценных камней, похожих на уголья.

Брат Пон, когда я рассказал ему об этом, минутку подумал, а потом сказал:

— Придется тебе подышать дымом.

И не успел я спросить, что это значит, как он велел мне взять топор и отправляться за хворостом.

Попытка отслеживать желания закончилась поначалу ничем.

Из того, что я натаскал из джунглей, сложили четыре поленницы, между которыми осталась площадка около двух метров в диаметре.

— Забирайся внутрь, садись и закрой глаза, — велел брат Пон, в то время как один из молодых монахов поливал дрова сладко пахнувшей прозрачной жидкостью.

— И вы это подожжете? — спросил я, с опаской глядя на спички в руках наставника.

— Само собой, — подтвердил он.

— Так я же сгорю! Или задохнусь!

— Не думаю, — брат Пон мягко похлопал меня по спине. — Другого выхода нет. Хочешь голос Пустоты слушать?

Я почесал в затылке и решил, что нет, не хочу.

— Дыши равномерно и осознавай, что происходит с тобой, — продолжал инструктировать меня монах уже после того, как я уселся наземь.

Чиркнула спичка, раздался треск горящих ветвей, но я постарался не обращать на звуки внимания. Потянуло дымом, а уже в следующее мгновение этот дым заполнил грудь целиком, и возникло ощущение, будто меня дерут когтями изнутри.

Кашель едва не вывернул мои легкие наизнанку.

— А ну прекрати! — рявкнул брат Пон так, что его голос перекрыл гул пламени. — Дыши! Дыши!

Я хотел сказать, что это не я, что оно само, но меня скрутил новый приступ кашля. Монахи тем временем подожгли остальные поленницы, и пламя вздыбилось со всех четырех сторон.

Жар поднялся такой, что я ощутил себя внутри громадной печи.

— Дыши, иначе сгоришь! — закричал брат Пон.

Я попытался выполнить его приказ, но тело не слушалось, меня били корчи, спазмы крутили живот, голова болела, глаза жгло, и казалось, что одежда моя начала тлеть, а кожа — обугливаться.

Я попытался глотнуть воздуха, затем подумал, что я сейчас сдохну, что надо бежать отсюда...

И провалился в темноту.

Очнувшись, я понял, что лежу там же, где сидел, что огонь потушен, но монахи вовсе не спешат мне на помощь. Обхватив руками голову, пульсировавшую как осиное гнездо, внутри которого бесчинствуют разозленные насекомые, я медленно сел.

— Выходить из круга нельзя, — сказал брат Пон, глядя на меня без жалости. — Помогать тебе мы не имеем права, даже воды принести не можем. Ритуал же надо довести до конца. Если прервать его сейчас, то все пойдет насмарку, все твои усилия.

— Но я же погибну тут, — выдавил я, морщась от звуков собственного голоса. — Задохнусь!

— Нет. Дыши так, как может дышать пустота, и дым не сможет повредить тебе. Стань бестелесным, и пламя не обожжет то, чего нет.

Голова вроде бы болела чуть меньше, но все равно при одной мысли о повторении пытки меня начинало мутить.

— Но зачем это? — спросил я. — Неужели нельзя обойтись...

— Можно, — перебил меня брат Пон. — Но не тебе и не сейчас. Ситуация такая. Какие-то вещи застряли в тебе настолько, что их не рассеять просто так, осознанием, нужно сопроводить его определенными телесными стимулами, не самыми обычными и даже болезненными. Я надеялся, что обойдемся без этого, но, видимо, нет, не обойдемся. Решай. Либо ты выходишь из круга, я перестаю быть твоим наставником, и ты уезжаешь завтра же.

— Я остаюсь, — пробурчал я.

— Отлично, — и он сделал знак помощникам.

Второй раз оказался ничуть не лучше первого, дым вновь полез мне в глотку с такой силой, будто его затягивало туда пылесосом, губы и язык пересохли, из глаз потекли слезы. Сначала я попытался бороться с неприятными ощущениями, но добился лишь нового приступа кашля, от которого едва опять не потерял сознание.

За первым вдохом последовал второй, третий, и вскоре я успокоился, задышал ровно.

Но в следующий момент я сам не понял как, но расслабился, и когда вдохнул в этом состоянии, то осознал, что хватаю ртом прохладный воздух, непонятно откуда взявшийся посреди дымных струй.

За первым вдохом последовал второй, третий, и вскоре я успокоился, задышал ровно.

— Вот видишь, это не так сложно! — одобрил брат Пон откуда-то из-за круга огня и дыма.

Начнем осознание — физические ощущения, их классификация, мысли и желания...

И в этот момент у меня не возникло ни малейшей проблемы с тем, чтобы выполнить смрити в полном объеме. Поначалу я сам не отдал себе в этом отчета, а когда сообразил, что происходит, тут же сбился и заново почувствовал, что сижу в кольце из четырех костров, а вокруг пылает огонь.

Хотя к этому моменту дрова начали прогорать и жар уменьшился.

Но дыма натянуло вновь, и я закашлялся, да так, что не смог

остановиться и после того, как вокруг остались лишь зола и угли.

— Все, уже все, — сказал брат Пон, подходя ко мне. — Это ты опять выдумываешь. Вспомни, что ты пуст, и внутри не должно быть ничего, способного издавать такие звуки.

Но тем не менее я продолжал кашлять до самого вечера и ночью пару раз проснулся оттого, что у меня хрипело в груди. Зато утром встал свежий, точно огурец, а когда попробовал заниматься смрити, то выяснилось, что препятствия, еще вчера казавшиеся неодолимыми, исчезли.

Я мог осознавать желания, по крайней мере не самые слабые, и не смешивать их при этом с мыслями или ощущениями. Причем удавалось мне это не только в моменты, когда я занимался физической работой, а постоянно.

И голос Пустоты сгинул без следа, не появлялся даже тогда, когда я вынужден был напрягаться, чтобы достичь нужной степени концентрации.

Зато появилось что-то новое, ощущение того, что все, мной осознаваемое, находится в стороне от меня, что я наблюдаю не за частью себя, а за некими внешними процессами. Когда я ощутил это впервые, то даже испугался, а попытавшись рассказать о своем состоянии брату Пону, запутался в словах.

— Не трясись, — сказал он после того, как закончил смеяться. — Этого и добиваемся. Наслаждайся.

Сначала я не понял, как можно наслаждаться подобным — это как получать удовольствие от не самой легкой и монотонной работы вроде прополки или вскапывания огорода. Но затем как бы «поймал волну» и в какой-то момент сообразил, что выполняю все четыре этапа смрити, не прилагая усилий, что все получается само собой и еще остаются внутренние ресурсы на то, чтобы просто думать, ощущать, жить.

Туристы перестали навещать Тхам Пу так же резко, как и появились, так что два дня я провел в состоянии почти непрерывного созерцания и начал думать, что так будет всегда.

Но утром третьего, выходя из храма, где подметал, я обнаружил, что мимо вата идет вереница людей с огромными рюкзаками на спинах — бородатые и патлатые юноши, загорелые жилистые девушки, короче говоря, типичные бэкпекеры, которых можно встретить в любом уголке Таиланда.

Один из них поздоровался со мной по-тайски, я кивнул в ответ.

Надежда, что эти ребята пройдут мимо, умерла через пять минут, когда

они начали сгружать рюкзаки. Шагавший первым, рыжий, носатый, закопченный почти до черноты направился к навесу, под которым сидел брат Пон.

Беседа их оказалась короткой и закончилась тем, что монах благосклонно кивнул и приглашающе повел рукой.

— Располагаемся, парни, — сказал рыжий по-английски, повернувшись к своим.

Сердце мое упало.

Палатки они поставили, конечно, не на территории вата, но рядом, сбоку от тропинки к источнику. Отправившись за водой, я встретил пару мощных девушек, что улыбнулись мне белоснежно, как модели из рекламы зубной пасты.

Улыбки эти были искренними, а глаза барышень светились тем покоем, который я так редко встречал у людей своего круга, у тех, кто вынужден работать, крутиться, точно белка в колесе.

— Давно в путешествии? — спросил я неожиданно даже для себя.

— Полгода, — отозвалась та из девушек, что пониже, щекастая, с круглыми голубыми глазами. — Филиппины, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Бирма, опять Таиланд... Дальше Лаос, Вьетнам, Китай, Корея... еще год, и можно будет лететь обратно в Штаты. Или нет.

— Если хватит пороху, то двинемся на запад, в Индию, — добавила вторая, повыше, с торчавшими из-под бейсболки прядями очень светлых волос.

Они зашагали прочь, унося наполненные бутылки, а я остался смотреть им вслед.

За этот день я прошел мимо лагеря наших соседей не один раз и видел, как они общаются: никаких криков или громкого смеха, ни следа алкоголя, не говоря уже о наркотиках, которыми порой балуются подобные типы.

А после заката солнца нас пригласили, как выразился рыжий предводитель, на «концерт».

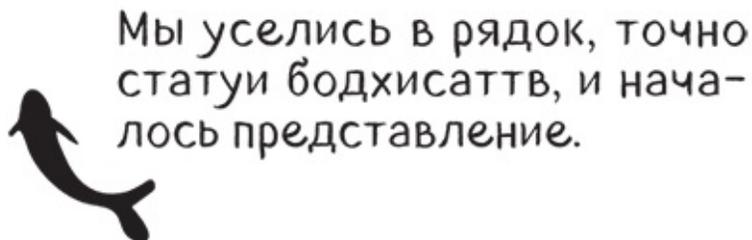
Я, честно говоря, думал, что брат Пон откажется, но он неожиданно для меня согласился. Так что мы уселись в рядок, точно статуи бодхисаттв, и в свете двух костров, разведенных так, чтобы осветить выбранный под «сцену» участок, началось представление.

Один парень играл на губной гармошке, другой жонглировал тремя светящимися шариками. Девушки пели, и не на английском, а на языке, которого я не знал, очень мягком и мелодичном.

И глядя на них, на их плавные движения, на тот мир, что окутывал их, словно облако, я осознал, что испытываю зависть: вот он, пример того, как

можно жить в согласии с самим собой, не быть в рабстве у денег и общепринятых представлений, но при этом не бежать от цивилизации, отказываясь от всего, не забиваться в дикий угол джунглей, как это пришлось сделать мне!

Зависть, которую я вроде бы давно победил!

Следом за ней явился стыд, и до самого окончания «концерта» я просидел как на иголках. Та волна, что несла меня последние дни, схлынула, и все попытки вновь зацепиться за осознание закончились неудачей: смрити ускользало точно песок, который пытаешься сжать в кулаке.

Брат Пон смотрел испытующе, и под его взглядом мне было так же неуютно, как грешнику на сковородке.

— Ну, я думал, что одолел... — забормотал я, продолжая рассказ. — А оно вот, снова... Почему так? Откуда?

— Ну как откуда? — он пожал плечами. — Все из того же омраченного сознания. Только не вздумай расстраиваться. На самом деле хорошо, что зависть вылезла наружу. Намного хуже было бы, не отдавай ты в ней себе отчета... А что до того, кому ты позавидовал... Смотри, как говорили древние — все люди подобны лотосам, что выросли в пруду, одни из них красные, другие голубые, третьи белые, но все они рождены в воде, имеют исток свой в воде и не выберутся из нее до тех пор, пока не обзаведутся достаточно длинным стеблем... Только вот стоит ли белому лотосу испытывать вожделение и недоброжелательство по отношению к сородичу, имеющему красный цвет лепестков?

— Нет, конечно! — я потер лоб, пытаюсь собраться с мыслями. — Но ведь они... Почему кто-то может добиться свободы, как наши гости, без каких-то особых усилий, а другим приходится пахать?

— А кто тебе сказал, что они добились свободы? — брат Пон укоризненно покачал головой. — Да, то, что именуется белой кармой, у

них в данный момент превалирует над другими ее видами, но рано или поздно ее действие закончится, и тогда все-все изменится... Да, у этих молодых людей есть шанс на то, чтобы осознать пустоту, но он не больше и не меньше, чем у других.

— Это почему так?

— Если бы ты умел видеть так, как должно, то ты бы разглядел, что сознание каждого из них забито, — монах взял палочку, нарисовал на земле круг и заполнил его кривыми штрихами. — Пусть там очень мало алчности и ненависти, но невежества не менее, чем у других. Пусть там нет мыслей о том, как заработать побольше и как оттолкнуть локтем ближнего, там хватает другого хлама...

Мне очень не нравилось то, что говорил он, не хотелось, чтобы рушился такой красивый образ беспечных путешественников, разбивающих палатки где пожелают, устраивающих «концерты» для тех, кто оказался рядом.

— Кроме того, ты пытаешься оценивать, судить людей по тому, как они себя ведут, — продолжил брат Пон. — Но забываешь, что воспринимаешь не самих людей, а их образы, созданные разумом, картинки, имеющие очень мало отношения к реальности, порожденные твоим восприятием.

— Та самая «труба»? — вспомнил я метафору, некогда поразившую мое воображение.

— Именно, — отозвался он. — Ты же не можешь знать, что на самом деле есть каждый из них?

— Не могу, — вынужден был согласиться я. — Но почему-то так хочется верить, что эти ребята и вправду чисты духом, что они идут не только по лику земли, но и к свободе...

— Так верь, кто мешает? — брат Пон улыбнулся. — Только осознавай свою веру. Помни, что она столь же нереальна, как и все остальное, и тогда все будет хорошо. Помимо того, давненько ты не считал колокола... Иди, займись.

— Но зачем?! Ведь их число не изменилось?

— Откуда ты знаешь? — монах посмотрел на меня с подчеркнутой строгостью. — Помни, что ты сейчас совсем не в той реальности, в которой находился, когда приехал в Тхам Пу.

Очень хотелось возразить, но я сдержался.

Я двинулся в обход вата, считая колокола и одновременно выполняя смрити.

Было искушение просто обойти вокруг храма и сказать «сто семь», но я знал, что, во-первых, мое жульничество окажется замечено, а во-вторых, ложь наверняка повлечет за собой не самые приятные кармические последствия.

Поэтому я этот соблазн быстренько отогнал и двинулся в обход вата, считая колокола и одновременно выполняя смрити.

Да, вот она, моя зависть к бэкпекерам и рядом вера в то, что они такие хорошие и замечательные. Ничуть не лучше и не хуже прочих желаний, мыслей и ощущений, что мерцают и меняются, живут каждое не более мгновения. И лишь благодаря тому, что повторяются в очень похожем виде, могут казаться длительно и реально существующими.

К моему удивлению, у меня получилось сто два...

Почесав в затылке, я даже не стал подходить к брату Пону с этим результатом, а сразу двинулся на второй круг: нет, в этот раз я не злился, вообще не испытывал особо сильных эмоций, но куски старой меди вновь играли со мной странную игру, будто прятались друг за друга или, наоборот, раздваивались.

Сто девять... сто пять...

На четвертом круге, когда вышло сто восемь, я сдался.

— Правильно, — сказал брат Пон, когда я озвучил этот результат. — Как твоя зависть?

Я подумал некоторое время, а потом ответил:

— Не существует.

— Когда вновь появится, то ты знаешь, чем тебе нужно заняться, — и он указал в ту сторону, где покачивались, отбрасывая блики лоснящимися боками, только что сосчитанные мною колокола.

Бэкпекаеры простояли рядом с нами две ночи, а потом как-то тихо и незаметно, без прощаний, исчезли. По этому поводу я не ощутил вообще ничего, ни горя, ни радости, ни облегчения, мелькнула только мысль, что они вполне могли не уйти своими ногами, а раствориться, остаться где-то в другой реальности.

Но ее пришлось отвергнуть, когда выяснилось, что гости не озаботились убрать за собой мусор.

Сделать это за них пришлось нам.

Пять статуэток стояли в ряд и, глядя на них, я испытывал настоящую гордость.

Рисунок на земле может изобразить кто угодно, даже ребенок, а вот вырезать такое под силу далеко не каждому. А если еще учесть, что у меня нет ни таланта, ни художественного училища за плечами...

— Закончил, выходит? — спросил брат Пон, отрываясь от созерцания бодхисаттв.

— Да, они все тут, — сказал я и отбарабанил, точно на уроке буддovedения: — А могхасиддхи, Вайрочана, Амитабха, Акшобхья и Ратнасамбхава.

Нет, я не обольщался — те фигурки, которые послужили мне образцами, выглядели намного лучше, каждая из них вполне могла занять место в музее или в алтаре пагоды, дацана или вата. Мои же были не более чем искусными поделками, но я бы не постыдился показать их кому угодно из знакомых и признать авторство.

Не зря терпел порезы и выкинул не один десяток испорченных заготовок.

— Неплохо, очень даже неплохо, — и брат Пон взял желтокожего Ратнасамбхаву, повертел, оглядывая с разных сторон. — Не скажу, что все по канону, но выглядит достойно. Наступил момент сделать то, ради чего ты с ними возился.

Я вздрогнул от радостного предвкушения.

Наверняка то, что я закончил работу, станет вехой на моем духовном пути, я узнаю некую истину или научусь делать что-то новое...

Брат Пон напрягся, побагровел, его пальцы изогнулись, точно превратились в когти. Раздался хруст, по бокам Ратнасамбхавы побежали трещины, рука с зажатым в ней драгоценным камнем отломилась.

Через миг наземь упала грудa щепок.

— Нет... — прохрипел я.

Этого не может быть, это не более чем страшный сон, я сейчас проснусь.

— Да, — сказал брат Пон, с ласковой улыбкой берясь за Акшобхью.

Вновь мгновение страшного напряжения, когда словно все его тело превратилось в раму, обтянутую сухожилиями, прочными, как металлические струны, и рядом с первой кучкой щепок образовалась

вторая.

Я сглотнул, открыл рот, но сказать ничего не смог.

А потом сидел и только смотрел, как монах одну за другой уничтожает статуэтки. Горечь заполняла меня изнутри и почти шла горлом, словно желчь, сердце билось с перерывами.

Я пытался считать вдохи, напоминал себе, что «это не я, это не мое», но ничего не помогало.

Ради чего я горбатился над фигурками бодхисаттв вечера напролет?

Ради того, чтобы они вот так, в один момент превратились в труху?

— Ну вот, — сказал брат Пон, разделавшись с Вайрочаной, который оказался последним. — Понял?

— Нет, — ответил я, испытывая желание придушить наставника голыми руками.

Обида и злость, о существовании которых я вроде бы давно забыл, в этот момент очень ярко напомнили о себе, и на миг я словно вернулся в те времена, когда еще не был знаком с неправильным монахом...

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Невозможно достичь чего-то нового, не избавившись от старого.

Нам дан некий ограниченный «объем жизни», и помимо него мы пространством не располагаем. Так что если есть желание обзавестись чем-то, чего мы ранее не имели, вроде мудрости, уравновешенности или силы воли, то придется выкинуть нечто, не столь необходимое.

На самом деле такого добра много в жизни каждого — и в первую очередь это привычки, необязательно те, что общество признает «дурными», вьедшиеся в кровь шаблоны поведения, прилипшие словечки и фразочки, бытовые ритуалы, нелепые страхи и суеверия.

Если стряхнуть с себя хоть что-то из этой шелухи, то идти будет намного легче.

* * *

Практика полного осознания, именуемого еще смрити, формируется в четыре этапа.

Первый состоит в том, чтобы отдавать себе отчет во всех физических действиях и ощущениях: ритм и глубина дыхания, сокращение мускулов, положение тела в пространстве и его перемещения, окружающая среда.

Начинать можно с небольших отрезков времени, но в конечном итоге такое осознание должно стать постоянным, оно обязано присутствовать вне зависимости от того, чем вы заняты.

Второй этап — добавляется постоянная классификация ощущений на приятные, неприятные и нейтральные, причем не в оценочном смысле, а исключительно в телесном.

Третий — наблюдение за собственной мыслью, постоянный контроль над тем, какими качествами она обладает: эмоциональная или спокойная, разорванная или связная, относящаяся к прошлому, будущему или настоящему.

Четвертый — осознание желаний, любых, даже самых низменных, которые иногда появляются у любого человека, кроме разве что просветленных. Их нужно не подавлять и не осуждать себя за их появление, а бесстрастно регистрировать, и тут же переходить к следующему, не задерживаясь на пережитом.

Идеал — полное исключение автоматизма из процесса функционирования организма, а также «объективизация» потока восприятия, отстранение его от личностных оценок и вообще от идеи личности.

* * *

Излишнее старание, напряжение, самоизнурение — верный путь к неудаче.

Нет, усилия прикладывать необходимо, но процесс этот должен быть легким, приносить в первую очередь радость.

Если же мы вынуждены принуждать себя, то мы делаем что-то не то или не так.

Глава 9. Жизнь взаимы

Осознавать не забываешь? — спросил меня брат Пон.

— Что именно? — чтобы выдавить из себя эти два слова, я приложил столько сил, что даже вспотел.

Внутри бушевала настоящая буря, онемение языка прошло, и на него просились совсем другие сочетания звуков, очень-очень эмоциональные.

— А все подряд, — ответил монах как ни в чем не бывало. — Чувства, для начала.

— Да я... — я споткнулся. — Да мне... вы... зачем так?

— А ты надеялся владеть этими предметами вечно?

— Ну не вечно...

— А сколько? — перебил меня брат Пон.

— Ну, до смерти...

— А когда она наступит? — он наклонился вперед и требовательно заглянул мне в глаза. — Не забывай, что прямо сейчас она парит над твоими плечами и может забрать все! Через минуту, через секунду!

Я вздрогнул, накатила волна паники, показалось, что холодное черное облако уже опускается мне на затылок, что еще миг, и сердце замрет в ледящем объятии, а свет в глазах померкнет.

И что тогда?

То единство, которым я считал себя много десятилетий, распадется, перестанет существовать, а поток энергии, порожденной моими деяниями, вызовет следующее воплощение — если повезет, то в виде человека, а если нет, то животным, голодным духом или вовсе в аду.

— Испытывать страх перед смертью так же глупо, как бояться захода солнца, — брат Пон, как обычно, читал мои чувства. — Она придет, неизбежно явится за нами, заберет все.

— Это-то и пугает! — воскликнул я.

— Если считать это «все» своим, — поправил меня монах. — Своей собственностью.

— Но разве это не так?

— Конечно, нет, и ты должен это понимать. На самом деле ты не владеешь ничем. Все, начиная с тела, дано тебе лишь взаимы на сравнительно короткий промежуток времени. Семь-восемь десятилетий, ну максимум век, и все будет отобрано у тебя, а многое и еще ранее. И какой

смысл привязываться к тому, что столь недолговечно? Понятно, что тебе с детства внушали — вот они, твои ручки, вот они, твои ножки, и ты привык к этой идее... Но пора отвыкать, ведь единственное, что у тебя есть — это сознание, это восприятие, и если приковать его к брэнной плоти толстыми цепями, то о какой свободе можно говорить?

Тут брат Пон замолчал и даже глаза прикрыл, давая мне время немного подумать. Заговорил он лишь в тот момент, когда я «переварил» услышанное и задумался, какой вопрос задать первым:

— Ты должен всегда, в любых обстоятельствах быть готов расстаться со всем, даже с жизнью, ведь и она на самом деле не является твоей, а лишь дана во временное пользование.

Брат Пон замолчал и даже
глаза прикрыл, давая мне
время немного подумать.

И он рассказал мне о юной монахиня, так ревностно служившей учению, что она решила отправиться в путешествие, чтобы выслушать проповедь из уст самого Просветленного. В лесу ей повстречался юноша-охотник, с первого взгляда вспыхнувший к красавице страстной любовью.

Он шел за ней, громко восхищаясь ее прелестями и пытаясь склонить девушку к тому, чтобы она нарушила обет целомудрия.

Поняв, что юноша не отстанет, монахиня спросила, что именно в ее внешности больше всего поразило парня. И тот забормотал о прекрасных глазах, синих, точно небо над Гималаями, ясных, как вода горного озера.

— И тогда... — брат Пон хитро глянул на меня. — Она вырвала собственный глаз. Вручила его охотнику со словами «вот, держи этот комок слизи и утоли свое влечение»...

Услышав подобное, я содрогнулся, но в то же время мне стало намного легче — глупо расстраиваться по поводу каких-то статуэток, если ты можешь потерять часть собственного тела!

— И ты думаешь, она переживала из-за этой потери? Что-то я в этом сомневаюсь.

— Ну да, мне до такого самоотречения далеко... — проворчал я.

— Каждый обладает возможностью познать истину, и все в этом

смысле равны, — сказал монах. — А теперь я скажу, что произойдет благодаря тому, что я сделал с твоими бодхисаттвами. На основе этой груды щепок через несколько лет возникнет муравейник. Насекомые из него уничтожат змеиные яйца, одно из которых в ином случае произвело бы на свет ядовитого гада. Ну а тот укусил бы еще не родившегося мальчика из знакомой тебе деревни, и тот бы умер.

— Что, правда? — недоверчиво спросил я.

Брат Пон вряд ли способен на ложь, но он может запросто выдумать эту историю, чтобы проиллюстрировать некие принципы.

— Нет ничего строго определенного в этом мире, но такой вариант очень вероятен.

— А как же те статуэтки, которые вы показывали мне? — озвучил я, наконец, тот вопрос, что так и рвался на язык. — Почему они сохранились? Ведь смерть заберет их?

Монах рассмеялся.

— Я знал, что ты спросишь! Первый комплект, изготовленный мной в ученичестве, мой наставник швырнул в огонь, после чего я едва не бросился на него с кулаками. Бодхисаттвы, послужившие тебе образцами, вырезаны мной намного позже, когда я стал куда более пустым... Я к ним совершенно не привязан, могу уничтожить в любой момент. Возможно, когда-то и ты обзаведешься своим комплектом, и поверь, создать второй будет намного легче, чем первый.

Ополоснув миску, я убедился, что не пропустил ни комочка риса, ни кусочка овощей, и отставил ее к остальным.

Все, с мытьем посуды покончено, нужно отнести ее на кухню...

Но, повернувшись, я обнаружил, что на берегу, рядом с мостками стоит непонятно откуда взявшийся брат Пон.

— погоди, не спеши, — сказал он, не отрывая взгляда от другого берега, что едва просматривался сквозь дымку. — Думал ли ты о том, как будешь жить, когда вернешься?

— Вы отучили меня беспокоиться о будущем, — и, помявшись, я без охоты признался: — Хотя иногда я все же размышляю, что ждет меня там, среди людей, знавших меня совсем другим.

— Насчет этого можешь не беспокоиться. Люди не отличаются наблюдательностью. Мало кто заметит, что ты изменился.

Я пожал плечами.

Я невольно глянул в ту сторону, куда неотрывно смотрел брат Пон.

— Поначалу тебе придется особенно тяжело, — продолжил брат Пон, задумчиво водя по воде кончиком посоха. — Старые привычки и способы восприятия, на которых базировался твой мир, разрушены, и многие безвозвратно, новые же будут тебе скорее мешать, чем помогать... Ты попытаешься жить там так же, как жил здесь, и у тебя не получится, и тогда наступит разочарование в том, чему я учил тебя.

— Не наступит! Я... — я осекся, заметив на губах монаха понимающую усмешку. — Наверное...

— Многое ты потеряешь, — продолжил он так, словно я вовсе ничего не говорил. — Главное должен сохранить — самонаблюдение, усилие, концентрацию, осознание себя как потока мгновенных состояний, радость, спокойствие и умиротворение, и все это в любых условиях, не в мирной обстановке вата, а в бурлении обычной жизни, в делах и заботах, в столкновениях с другими...

Я невольно глянул в ту сторону, куда неотрывно смотрел брат Пон, в первый момент не увидел ничего интересного, но затем понял, что Меконг, обычно бурый и мутный, выглядит сегодня не совсем так.

По поверхности реки шла серебристая полоса, местами она исчезала, словно ныряла вглубь, но затем вновь появлялась. Вокруг нее вились несколько других, темно-желтая, золотистая и серая, и выглядело все это пучком исполинских поблескивающих лент.

— Вот так и мы, — сказал брат Пон задумчиво. — Возникаем, чтобы раствориться. Затем снова и снова... Сталкиваемся с другими, расстаемся, забываем, что было ранее... Крутится колесо, миллионы раз забрасывая нас в разные уголки Вселенной... И зачем? Кажущаяся полнота бытия оборачивается пустотой, в то время как истинная пустота обещает невероятное богатство существования...

Печаль, звучавшая в его голосе, похоже, была искренней, так что я слушал, затаив дыхание.

— Помнишь, мы с тобой говорили о сознании? — брат Пон посмотрел на меня, и Меконг вновь стал таким же, как всегда, громадной канавой,

заполненной мутной жидкостью.

— Мы говорили о нем много раз, — осторожно отозвался я.

— О его видах. О том, что каждый человек обладает шестью видами сознания. Зрительным, слуховым, обонятельным, вкусовым, осязательным и собственно ментальным, которое сосредоточено на образах, порождаемых нашим умом.

— Да, помню.

Беседа на эту тему действительно имела место, но всего один раз, и никаких практических выводов из нее не последовало, что меня тогда сильно удивило, поскольку брат Пон не раз заявлял, что имеет ценность лишь то знание, которое так или иначе можно использовать на пути мудрости.

— На самом деле, помимо шести перечисленных, существуют еще два вида сознания. Седьмое — это то, что можно назвать «умом», и именно его средний человек полагает центром своей личности, ведь он является той осью, вокруг которой вертятся остальные виды сознания.

— А в чем разница между ментальным сознанием и умом? — спросил я.

— Шестое сознание — это лишь пассивная регистрация образов внутреннего мира. Седьмое — активное их комбинирование с элементами других сознаний, формирование картины себя и окружения.

Брат Пон подождал немного и, лишь убедившись, что вопросов у меня пока нет, продолжил:

— Но есть еще и восьмое, которое именуют «сокровищницей».

— Почему? — не выдержал я.

— А это ты сейчас попробуешь узнать. А ну, закрывай глаза.

И я уселся в позу для медитации прямо на мостках, рядом с кастрюлей из-под риса и стопкой чистых мисок. Судя по шагам, брат Пон приблизился, шуршание одежды подсказало мне, что он тоже сел.

— Ты должен увидеть реку, — сказал он. — Чистую, прозрачную, не как Меконг. Вообрази ее себе...

Мелькнула мысль, что с такой задачей я справлюсь без труда, и я взялся за дело. Представил берега, заросшие березняком, волны цвета серебра, золотой песок и шелестящую осоку.

А затем понял, что не могу удержать образ, что он ускользает, рассыпается на части.

И это после того, как я перенес в воображение бхавачакру, зафиксировал ее в мельчайших подробностях? После того, как я словно на видеопленке разглядывал священную гору Меру и ее обитателей, смертных

и бессмертных?

Я сосредоточился, пытаюсь собрать картинку, точно пазл, — берега, вода, осока...

В один момент вроде бы получилось, я даже увидел блики на волнах, ощутил ту смесь запахов, что царствует на малых речках средней России в разгар лета, сам встал на мягкое илистое дно.

— Отлично, — сказал брат Пон. — Что ты видишь под волнами?

И тут же образ рассыпался, лопнул, как зеркало, в которое бросили кирпич. Произошло это настолько внезапно и оказалось так болезненно, что я вздрогнул и открыл глаза.

Понял, что натворил, и мне стало стыдно.

— Я все испортил, да? — спросил я.

— Нет, — брат Пон покачал головой. — Я и не ждал, что ты добьешься успеха. Сознание-сокровищница рано или поздно откроет перед тобой свои тайны, но не сегодня.

Несмотря на его слова, я ощущал себя так, будто проворонил благоприятную возможность, упустил шанс сделать что-то важное, а следующий если и представится, то не скоро.

Говоря откровенно, я здорово расстроился.

Привык за последнее время, что любая медитация получается у меня чуть ли не с первого раза.

Брат Пон, судя по хитрому взгляду, понимал, что со мной творится, но ни упрекать, ни утешать меня не стал. Я собрал посуду, и мы отправились по тропке вверх, туда, где над откосом меж деревьев виднелась крыша храма.

Брат Пон позвал меня, когда я закончил таскать воду.

— Надо сходить в деревню, — сказал он. — Забрать кое-что у нашего друга-торговца. Прихвати сумку, вдруг кто из селян захочет сделать тебе подношение...

Я кивнул, стараясь не выдать недовольства, но морда у меня наверняка была кислая. Вышло так, что поднялся я сегодня до рассвета и ни разу не присел, хотя солнце уже вскарабкалось в зенит.

Образ рассыпался, лопнул,
как зеркало, в которое бро-
сили кирпич.

Палило немилосердно, в пустом животе недовольно екало.

Ну а помимо остального, в деревне меня ждали собаки.

Да, последняя встреча с ними закончилась мирно, но тогда рядом находился брат Пон.

— И не тяни, — добавил монах. — Не успеешь к обеду, останешься без него.

Вздыхнув, я побрел к себе в хижину за сумкой.

Вскоре я уже шагал по знакомой тропке в сторону деревни, через мостик, который я некогда сломал, а затем сделал новый. Цель приближалась, я нервничал все сильнее и сильнее и никак не мог изгнать назойливые мысли о том, как именно встретит меня свора.

Поняв, что в таком состоянии я могу рассчитывать лишь на «ласковый» прием, я остановился и устроился в тенишке под деревом. Лучше потратить немного времени и в конечном итоге остаться без обеда, чем вернуться в Тхам Пу с искусанными руками и ногами.

Начав считать вдохи, я перешел к «это не я, это не мое» и понемногу успокоился. Подавить нервозность до конца я не сумел, но хотя бы перестал трястись и смог думать о постороннем.

Я продолжил путь и вскоре выбрался на дорогу.

Рычание в кустах дало понять, что меня заметили и рады будут со мной поиграть.

— Тихо, — сказал я, в этот раз обращаясь уже не к собакам, а к себе, к собственному сознанию. — Неужели все это было зря? Или брат Пон потратил кучу времени впустую?

Из зарослей без спешки выбрался черный вожак, вроде бы еще выросший за эти месяцы. За ним показались другие собаки: сплошь оскаленные клыки, полные раздражения глаза.

Нужно было попытаться разложить их на элементы, представить каждую как набор частей, но в этот момент я забыл о той практике, что принесла мне успех в прошлый раз. Я застыл, точно парализованный.

Вожак зарычал, одна из псин раздраженно гавкнула, еще миг, и они

вцепятся в меня...

И тут мир завращался.

Потек, распался на многие тысячи крохотных фрагментов обоняния, осязания, мысли, слуха, что вспыхивали на мгновение и тут же исчезали, уступая место другим. Цельная картина реальности, к которой я привык с детства, исчезла и в то же время осталась на месте.

Я очутился в центре исполинского колеса, что вращалось вокруг меня неспешно и бесшумно, а я двигался то ли внутри него, то ли вместе с ним, но в пространстве с куда большим количеством измерений, чем три.

Да, в нем имелись некие оснащенные зубами существа, находившиеся рядом, но они обладали не большей значимостью, чем все остальное — небо, деревья и трава, земля под ногами, размышления о том задании, что мне нужно выполнить в деревне, жужжащие в зарослях насекомые.

Состояние это во всей его полноте продлилось несколько мгновений, потом все опять стало как раньше.

За одним исключением — мохнатый вожак дружелюбно вилял хвостом и уже не скалился, а улыбался по-собачьи, прочие же барбосы поскуливали и бегали вокруг с игривым видом.

— Хорошие собачки, — сказал я, глядя черную густую шерсть.

И в этот момент я знал, что свора меня больше не тронет никогда, что я могу ходить мимо, даже забираться в кусты, где животные прятались от полуденного зноя, и ничего мне не будет...

Похлопав вожака по холке, я зашагал дальше.

Собаки еще некоторое время бежали следом, а потом отстали.

Мохнатый вожак дружелюбно
вилял хвостом и не скалился,
а улыбался по-собачьи.

В деревне я не встретил никого, но сумка для подношений оказалась крайне необходимой в тот момент, когда хозяин магазинчика принялся выставлять на прилавок небольшие бутылки с яркими этикетками.

Внутри каждой плескалась черная густая жидкость, напоминавшая соевый соус. Этикетки украшали надписи на тайском, рисунков не имелось, так что это могло быть что угодно, от приправ к рису до средства

от насекомых.

Но я не испытал даже тени любопытства.

Еще через полчаса я вернулся в Тхам Пу, избавился от груза и рассказал брату Пону, что со мной было.

— Ну вот теперь я точно могу сказать, что мы с тобой работали все это время не зря, — проговорил монах, с удовлетворенным видом покачивая головой. — Обучение закончено. Нет, не целиком, но первый этап... Теперь ты можешь считать себя вступившим на путь. Осталось всего лишь пройти его до конца.

И он рассмеялся, хлопая себя по коленям.

Возможность задать вопросы представилась только в сумерках, после того как я закончил пропалывать наш крохотный огород. Вечер выдался просто жарким, а не изнурительно душным, и в ветерке, что дул со стороны Меконга, обнаружились необычные для этого времени года нотки свежести.

— Что значит «вступивший на путь»? — осведомился я, когда мы уселись под навесом.

— А то, что ты твердой стопой встал на дорогу, ведущую к освобождению.

— И я обязательно пройду ее до конца?

— Это очень вероятно, — сказал брат Пон. — Но ответить на этот вопрос невозможно.

— Но как так? — удивился я. — Ведь вы знаете методику, обучали по ней других... Результат должен быть гарантирован.

— Вовсе нет, — он покачал головой. — Смотри, однажды к Просветленному, когда тот уже возглавлял процветающую общину, явился некий брахман и начал задавать вопросы. Ведомы ли почтенному Готаме этапы пути, ведущего к нирване? «Да», — ответил Будда. Много ли учеников ныне упражняются в добродетели под руководством почтенного Готамы? «Много», — ответил Будда. А все ли они обретут полное освобождение? Догадайся, что ответил Просветленный.

Я почесал в затылке:

— Понятно, что «нет». Но почему?

— Точно такое же «почему» озвучил и брахман, хотя намного более велеречиво. Тогда Просветленный спросил его в ответ — знает ли почтенный гость дорогу в Бенарес? «Да», — ответил брахман. И если сто человек спросят у почтенного гостя об этой дороге и каждому почтенный гость даст подробные и точные указания, все ли доберутся до цели? И что

ответил брахман?

— Нет, — уже более уверенно ответил я. — Каждого ведь за руку не отведешь. Обязательно кто-то заблудится, другой услышит все неправильно, третий увлечется какими-то делами и свернет.

— Теми же словами, только более подробно, и воспользовался почтенный брахман, — сказал брат Пон. — И еще добавил, что он всего лишь указывает путь, и не более того. Сейчас же я лишь повторю то, что некогда озвучил Будда — и мы всего лишь указываем путь, а пройти его каждый должен сам, своими ногами.

Намек выглядел более чем понятным, но мне все равно хотелось более четкого ответа, хотелось знать, через сколько лет и каким именно образом я достигну цели, если достигну вообще.

Желание это я осознавал, как и порожденную им неудовлетворенность, но это пока не помогало.

— Пойдем, — сказал брат Пон, поднявшись. — Надо прогуляться.

Я двинулся следом за ним без единого возражения, хотя было уже темно и джунгли сливались в единую массу, из которой высывались усаженные шипами ветки, а корни сами бросались под ноги.

Вскоре стало ясно, что мы идем к тому месту, где я медитировал и чертил колесо судьбы. К моему удивлению, там обнаружили двое молодых монахов, а между ними — ведро с водой.

Неужели они захотели снова показать мне смерть? Но зачем?

— Здесь ты некогда обнаружил в себе корни привязанностей, — сказал брат Пон, остановившись. — Тут же мы должны попробовать выкорчевать их из твоей души. Созерцанием жизни называют этот ритуал, и братья согласились помочь нам его провести. Садись, закрой глаза и спокойно дыши, стараясь ни о чем не думать.

Я выполнил его указания.

Я был совсем не тот, что несколько месяцев назад, и вскоре дыхание мое стало ровным, волнение улеглось, уступив место осознанию звуков ночного леса, ощущений моего собственного тела и тех реплик на тайском, которыми обменивались брат Пон и его подручные.

А потом кто-то или что-то вцепилось мне в правую руку, чуть пониже локтя.

Я дернулся и открыл глаза, ожидая увидеть по меньшей мере бешеную собаку, но не обнаружил ничего!

— Глаза закрыть! — рявкнул брат Пон, и я повиновался.

За первым укусом последовал второй, в макушку, потом сразу несколько, и я ощутил, что меня рвут на части. Громадные челюсти

сомкнулись на бедре, острые клыки вцепились в плечо, выдирая его из сустава, нечто вроде пилы начало елозить по левой лодыжке.

И это они называют «созерцанием жизни»?

Меня буквально рвали на куски, и хотя я понимал, что тело мое остается целым, легче от этого не было, скорее даже хуже, поскольку один и тот же участок тела мог пострадать неоднократно...

— Ты должен увидеть за этим свет, — прошептал брат Пон, склонившись к самому моему уху.

Свет? За болью и страданием?

— Можешь счесть это посвящением, — добавил монах. — Ну же, постарайся...

Очередной укус словно раздробил мне голову, другой пришелся на весьма деликатный орган. Все силы мои ушли на то, чтобы остаться бесстрастным, не закричать, не выдать того, как мне плохо, и не поддаться эмоциям, что вполне естественны для человека в такой ситуации.

Укус словно раздробил мне
голову, другой пришелся
на весьма деликатный орган.

И в один момент под опущенными веками забрезжило призрачное сияние.

Облегчения оно не принесло, и наслаждался я его переливами всего лишь мгновение, а затем упал в бездну, наполненную стенаниями, тьмой и скрежетом зубовным...

Очнулся я у себя в хижине и обнаружил, что уже утро, а все тело болит так, словно меня на самом деле искусили.

Откровенно говоря, я ждал, что мне объяснят смысл произошедшего вечером. Но никто о «созерцании жизни» даже и не вспомнил, и после завтрака меня нагрузили обычными поручениями.

Я воспрянул духом, когда брат Пон через некоторое время позвал меня к себе.

— Ну что, узнаешь? — спросил он, и только тут я обратил внимание на вещи, лежавшие перед ним на циновке.

Рубаха с короткими рукавами, шорты цвета хаки... ха, это же моя

одежда!

А рядом прочие вещи — рюкзак, сотовый телефон, зарядка к нему, все остальное...

— Узнаю! — отозвался я и нагнулся, чтобы подобрать мобильник.

В первые дни в Тхам Пу руки просто чесались от желания потыкать пальцем в его кнопки, но затем я как-то отвык и сейчас смотрел на аппарат точно так же, как в день покупки.

— А ну не трогай! — брат Пон шлепнул меня по ладони. — Разве это твое?

— Ну да... А чье же?

— Все эти вещи лишь даны тебе взаймы! — он сердито погрозил мне пальцем. — Забыл?

Я вздохнул с сожалением, но руку убрал.

— И пока ты будешь считать их своими, я их тебе не отдам, — продолжил монах. — Конечно, ты можешь отправиться в Паттайю в антаравасаке, без паспорта и денег, но я не думаю, что это будет разумно.

Предстать перед знакомыми и друзьями в виде буддийского послушника?

При мысли об этом я поежился.

— Поэтому держи для начала вот это... — брат Пон подобрал рубаху, светло-голубую, в оранжевых попугаях, и подал ее мне. — Сделай ее объектом своей медитации. Добейся того, чтобы она вызывала у тебя столько же эмоций, сколько грязные штаны камбоджийского работяги...

И я отправился в джунгли, на то место, где меня вчера подвергли «созерцанию жизни»; от воспоминаний о нем меня до сих пор корежило, я почти ощущал, как незримые, но вовсе не бесплотные челюсти терзают мускулы и крушат кости.

Уложив рубаху перед собой, я приступил к делу.

Поначалу разум мой успокаиваться не пожелал, ведь предмет, выданный мне братом Поном, рождал кучу ассоциаций — я купил эту вещь в «Майк Шоппинг Молле», когда мы ходили туда с друзьями из Казани... и она была на мне в тот вечер, когда я познакомился с Таней, и потом она говорила, что... и еще я как-то раз запачкал ее гранатовым соком так, что думал, придется выкидывать...

Бороться с этим потоком воспоминаний я не стал, просто дождался, пока он себя исчерпает.

И только затем приступил к созерцанию, разглядывая рубаху так, словно видел ее впервые в жизни, словно она не имела ко мне никакого отношения, повторяя время от времени про себя «это я одолжил, это я

скоро верну».

В этот день особого эффекта я не добился.

Но на следующий все получилось как надо — я искренне удивился, какого лешего пялюсь на цветастую тряпку, и не сразу вспомнил, что когда-то носил ее, да с удовольствием, и казался себе в ней привлекательным мужчиной.

Брат Пон, услышав о моем достижении, кивнул, а затем одним движением оторвал от рубахи рукав.

Я положил перед братом Поном свой бумажник, пухлый, набитый зелеными бумажками.

— Что ощущаешь? — поинтересовался он, требовательно заглядывая мне в глаза.

— Да ничего, — честно ответил я.

— Тогда берись за шорты, а я пока пришью рукав на место.

С шортами пришлось, с одной стороны, легче, поскольку они были вещью более обыденной, а с другой — тяжелее, поскольку я приобрел их в Европе много лет назад и таскал не один год.

Но и с ними я уложился в сутки, и настал черед рюкзака, затем сандалий, телефона...

Каждая такая вещь служила точно ключом к резервуару, где содержались мысли, ощущения и воспоминания, и резервуар этот висел на мне мертвым грузом до тех пор, пока я не опустошал его. Занимаясь этим, я почти физически ощущал, как мне становится легче, как рвутся веревки, привязывавшие меня к минувшему.

Склонившись, я положил на циновку перед братом Поном свой бумажник, пухлый, черной кожи, набитый не только батами, но и зелеными бумажками с портретами американских президентов.

— Неужели закончил? — недоверчиво поинтересовался монах.

Я кивнул.

— Сейчас проверим, — брат Пон открыл бумажник, порылся в нем и вытащил стодолларовую купюру.

Поглядев на меня, он разгладил ее, быстрым движением разорвал

напополам, а затем, точно этого было недостаточно, запихнул оба куска в рот и принялся сосредоточенно жевать.

— Что чувствуешь? — поинтересовался он, с усилием сглотнув.

— Да ничего.

— И ведь правда ничего, — брат Пон покачал головой и вытащил купюру у себя изо рта, целую и невредимую. — И не смотри на меня так, одно время я подрабатывал бродячим факиром. Могу достать зайца не то что из шляпы, а даже из бейсболки.

— Всего лишь зайца? — поинтересовался я так, словно вынимал слона из еврейской кипы три раза в день.

— Ладно, шутки в сторону, — монах стал серьезным. — Забирай свои шмотки. Проверь, все ли с ними в порядке...

Рубаху он вернул мне в целостности и сохранности, и только внимательно осмотрев ее, я смог определить, какой рукав пострадал от вандализма брата Пона. В рюкзаке все оказалось на своих местах, но, разглядывая вещи, с которыми я три с лишним месяца назад приехал в Нонгкхай, я ощутил, что роюсь в багаже мало знакомого мне человека.

Да, я узнавал предметы, но они не имели для меня особого личного значения, которое обязательно приобретают пожитки, если пользоваться ими на регулярной основе, каждый день.

Попытавшись включить сотовый, я без особого удивления обнаружил, что он разряжен в ноль.

Интересно, сколько людей за это время пытались дозвониться до меня?

При мысли об этом мне стало неудобно, возникло желание отшвырнуть мобильник, или нет, взять все эти шмотки и утопить в Меконге, а затем броситься к брату Пону и умолять его, чтобы он позволил мне остаться...

Нет, глупости все это.

Он не согласится, да и я, если не отмечусь в ближайшее время в иммиграционном офисе, превращусь для властей Таиланда в нелегала, а к нелегалам в королевстве относятся очень жестко.

Да и надо показаться друзьям, дать знать родственникам в России, что я жив...

Очень медленно я снял антаравасаку, к которой за время в Тхам Пу привык как ко второй коже. Натянул рубаху и шорты, и эта «униформа» фаранга показалась мне в первый момент адски неудобной, и не только потому, что я здорово похудел.

Увидев меня в таком наряде, брат Пон рассмеялся и сказал:

— А я уже и забыл, как ты выглядишь на самом деле.

— Не смешно, — мрачно буркнул я. — Я отвык от этой одежды, теперь

привыкаю... Когда мне... ну, уезжать?

До последнего теплилась надежда, что он скажет «через неделю» или «оставайся».

Но монах спокойно заявил:

— Завтра. Я тебя провожу, чтобы убедиться, что ты сел в автобус.

— На первой же остановке я выпрыгну в окно и вернусь сюда, — мрачно пошутил я, но брат Пон воспринял мои слова серьезно.

— Боюсь, что ты не найдешь здесь того, что ожидаешь, — сказал он негромко, а после паузы добавил. — Когда-то давно я попытался вернуться в дом наставника после того, как он отправил меня в мир. Но обнаружил лишь древние развалины и запустение, гнездящуюся под камнями кобру и плющ, обвивший то, что осталось от стен и крыши. Понимаешь?

— Не до конца...

— Прошлое нельзя ухватить, оно лишь мираж, иллюзия, — тут брат Пон улыбнулся. — Цикл закончен, и вернуться в него не по силам даже существу, обладающему божественным могуществом. Единственное, что остается тебе, это существовать в другом цикле, в новом времени, использовать те возможности, что оно предоставляет тебе. Сожаления о былом лишь ослабляют, так что не позорь наставника, позволяя им одолеть тебя.

— Я постараюсь, — пообещал я, хотя вовсе не был уверен, что у меня получится.

— А теперь переоденься обратно и отправляйся подметать храм, — приказал монах. — До завтрашнего утра ты послушник нашего вата и не имеешь права вести себя как праздный гость-турист.

Я скривился и отправился выполнять распоряжение.

В этот последний день в Тхам Пу все валилось у меня из рук, я пару раз ронял метлу, а затем, полоща белье, едва не упустил одну из простыней. Сосредоточиться как следует я не мог, любые попытки заняться медитацией заканчивались тем, что я погружался в дремотное полусонное состояние, в котором едва осознавал поток собственных мрачных мыслей.

Что я буду делать в Паттайе, как смогу там жить? И когда вернусь сюда?

В то, что байка, рассказанная мне братом Поном, имеет отношение к реальности, я не верил — ясное дело, что это притча, озвученная с воспитательными целями, а не настоящее воспоминание.

За вечерней трапезой я задумался настолько, что застыл с чашкой риса в руках. Очнулся, только ощутив болезненный удар по плечу, от которого

сустав мой онемел.

За вечерней трапезой я задумался настолько, что застыл с чашкой риса в руках.

— Да, не ждал я такого, — сказал брат Пон, опуская свой бамбуковый посох. — Интересно, чему я учил тебя все это время?

Вид у него был сокрушенный, но глаза смеялись.

— Простите, — сказал я, потирая плечо. — Но я это, ну...

— Ты размышляешь о том, как будешь совмещать обычную жизнь и то, что постиг здесь?

В том, что касалось чтения чужих помыслов, брату Пону равных я не знал.

— Я не вижу твои мысли, — пояснил он. — Просто я был однажды на твоём месте. Думаешь, ты один такой уникальный со своими чувствами и переживаниями? Глупости. Люди на самом деле более-менее одинаковы, а уж в ситуациях обучения и подавно ведут себя сходным образом.

— Но как на самом деле я буду совмещать? — поинтересовался я.

— Не имею ни малейшего представления, — признался брат Пон с улыбкой. — Каждый ученик решает эту задачу сам. Могу лишь посоветовать тебе не напрягаться. Старание и упорство тут не помогут, а вот умение расслабиться и подстроиться под ситуацию может оказаться полезным... Но чего я говорю, ведь ты все-все знаешь, — погрозив мне бамбуковой палкой, он добавил: — Вот треснуть тебя надо, чтобы вспомнил!

— А когда я смогу вернуться?

— Никогда, — увидев ошеломление на моей физиономии, монах покачал головой. — Возвращение невозможно. У тебя наверняка будет возможность приехать заново.

— Но когда?

Брат Пон вздохнул:

— Не думай о будущем, забудь о нём, сосредоточься на том, что ты делаешь сейчас. Возможность для того, чтобы сделать очередной шаг на пути, лежит не в следующем месяце и не в новом году, а в этом моменте, и

только в нем. Немедленно ешь свой рис. Пусть это дело станет для тебя последним в жизни, и тогда ты сможешь превратить его в ошеломляющую по силе медитацию, куда более эффективную, чем сотни часов созерцания лика Будды!

Я подумал мгновение и заработал ложкой.

— Каким окажется будущее, неведомо, поэтому нет смысла фиксироваться на нем, — продолжил монах, глядя, как я управляюсь с едой. — Сил человеку дано не так много. Расходуя ресурсы осознания на эфемерные образы прошедшего или грядущего, ты не оставляешь ничего на то мгновение, в котором находишься сейчас, на ту единственную иллюзию, над которой мы имеем некоторую власть.

— Так настоящее — тоже иллюзия? — удивился я.

— А как же. Что такое настоящее — миг, зажатый между прошлым и будущим. Прошлое реально? Уже нет. Будущее реально? Еще нет! Как может быть реальной сущность, определяемая через две нереальные?

На это я не нашелся что сказать.

Но то ли благодаря словам брата Пона, то ли собственными усилиями, но я сумел отсечь беспокойство, забыть о тревогах, касающихся завтрашнего дня, и сосредоточиться на сегодняшнем.

Мы до самой темноты проговорили, сидя под навесом, и спать я отправился спокойным.

— Ну что, готов? — и брат Пон смерил меня тем взглядом, каким родители оценивают чадо, собранное на первое сентября в первом классе.

— Готов, — нервно отозвался я.

Спал я как младенец, но стоило открыть глаза, как тревога вернулась.

Я оглянулся, потом еще,
но вскоре крыша храма ис-
чезла за деревьями.

Я боролся с ней, собирая вещи и переодеваясь, но одолеть до конца так и не сумел. Как встретит меня обычный мир, из которого я так беспардонно сбежал, не поставив никого в известность?

— Тогда пошли, — сказал брат Пон.

Молодые монахи, чьих имен я так и не узнал, с кем не разговаривал ни разу, по очереди сделали вай в мою сторону, и я ответил тем же, остро

понимая, как нелепо выглядит это приветствие, если исполнять его, будучи облаченным в гавайскую рубашку и шорты.

— До встречи, — проговорил я, сглатывая упрямый комок в горле.

Они улыгнулись и замахали, а мы с братом Поном двинулись по тропке прочь от вата. Я оглянулся, потом еще раз, но вскоре остроконечная крыша храма исчезла за деревьями.

— Не оборачивайся, — посоветовал монах. — Вата более не существует. Он исчез.

— Провалился сквозь землю?

— Можешь и так считать. С практической точки зрения это не имеет значения.

— Погодите... — я встрепнулся. — Все хотел спросить... Что за «созерцание жизни»? Зачем оно было нужно?

— Чтобы ты мог ощутить истинное качество этого существования.

— И какое же?

— Свет в объятиях боли, — сказал брат Пон с улыбкой, и желание расспрашивать дальше у меня пропало.

Мы дошли до дороги, и почти тут же показался черный пикап, ехавший в сторону Нонгкхая. Водитель остановил машину и полез наружу, чтобы поприветствовать монаха должным образом.

Брат Пон благословил его, и мы втиснулись в кабину, вдвоем на одно место.

Владелец пикапа что-то рассказывал на тайском, поглядывая на меня с любопытством — еще бы, фаранг, путешествующий в компании служителя Будды, да еще такого служителя!

Брат Пон отвечал ему, не забывая улыбаться.

Нонгкхай, сонный и тихий по сравнению с какой-нибудь Паттайей, показался мне шумным и людным, но, очутившись в толпе, я не ощутил ни тошноты, ни головокружения. Вскинул рюкзак на плечи, и мы двинулись в сторону автостанции, той самой, где я некогда налетел на монаха с гривой волос, заплетенных в косички.

— Ну вот, дело почти сделано, — сказал брат Пон, когда я купил билет на автобус, отходивший через два часа.

— Рано утром буду в городе, там возьму такси до своего кондо, и все, приехал... — сообщил я, без особого успеха пытаюсь отогнать чувство, что на этом моя жизнь и закончится.

Мы прошли до рынка, я купил несколько завернутых в листья ногкхайских колбасок и бутылку воды. Прогулялись по набережной, а когда вернулись на автостанцию, то двухэтажный автобус с огромными

цифрами 407 на лобовом стекле уже стоял у платформы, и водитель изучал билет одного из пассажиров.

— Мы обязательно увидимся, — уверенно сказал брат Пон, когда я остановился и повернулся к нему. — Не в этом воплощении, так в следующем, а может, и через десяток. Кто знает?

Я собрался уже сделать ваи, не думая, как это будет выглядеть, но он опередил меня, протянув руку.

— Давай, не посрами своего наставника, — проворчал монах шутливо и подтолкнул меня к автобусу.

Устроившись в кресле на втором этаже, я обнаружил, что брат Пон пропал. Видимо, он решил не ждать отправления, а пустился в обратный путь к сгнувшему вату... а может быть, и сам перестал существовать, растворился в начавших сгущаться сумерках.

Но когда мы поехали, мне показалось, что в толпе мелькнула знакомая фигура в бурой антаравасаке. Я прилип носом к стеклу, пытаюсь сообразить, он это или нет, но группа туристов с огромными рюкзаками закрыла человека в монашеском одеянии, а когда они прошли, его на месте не оказалось.

Все одиннадцать часов пути я провел в оцепенении, то спал, то просыпался, пытаюсь сообразить, где я нахожусь, куда и зачем еду...

А потом, спотыкаясь, выбрался из автобуса на остановке напротив мечети и вдохнул знакомый воздух Паттайи: да, я оказался там же, откуда уехал несколько месяцев назад, но вернулся я совсем другим, кое-что приобрел, но куда большего лишился, причем вещей не просто бесполезных, а вредных.

При осознании этого факта тревога, страх, прочая мишура вспыхнули упавшей в огонь соломой и исчезли.

Глядя на направляющегося ко мне таксиста-мотобайщика в желтой жилетке, я испытал прилив невероятной легкости и ясности — да, брата Пона больше нет рядом, но его учение, дух и плоть его со мной, и всегда будет со мной, и это утро ничуть не хуже другого годится, чтобы начать новую жизнь.

Так в чем же дело?

Вперед!

БУСИНЫ НА ЧЕТКАХ

Все в этом мире, начиная от вещей и заканчивая собственным телом, дано нам взаймы на сравнительно короткий промежуток времени — семь-восемь десятилетий, максимум век. И любая привязанность к тому, что

столь недолговечно, становится источником разочарований и негативных эмоций.

Нужно быть готовым к тому, что все — благосостояние, здоровье, дружеские связи — может быть отобрано в любой момент, внезапно и безжалостно, без предупреждения. Всякое жилище, каждое пристанище является временным, ни одно не укроет нас навсегда.

Даже долговечные вещи вроде ювелирных украшений отберет безжалостная смерть.

И если настроить себя правильно, то никакая потеря, даже самая болезненная на первый взгляд, не вышибет нас из равновесия сверх меры, не оставит в душе незаживающих ран.

* * *

Все мы живем в окружении вещей и невольно к ним привязываемся, забываем о том, что материальные предметы не вечны и лишь даны нам во временное пользование. Пройдет несколько лет, и та одежда, что сейчас так радует, превратится в тряпку, смартфон устареет, машина утратит первоначальный лоск.

Для того чтобы избавиться от заикленности на вещах, используется следующая медитация.

Предмет, вызывающий эмоции, берется в качестве объекта созерцания, и после того, как его образ намертво закрепится в сознании, к нему привязывают мысль-мантру «это я одолжил, это я скоро верну».

Ежедневной последовательной практикой нужно добиться того, чтобы объект стал восприниматься как чужой, перестал вызывать чувство привязанности. После этого берется другой, третий, четвертый, и так до тех пор, пока склонность воспринимать предметы как свои не лишится корней.

* * *

Возможности для развития, для того, чтобы сделать еще один шаг к свободе, содержатся исключительно в настоящем моменте, поэтому его нужно использовать по максимуму.

Не тратить время на сожаления о прошлом, что уже прошло и не вернется ни при каких условиях.

Не расходовать его на опасения и надежды, связанные с будущим, которое может вообще не наступить или оказаться совершенно не таким, каким мы его себе представляем.

Ресурсы человека ограничены, и если тратить их на то, что было или будет, то на настоящее их просто не останется.

Пара слов от автора в завершение

Эту книгу можно читать как повесть, занимательный художественный текст.

Можно — как руководство по йоге пустоты, шуньята-йоге.

Если вы избрали второй вариант, то имейте в виду, что путь каждого индивидуален и что описанный в тексте экспресс-курс проходил в экстремально сжатые сроки и под наблюдением опытного наставника.

Реакция на упражнения-медитации всегда индивидуальна, и никто не скажет, через какое время появится эффект. Несомненно лишь то, что он обязательно будет, и при правильном исполнении — неизбежно позитивный.

Пробуйте, получайте удовольствие, и самое главное — осознавайте, что и зачем вы делаете.

t.me/marketologmanager